

18+

Диана Крымская

Герцог Чёрная Роза (I)

Диана Крымская
Герцог Чёрная Роза (I)

«Издательские решения»

Крымская Д.

Герцог Чёрная Роза (I) / Д. Крымская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567485-2

Авантюрно-любовный псевдоисторический роман повествует о любви таинственного полководца — герцога Черная Роза и прекрасной графини Доминик де Руссильон. Им предстоит пройти через множество испытаний, их ожидают невероятные приключения, козни врагов, поединки и похищения... Но обоюдное чувство, связавшее героев, поможет преодолеть все преграды на пути к счастью.

ISBN 978-5-00-567485-2

© Крымская Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Свадьба Чёрной Розы	6
Часть 2. Два герцога	59
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Герцог Чёрная Роза (I)

Диана Крымская

© Диана Крымская, 2022

ISBN 978-5-0056-7485-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-7486-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Свадьба Чёрной Розы

Франция, 13 век. Период Альбигойских войн.

Прованс и Лангедок охвачены восстанием против короля Людовика, возглавленным знатнейшими дворянами провинций. К катарам* присоединились и некоторые католики.

Людовик отправляет на подавление бунта войска под предводительством двух полководцев – Симона де Монфора* и некоего дворянина в белом плаще, украшенном черной розой, никогда не снимающего с лица черную маску. Этого дворянина все называют герцогом Чёрная Роза.

Война продолжается долго. В итоге у восставших остается всего несколько замков и крепостей, которые осаждаются королевскими войсками.

* катары – христианское религиозное движение в Западной Европе в XI-XIV веках, которое преследовалось Папой, королем и инквизицией в период так называемых Альбигойских войн

* Симон де Монфор – реальный исторический персонаж, граф Тулузский, во времена Альбигойских войн печально прославившийся своей страшной жестокостью и заслуживший жгучую ненависть жителей Окситании.

1. Посланец Чёрной Розы

Увидев из окна башни перед подъемным мостом троих закованных в броню рыцарей, один из которых держал в руке копьё с привязанным к наконечнику белым флагом парламентаря, граф де Руссильон велел опустить мост и поднять решетку. Но в замок был пропущен только один из них. Двое остались ждать с его лошадьёю на мосту. Этот рыцарь, в алом плаще и серебристом шлеме, последовал быстрым шагом за графским управляющим, Бастьеном.

Зала в донжоне, главной башне замка, где ждал посланца осаждающих старый граф, была большой и пышно обставленной. Руссильона называли одним из богатейших дворян Лангедока, и это была чистая правда. Ткани, утварь, коллекция восточного оружия на стене, – всё говорило о власти и богатстве хозяина замка. Посол нашел графа сидящим в высоком дубовом кресле с массивными подлокотниками в виде львиных голов. По правую сторону кресла на стене висел герб Руссильона – красное полотнище с крестом и четырьмя вертикальными полосами. Над гербом красовалась вышитая золотом графская корона.

Рыцарь снял шлем, украшенный белыми перьями, и непринужденно поклонился Руссильону. Старик тотчас узнал этого красивого светловолосого молодого человека – это был граф Анри де Брие.

– Что ж, ваше сиятельство, – начал Руссильон, – приступим сразу к делу.

– Признайтесь, вы не ожидали, что мы вступим с вами в переговоры.

– Да, удивлен, признаюсь. Это не похоже ни на Монфора, ни на Черную Розу... Удивлен – но отнюдь не обрадован.

– Даже если я принес в ваш замок, после двух недель осады, оливковую ветвь мира? – чуть насмешливо, как показалось Руссильону, осведомился молодой человек. Старик насторожился. Ему все меньше нравилось посольство Черной Розы. Что задумал сейчас этот ужасный человек, которого граф величал не иначе, как «проклятием Лангедока»? И не он один. И Симон де Монфор, посланный самим Папой подавить бунт еретиков-катаров, и герцог Черная Роза – полководец французского короля, – оба эти человека были ненавидимы и проклинаемы всеми жителями Окситании – края, куда входили Лангедок и Прованс.

– Мир между нами невозможен, – резко ответил Руссильон. – А если вы явились ко мне с предложением о сдаче замка... Мы не собираемся сдаваться! Нам слишком хорошо известна милость ваших предводителей – об их зверствах, жестокостях и насилии над несчастными, попавшими живыми в их лапы, ходят легенды по всему краю!

– Я – посланец не Монфора, а герцога Черная Роза, – высокомерно сказал де Брие, – и, клянусь честью, – все, что говорят о монсеньоре и о его зверствах, – выдумки и гнусная ложь! Что же касается Руссильонского замка... Войдя в него, я увидел во дворе множество людей, – среди них дети, старики, женщины. У вас, как нам прекрасно известно, почти не осталось еды. Люди истощены, они падают с ног от усталости и голода. Говоря: «Мы не сдадимся!» – вы выражаете мнение своё – или их?

Старый граф поджал тонкие губы. Он тоже, как заметил де Брие, был очень бледен и имел измученный вид. Веки светло-голубых почти выцветших глаз покраснели и опухли, красивые пышные седые усы сейчас как-то скорбно, устало обвисли. Старик явно не спал несколько дней и ночей, подготавливая замок к отражению возможного штурма.

«Из тех, кто умирает, но не сдаётся, – подумал де Брие, – да, этот Руссильон – крепкий орешек! Но мы его расколем!»

– Послушайте, господин граф, – вслух сказал он, – у меня есть для вас два послания, которые я должен вам передать. Первое – от вашей старшей дочери Марианны, из замка Монсегюр...

– От Марианны? – недоверчиво переспросил Руссильон.

– Да; несколько дней назад герцог Черная Роза лично присоединился к своему отряду, осаждавшему Монсегюр, и взял его приступом. Теперь замок занят королевскими войсками. Не волнуйтесь – ни вашей дочери, ни зятю, графу Монсегюр, ни их первенцу не угрожает опасность, в чем вы и сможете убедиться, прочтя послание графини. Если, как я надеюсь, она написала правду, – добавил он.

Старый граф взял в руки письмо и, посмотрев на печать, вскрыл его. Пробегая глазами строчки, написанные таким знакомым и родным почерком, он несколько раз с силой дернул себя за седой ус, чтобы не позволить пролиться внезапно подступившим слезам.

В письме Марианны говорилось, что Монсегюр действительно захвачен Черной Розой и его отрядом, но что и она сама, и малютка Шарль, родившийся всего два месяца назад, и её муж, раненный в руку при взятии замка, находятся в безопасности; им предоставлено несколько комнат, и с ними хорошо обращаются. В конце послания Марианна умоляла батюшку сдаться на милость короля и его войска, дабы избежать напрасного кровопролития в родном Руссильоне.

«Монсегюр пал!.. Я столько надежд возлагал на него и его воинов! Рассчитывал, что мой зять вот-вот придет на помощь Руссильонскому замку!.. А муж Марианны ранен! – и, может быть, не так легко, как она пишет... И мой внук! Маленький Шарль! Я так и не увидел его ещё из-за этой проклятой войны!»

«А он сентиментален, этот старик, – размышлял тем временем и де Брие, – хоть и пытается скрыть это. Его дочь Марианна очень на него похожа – такой же чеканный, как на римской камее, профиль, тонкие губы, высокий лоб, голубые глаза. Волосы у графа совсем седые; какого они были цвета в молодости? У старшей его дочери они белокурые. Интересно, а младшие его дочки, действительно, тоже красавицы, как о них говорят?»

Руссильон поднял, наконец, глаза на посланца Черной Розы.

– Откуда мне знать, что это письмо не написано Марианной с приставленным к её горлу кинжалом? Она пишет, что мой зять де Монсегюр ранен в руку... А, быть может, он ранен тяжело – или уже мертв?

– Нет, все это – правда; с ней и с вашим внуком все в порядке. Что касается графа де Монсегюр, – то его ранил сам герцог Черная Роза, в честном поединке, в схватке один на один. И после этого люди вашего зятя сложили оружие...

– Его ранил герцог – в честном поединке? Не может этого быть! Де Монсегюр – лучший меч Лангедока! – воскликнул старый граф.

– Ну, а Черная Роза – лучший клинок Французского королевства, а, возможно, и всей Европы, – гордо отвечал де Брие. – Ваше сиятельство, недоверие – плохой советчик. Почему бы вам прямо не взглянуть в глаза реальности? Уже почти все ваши сторонники либо мертвы, либо сдались, либо бежали за границы Франции. Осталась лишь горстка повстанцев, но и они скоро будут, милостью Божьей, раздавлены...

– Тогда к чему ваш визит, ваши переговоры со мной? – резко спросил Руссильон. – Пусть ваш герцог осаждают замок... или берет его приступом!

– Дело в том, господин граф, что вы – наиболее знатный и уважаемый дворянин в провинции Лангедок. Вы могущественны и богаты. К вашему мнению прислушиваются, с вами считаются. К тому же вы, в отличие от многих бунтовщиков, не изменили нашей святой католической вере. И к вам – и это самое главное, – у нашего государя особое, отнюдь не враждебное, как вы, наверное, полагаете, отношение. Его величество хорошо помнит вас и ваши прежние заслуги перед французским престолом. Если вы склоните перед королем голову и вновь признаете его законным и единственным своим сюзереном, вашему примеру последуют многие другие... И вот поэтому я и должен вручить вам второе послание – лично от его величества.

– Послание... короля? – изумленно воскликнул Руссильон.

Де Брие расстегнул золотой замочек на висевшем у него на поясе, рядом с мечом, бархатном футляре, достал оттуда свиток и, благоговейно приложившись губами к большой красной печати, передал его собеседнику.

Невольно дрогнувшей рукой, не в силах скрыть волнение, старик взял свиток и, сломав печать, прочел содержание королевского послания.

Затем, ещё более изумленно, он воззрился на де Брие.

– Что же это? – воскликнул Руссильон. – Как же так? Ни слова о моем бунте... о восстании против королевской власти... И потом – это предложение? Должен ли я поверить?

– Обязаны, – серьезно отвечал молодой человек. – Письмо написано пять дней назад в Париже, в королевском дворце, и доставлено лично мною сюда, в лагерь герцога Черная Роза. Монсеньор приказал мне немедленно ехать к вам в качестве парламентаря... Вернее, писем государя было два – одно из них предназначалось герцогу, и он отнесся к нему как к повелению, требующему немедленного повиновения. Что касается письма его величества к вам, граф, – король Людовик продиктовал его мне сам, и мне известно его содержание, – то государь, действительно, не называет вас бунтовщиком, не выражает ни слова неодобрения вашими действиями. Наш наихристианнейший король – само милосердие. Вы полностью прощены, – и главным доказательством оно служит предложение его величества.

– Выдать одну из моих дочерей за близкого родственника Людовика?..

– За одного из его кузенов, – подтвердил молодой человек.

– Но... Но это же огромная честь! – ошеломленно произнес Руссильон.

– Да, вы правы. Ни один из лангедокских вельмож ещё не вступал в такое близкое родство с членом королевской фамилии. И теперь-то, граф, я надеюсь, вы удостоверились, что милость его величества безгранична, и что вы прощены окончательно, – если, конечно, вы не отклоните столь лестное для вас предложение союза.

– И кому же из кузенов короля предназначается рука одной из моих дочерей?

– Герцогу Черная Роза, – отвечал де Брие.

– Но... разве герцог – кузен короля? – недоверчиво спросил Руссильон.

– Да, мне понятно ваше удивление, граф, – улыбнулся де Брие. – Таинственность, которой окружено имя этого человека, его мужество, сила, жестокость, витающий над его головой ореол неуязвимости; наконец, его маска и белый плащ с черной розой, – всё это вы, вероятно, как человек просвещенный и проникательный, сочли неким дешёвым трюком, желанием какого-то возгордившегося ничтожества (возможно, даже не дворянина) превратиться в человека-легенду, внушающего и черни, и знати безмерный ужас, и способного одним своим видом обратить в бегство врагов...

– Да... что-то в этом роде я и думал, – сказал Руссильон.

– На самом же деле, знайте, что весь этот маскарад вынужденный, что Черная Роза скрывает свое лицо под маской и свое настоящее имя за выдуманным прозвищем совсем по другим причинам. И, когда я назову вам подлинное его имя, – надеюсь, граф, вы сохраните его в тайне ото всех, – вы, полагаю, поймете герцога. – И, наклонившись к уху графа, де Брие прошептал несколько слов, заставивших старика поднять удивленно брови.

– Да, да, я сказал вам чистую правду! Теперь, когда вам все известно, – каков будет ваш ответ на предложение его величества?

Руссильон опять дернул себя за ус. Он понимал, что дело его партии скоро будет проиграно, соратники, в большинстве своем, либо погибли, либо сдались. К тому же он уже давно начал и сам сомневаться в справедливости этого дела, – слишком много пролилось крови, в том числе и невинной. Да и отец Игнасио, капеллан замка, не раз говорил графу, что бунт против помазанника Божьего – страшный грех, идущий от лукавого.

Да, милость французского государя была безгранична, – его, графа, дочери, – его, взбунтовавшегося против своего короля! – предложить стать женой двоюродного брата его величества! Но гордость и честь старика восставали при мысли о капитуляции – пусть и такой почетной.

«Не лучше ли и достойнее – идти до конца, не сдаваться и умереть в бою, не посрамив славы и чести моих благородных предков?» – спрашивал себя старик, подойдя к одному из окон залы, выходящему во внутренний двор замка. Взгляд его остановился на людях, сидящих и лежащих, кто – на каких-то тряпках, кто – на голых камнях. Все они, оборванные, измученные и истощенные, были не постоянные обитатели замка, а сбежавшие сюда со всех окрестностей крестьяне-вилланы, до смерти напуганные приближением войска герцога Черная Роза и в панике бросившие свои жалкие лачуги и скудные пожитки на произвол судьбы.

Глядя на этих несчастных, граф понял: он не сможет отказаться от предложения Людовика. Да, сам он и его немногочисленные воины готовы были сражаться и погибнуть – в бою ли, или под пыткой после пленения, – но эти жалкие людишки, жмущиеся к стенам замка, как слепые щенки к бокам матери-суки?.. Ведь они тоже, после взятия Руссильона, станут жертвами, невинными жертвами и, прежде всего, его, своего сюзерена, упрямства и несгибаемой гордости. А его дочери, его любимые четыре дочери? Что станет с ними, когда замок падет?.. Страшно подумать!

– Решайтесь же, господин граф, – нетерпеливо сказал де Брие, как будто прочитавший мысли старика. – У герцога под стенами вашего замка двести человек, прекрасно вооруженных, сытых и рвущихся в бой; а у вас – горстка безумно уставших, голодных воинов. Подумайте, и что будет со всеми этими вилланами; и с вашими дочерьми, наконец, когда Черная Роза захватит замок! Если вы согласитесь на этот союз, одна из ваших дочерей станет кузиной короля, герцогиней и одной из знатнейших и богатейших сеньор Франции; а, если вы откажетесь, – вместо брачной ночи с законным и достойным супругом она же окажется в постели герцога – но уже как добыча, и будет навеки обесчещена! А, быть может, её, как и других женщин в замке, ждет ещё более позорная и страшная участь, и она станет забавой для бойцов Черной Розы...

Рисуя перед побледневшим графом эти картины, молодой граф был сам себе противен, ибо кривил душой, – он прекрасно знал, какую железную дисциплину поддерживал в своих людях, в отличие от жестокого Монфора, герцог Черная Роза. Монсеньор не позволял ни грабить, ни насиловать, – и любой, осмелившийся на это, немедленно подлежал повешению.

Но Руссильон, конечно, был уверен, что будет именно так, как сказал де Брие. Старик вздрогнул. Мысль обо всех этих ужасах была невыносима, – но такова была эта безжалостная кровавая эпоха, и граф понимал, что молодой человек вовсе не сгущает краски.

– Я согласен, – хрипло произнес Руссильон.

– Я знал, что вы – человек разумный и внемлете голосу рассудка, а не ложной гордости. . .

Позвольте мне теперь спуститься вниз и приказать трубачу, ждущему на подъемном мосту, протрубить сигнал для герцога Черная Роза. Монсеньор ждет недалеко, в своем лагере, итогов наших переговоров. Звук трубы скажет ему, что мы заключили союз, и герцог тут же явится в замок.

Старый граф молча кивнул. Де Брие спустился вниз и отдал приказ; и чистый звук трубы далеко огласил окрестности Руссильонского замка.

Не прошло и пятнадцати минут, как послышался стук копыт и к подъемному мосту подскочило трое всадников. Впереди ехал тот, в ком старый граф без труда узнал герцога Черная Роза – своего недавнего злейшего врага. . . Врага, который, по прихоти судьбы, совсем скоро должен будет стать мужем одной из прекрасных графских дочерей.

2. Невеста Черной Розы

. . . Не узнать герцога, которого, вместе с его союзником, графом Симоном де Монфором, людская молва уже окрестила «Дьяволом Лангедока», было невозможно. Он восседал на вороном, без единого пятнышка, огромном андалузском жеребце. Серебристая кольчуга Черной Розы сияла на солнце так, что слепила глаза; длинный белоснежный бархатный плащ с черной каймой был оторочен по краям и понизу драгоценным горностаевым мехом, и в центре этого плаща красовался вышитый шелком легендарный цветок; серебристый шлем с опущенным забралом украшали черные страусовые перья, красиво колыхавшиеся при каждом движении лошади и всадника.

Один из сопровождавших герцога оруженосцев высоко держал в правой руке белоснежное знамя с изображением черной розы и загадочным девизом под ним: «Et post Mortem Constantia est», – которое дальнорукый граф, понимавший по-латыни, перевел как «Постоянство и после смерти». Второй оруженосец вез герцогский щит с теми же знаками.

Итак, Черную Розу сопровождали только двое совсем юных подростков; и в этом жесте старый граф с невольными чувствами уважения, благодарности и облегчения увидел и тактичность знатного гостя, и отвагу, и доверие его к своему будущему тестю.

Ведь герцог вполне мог, из опасения быть захваченным графом, явиться к Руссильону с доброй сотней своих людей, которых и негде было бы разместить, и которые бы до смерти перепугали всех, собравшихся под крышей замка.

Черная Роза со своей маленькой свитой въехал в Руссильонский замок шагом и, когда он оказался во дворе, находившиеся здесь люди, ищущие прохладу от утреннего, но уже палящего солнца в тени крепостных стен, отнюдь не сразу поняли, кто пожаловал в гости к хозяину. Кинув поводья одному из своих юных пажей, рыцарь легко соскочил на землю и, с изящной непринужденностью истинного дворянина перебросив через руку в стальной перчатке подол длинного плаща, последовал за ожидавшим его Бастьеном в залу, где находились старый граф и де Брие.

Только когда Черная Роза, звеня золотыми шпорами, начал подниматься по лестнице во внутренние покои, собравшиеся во дворе догадались, наконец, что они видели самого Дья-

вола Лангедока. Трепет ужаса пробежал по телам несчастных; но люди настолько обессилели, что просто вжались в каменную кладку стен замка и стали шепотом возносить молитвы Господу, прося или защитить их, или послать им, по крайней мере, легкую и быструю смерть.

Между тем рыцарь вошел в залу, которую граф мерил шагами, пребывая в некотором смятении чувств. Сняв шлем, под которым оказалась черная бархатная полумаска, герцог поклонился старику – как равный равному. Руссильон ответил на поклон, невольно подумав, что черно-белое одеяние гостя делает его похожим на фигуру на шахматной доске (игру эту старик любил, и одна из его дочерей, Мари-Доминик, нередко составляла ему партию в дождливые вечера).

– Приветствую вас в Руссильонском замке, монсеньор герцог...

– Черная Роза, – сказал замаскированный рыцарь, прерывая старика, и добавил, открытой улыбкой прося за это извинения: – Я хотел бы, граф, сохранить свое инкогнито, и прошу вас пока держать мое настоящее имя в тайне ото всех обитателей замка.

Старик склонил голову в знак согласия.

– Простите меня, монсеньор, но я не смогу принять вас так, как подобает вашему и моему сану. Согласно древнему здешнему обычаю, хозяин замка подает кубок с вином дорогому гостю; но – увы! – бочки в моем погребе опустели. В Руссильоне сейчас слишком много людей, среди них есть больные и даже раненые, и все они мучились от жажды...

– Не извиняйтесь, граф, прошу вас, – отвечал герцог, – я прекрасно понимаю, каково приходится осажденным, и рад, что скоро этому будет положен здесь конец.

Старый вельможа знал стоявшего перед ним человека, – еще несколько лет назад Руссильон часто бывал при дворе и был знаком с большинством знатных дворян королевства.

«Однако, не скажи мне де Брие его имя, я бы, пожалуй, не узнал его. Эта полумаска... и борода... он отпустил её, чтобы скрыть нижнюю часть лица, – ведь бороды сейчас при дворе не носят. Одет довольно скромно для своего звания – меч и ножны без украшений, плащ сколот на плече серебряной пряжкой; только золотые шпоры да горностаевый мех на плаще выдают в нем рыцаря самого знатного происхождения.»

Руссильон сделал знак домоправителю Бастьену, чтобы тот удалился, и они остались втроем: Черная Роза, граф и де Брие.

– Итак, – сказал герцог, – вы приняли предложение короля Людовика, господин де Руссильон?

– Да, монсеньор.

– В таком случае, позвольте мне ознакомить вас с письмом государя ко мне, – ведь речь идет о наших общих интересах, – и рыцарь, сняв перчатку, достал из-за пояса такой же свиток, как тот, что недавно вручил старому графу посланник герцога.

Его величество был немногословен:

«Буде граф де Руссильон согласится на свадьбу одной из своих дочерей с нашим кузеном, именующим себя ныне герцогом Черная Роза, – мы повелеваем означенному кузену под этим же именем немедленно сочетаться браком с этою девицей, дабы положить мир и спокойствие в нашей провинции Лангедок и доставить сиим добрым союзом радость и удовольствие нашим Величествам.»

– Как видите, граф, мой августейший кузен весьма краток и недвусмыслен, – не без злой иронии произнес герцог, – а потому давайте приступим сразу к делу. Как мне известно, у вас несколько незамужних дочерей.

– Четверо, не считая старшей, Марианны.

– С нею я знаком; графиня де Монсегюр очень красивая и достойная женщина. Скажите, граф, все ли ваши дочери находятся сейчас здесь, в замке?

– Да, все.

– Могу я узнать их имена и возраст?

– Конечно, монсеньор. Мари-Флоранс, старшая из них, – ей шестнадцать лет, Мари-Доминик – тринадцать, Мари-Николь – десять и Мари-Анжель – восемь.

– И все они носят первое имя – Мари? – недоуменно спросил Черная Роза.

– В честь моей жены, которую я... к которой я был очень привязан. Она была прекрасна и телом, и душой, моя бедная Мари...

– У вас нет сыновей?

– Увы, Господь не дал нам этого счастья. Наша самая младшая дочь, Мари-Женевьева, умерла младенцем, и вскоре после этого скончалась и графиня... – старик закашлялся и отвернулся, вытирая лицо платком. Герцог слегка нахмурился: «Одни девчонки!» Поняв его мысль, де Брие тихо шепнул ему: «Монсеньор, ведь первенец Марианны – мальчик; надеюсь, что и вы постараетесь с вашей женой!»

– Не будем тянуть с церемонией, – сказал, слегка усмехнувшись словам друга, Черная Роза. – Я должен обвенчаться с вашей дочерью сегодня же вечером; брачную ночь, если вы позволите, мы проведем здесь же, в замке. А завтра на рассвете я со своим отрядом отправлюсь на помощь де Монфору, – на юге ещё остались группы вооруженных бунтовщиков, и графу придется несладко. Распорядитесь, прошу вас, чтобы капеллан подготовил часовню к обряду.

– Это не долго; отец Игнасио весьма расторопен и исполнительен. Ещё до заката солнца все будет готово. Но вот что касается свадебного ужина... – замялся Руссильон.

– Не беспокойтесь об этом, господин граф, – отвечал герцог. – В моем лагере найдутся и мясо, и хлеб, и дичь, и несколько бочонков отличного вина. Понимаю, что времени немного, и вашим кухаркам не удастся приготовить изысканное угощение для свадебного пира; но, надеюсь, голодным в замке сегодня вечером не останется никто. Ну, а теперь, господин де Руссильон, я бы хотел, наконец, познакомиться со своей невестой.

– Я велю Бастьену привести всех своих дочерей сюда, монсеньор.

– Включая и девочку, которой всего восемь лет? – усмехнулся рыцарь. – Поверьте, это излишне. Вы оказываете жениху большую честь, предоставляя ему право выбора. Но, я думаю, будет разумнее, если вы сами определите, кто из ваших дочерей станет мне наилучшей супругой. Мы находимся в слишком стесненных условиях, и я в любом случае за несколько часов не смогу хорошо узнать свою нареченную, тем более – выбрать её из четверых... Говорят, что все ваши девочки очень красивы; и я надеюсь не оказаться в положении библейского Иакова, который вместо прекрасной Рахили получил безобразную Лию.

– Благодарю за высокое доверие, монсеньор, – с поклоном сказал старый граф, – но герцог почувствовал, что отцовская гордость Руссильона задета его последними словами.

А старик про себя не без горечи подумал: «Ему все равно, на ком он женится, – лишь бы поскорее. Да, желание короля – закон для его подданных... Но эта свадьба скорее похожа на простую случку! Да и животных благородных кровей, бывает, случают не столь быстро... Моя бедная Мари-Флоранс! Не так, совсем не так я хотел выдать тебя замуж!»

Граф уже сделал про себя выбор: он пал на его старшую незамужнюю дочь, которой совсем недавно исполнилось шестнадцать. Сейчас старик вдруг вспомнил, как совсем недавно, недели три назад, Гийом Савиньи, юный паж друга Руссильона, барона Дюваля, попросил у него, у графа, руки Мари-Флоранс. Мальчик был ровесником Фло, и не раз Руссильон видел, как эти почти дети гуляли вместе в саду, или сидели на скамье, и Гийом тихо наигрывал что-то на лютне, или читал его дочери книгу...

Конечно, граф отказал дерзкому мальчишке, который даже не удостоился ещё рыцарского звания, к тому же был беден как церковная мышь, хотя и был отпрыском старинного благородного рода. Руссильон мечтал увидеть Мари-Флоранс и всех своих девочек замужем не за нищими юнцами, а за богатыми владетельными сеньорами.

Что ж! Его мечты относительно старшей дочери сбылись!.. Но ни гордости за столь блестящую для неё партию, ни радости граф не испытывал. Каково придется его бедной Фло, когда она уже через несколько часов обвенчается с абсолютно чужим человеком, да ещё про которого ходят столь ужасные слухи! А ночью... ночью ей придется разделить с ним ложе...

Старик встряхнул головой, отгоняя эти тягостные мысли. Он позвонил в серебряный колокольчик и велел явившемуся Бастьену привести в залу Мари-Флоранс.

В ожидании своей нареченной, Черная Роза отошел к окну. Не только графа одолевали невеселые мысли. Глядя на бегущие на север белые, похожие на стада барашков, облачка, рыцарь думал: «Какое унижение!.. Меня, двоюродного брата короля Людовика, богатейшего вельможу Франции, женят, не спрашивая моего согласия, как последнего бесправного виллана!.. Женят на какой-то незнакомой девице, которую я никогда не видел и не люблю, и с которой отныне до конца своих дней буду связан неразрывными узами!

Мари... Мари, Мари! Все дочери графа носят это имя! Как зовут ту, которую позвал мой будущий тесть? Какая разница! – он горько усмехнулся. – Склони покорно голову перед королевским рескриптом! О, я догадываюсь, и даже знаю, кто стоит за насмешливыми строками этого послания! Не мой кузен король Людовик, нет... а прекрасная, черноволосая Бланш! Она одинаково неистова и в любви, и в ненависти! Жестока месть отвергнутой женщины; и жестока вдвойне, если эта женщина – французская королева! Ей мало того, что я уже испытал из-за её безумной страсти; ей мало того, что я прячу свое лицо под этой маской, как прокаженный; мало того, что вместо гордого имени своих предков скрываюсь под вымышленным прозвищем... Теперь она решила меня насильно женить!.. Впрочем, – и тут герцог невольно улыбнулся, – к твоей досаде, прекрасная Бланш, *mon Droit de cuissage** никто не посмеет у меня отнять!»

Но тут послышался легкий шорох женского платья, и рыцарь обернулся. В залу вошла высокая стройная девушка, и это была, без сомнения, его невеста. Герцог не ожидал, что она явится так скоро, – прошло не более пяти минут, – воистину пример дочернего послушания!

На девушке было платье темно-вишневого палермского шелка с высоким стоячим воротником, выгодно подчеркивавшим её стройную гибкую шею; платье это облегалo фигуру и лишь от бедер ниспадало красивыми складками. Стан юной графини был перевит серым поясом, расшитым бисером. Из украшений на Мари-Флоранс было лишь серебряное распятие на груди, висевшее на серебряной же длинной цепочке. В руках девушка держала книгу и, хотя внешне была спокойна, пальцы её, как заметил герцог, нервно сжимали тисненый золотом корешок.

Что касается внешности его невесты, то она была гораздо красивее своей старшей сестры, и Черная Роза уголком глаза заметил, как невольно отвисла челюсть у его соратника и друга Анри де Брие, когда девушка вошла в залу.

При первом взгляде, брошенном на дочь Руссильона, можно было сказать просто: «Рыжая!» Однако, это было не совсем – вернее, совсем не так! Кожа её была чиста и бела как алебастр – и, что совсем не характерно для рыжеволосых, – ни одной веснушки! Уже цвет кожи был редкостью для уроженки южной провинции Лангедок. Хотя сейчас, как заметил Черная Роза, эта белизна носила немного голубоватый оттенок, – графиня была очень бледна.

Чуть волнистые волосы необычайно красивого медного цвета, отливавшие в лучах светившего в окна солнца как благородное старое золото, были приподняты на затылке и связаны в тугий узел, уложенный в расшитую бисером сетку. Они были так густы, что гордая посадка чуть откинутой назад головки девушки была, казалось, вызвана тяжестью этой массы волос.

Для своих шестнадцати лет Мари-Флоранс была совершенно сложена: высокая и полная грудь, довольно широкие бедра, и – при этом – настолько тонкая талия, что герцог легко мог обхватить её своими пальцами. Возможно, его будущая супруга была немного худощавее, чем должно; но, как тут же напомнил себе рыцарь, и бледность, и худоба графини объяснялись долгой осадой замка и тем, что все его обитатели, похоже, без исключения, страдали от голода.

Держалась девушка очень прямо, и в её плавных и грациозных движениях были гордость и поистине королевское величие. Да, она была для него достойной женой, и она была само совершенство, – и Черная Роза почувствовал, как быстрее забилося его сердце, и кровь забурлила в жилах: его невеста, действительно, была прекрасна и желанна!

Лишь на мгновение, войдя в залу, красавица подняла глаза на отца и двух рыцарей, стоявших рядом. Очи её были темные, кажется, карие, – герцог не успел разглядеть, ибо девушка тут же опустила их долу, прикрыв длинными густыми, темными, как и соболиные брови, ресницами.

«Догадывается ли она, зачем позвал её отец? – подумал Черная Роза. – Она взволнована... но не испугана, даже моим „ужасным“ видом. Возможно, домоправитель графа предупредил её, что у отца гости, и сказал, кто они.»

– Моя возлюбленная дочь, – высокопарно начал Руссильон, – я хочу сообщить тебе необычайную и счастливую... – тут он откашлялся, – новость. Наш всемилостивейший король Людовик, недаром прозванный Львом, ибо он соединил в себе и силу, и храбрость, и великодушие этого благородного зверя, – примирился со мною и даровал мне полное свое прощение...

Девушка не выразила ни малейшей радости, тихо пробормотав лишь: «Счастлива слышать это, батюшка.»

– И это ещё не все, дочь моя; в своем великодушии наш государь не только простил меня, но и выразил желание заключить союз между своим близким родичем и одной из моих дочерей. Знай же, что стоящий перед тобой рыцарь – кузен короля, и что я выбрал ему в жены тебя, как достойнейшее из своих чад...

Она опять на секунду подняла глаза – и, как показалось Черной Розе, с надеждой посмотрела на красивого золотоволосого де Брие.

«Ещё бы! – горько усмехнулся про себя герцог. – Не только мое имя внушает ужас! Моя маска, как всем кажется, скрывает жуткое уродство или безобразные шрамы! Ну ничего... До ночи осталось совсем недолго. И, если перед всеми я вынужден носить эту маску, – в постели я её сниму. И тогда эта надменная красавица увидит, что, если я и не смазлив, как герой какого-нибудь рыцарского романа, то и не уродлив, как сатир!»

Граф между тем закончил свою речь словами:

– Итак, дочь моя, сегодня ты станешь женою герцога Черная Роза!

Девушка пошатнулась, как будто её ударили. Де Брие тут же бросился к ней и, поддерживая её за талию, сказал:

– Позвольте помочь вам, прекрасная графиня! Идемте сюда, к окну, здесь прохладнее, присядьте на скамью... – Ухаживая за дочерью Руссильона, он тем не менее бросил насмешливый и торжествующий взгляд на герцога: «Я первый коснулся её!»

...Когда-то, будучи ещё подростками, в Париже, они нередко забавлялись, пугая в сумерках по вечерам одиноких молодых горожанок, доводя бедняжек чуть не до обморока. Друзья выскакивали перед ними из темных закоулков на узких парижских улочках, с криками и диким хохотом. При этом юноши заключали между собой пари: кто первый подбежит и прикоснется к незнакомке. Но однажды эта вполне невинная, как им казалось, шалость, чуть не привела к трагедии: напуганная ими девушка бросилась бежать и едва не попала под лошадь проезжавшего мимо на полном скаку всадника...

Черная Роза вспомнил, как он выхватил несчастную (и, что удивительно, тоже рыжеволосую) девушку прямо из-под копыт; вспомнил, как они с Анри, оба белые, с трясущимися руками, принесли бедняжку в ближайший кабачок.

Там её, потерявшую сознание, привели в чувство. Когда она рассказала, что с ней произошло, герцог – глупый мальчишка! – вытащил кошелек с золотом и протянул девушке. Он не ожидал, что его поступок вызовет такую бурю! Собравшееся в кабачке простонародье набросилось на него и де Брие, и они еле унесли тогда ноги.

Этот случай сильно потряс тогда юного герцога. Он понял, как, порой, невинная шалость или бездумная прихоть могут привести к необратимым и трагическим последствиям. И ещё – он дал себе слово: никогда не причинять зла женщинам, к какому бы социальному слою они не принадлежали, будь это аристократки или простые крестьянки.

...Воспоминания на минуту отвлекли Черную Розу от его невесты, вокруг которой, между тем, хлопотали де Брие и её отец. Девушка теперь совершенно пришла в себя. Она сидела на скамье у окна, все так же опустив глаза и прижимая к бурно вздымающейся груди свою книгу, словно это был некий щит, способный оградить её от ужасной действительности.

Герцог решил, что он должен тоже подойти к своей нареченной и попытаться успокоить её. Приблизившись к ней и низко поклонившись, он ласково спросил:

– Сударыня, вам уже лучше?

Она молча кивнула.

– Она почти не спала и почти не ела несколько дней, – сказал старый граф, – все время проводила на коленях в часовне, молясь за замок и его обитателей...

При этих словах, заметил герцог, легкая краска выступила на бледных щеках девушки.

Возможно, ей было стыдно за проявленную ею слабость; рыцарь решил отвлечь её и спросил, указывая на книгу:

– Что вы читаете, сударыня?

Она, опять же не говоря ни слова, повернула к нему книгу – это было Евангелие. Герцог услышал, как де Брие тихо фыркнул за его спиной.

– Моя дочь – набожная католичка, – произнес немного задетый этим смешком Руссильон. – Надеюсь, такая же ревностная, как и вы, господа!

– Конечно, конечно, господин граф, – сдерживая улыбку, примирительно заверил его Черная Роза.

Монашка!.. Ничего, став его женой, она быстро позабудет про молитвы и забросит свое Евангелие. Он покажет ей другой мир – мир плотских удовольствий и безграничных наслаждений, которые, судя по всему, она считает сейчас смертными грехами.

А юная графиня по-прежнему смотрела не на жениха, а куда-то вниз.

– Взгляните же на меня, – попросил он, – поверьте, я не так страшен, как вы, наверное, вообразили... Смелей!

Она сделала над собой видимое усилие, закусил губы и – подняла голову, жестом какой-то гордой отчаянности, что необычайно ему понравилось, – и посмотрела прямо ему в лицо.

О, Боже! Глаза у неё были глубокого – не голубого, а синего цвета, огромные и прекрасные!

«Как васильки...» – подумал герцог, сам удивившись такому буколическому сравнению; он любил поэзию и даже сам сочинял стихи, но полгода, проведенные в Лангедоке, в ужасных сражениях и безжалостных кровавых схватках, давно выветрились из его головы всю лирику.

А эти васильковые глаза смотрели на него – но нет, не с ненавистью, не с ужасом, не с презрением, – в них были безграничное, глубочайшее горе и безысходность, и они поразили рыцаря в самое сердце.

Между тем в залу быстрым шагом вошла полная женщина средних лет с добродушным и открытым лицом. Это была кормилица и служанка графини, за которой Руссильон послал Бастьена.

Неловко поклонившись графу и рыцарям, женщина подошла к своей госпоже, которая тут же, как за спасательный круг, схватилась за её руку.

– Элиза, – сказал Руссильон, – Мари-Флоранс сегодня выходит замуж.

При этих словах служанка вытаращила глаза и открыла было рот, чтобы что-то произнести или возразить, – но юная графиня крепко, до боли сжала ей руку и быстро проговорила:

– Элиза, я хотела бы вернуться в свою комнату!

– Конечно, моя голубка, – по-деревенски растягивая слова, с сильным окситанским* акцентом сказала кормилица.

Граф же продолжал:

– Церемония состоится в нашей часовне. Приготовь для Мари-Флоранс свадебное платье её матери и помоги ей одеться и причесаться. Венчание начнется перед закатом...

Когда его невеста со служанкой оставили их, герцог обернулся к Руссильону. Он никак не мог забыть того единственного взгляда, которым наградила его прекрасная графиня. Это отчаяние, это безмерное горе могли объясниться лишь одним, – девушка любила другого!

– Граф, – сказал Черная Роза, – хотя мы и мало знакомы с вами, но мне кажется, что вы – прекрасный и любящий отец, желающий счастья своим дочерям.

– Надеюсь, что это так, монсеньор; конечно, для девочек была ближе мать, но после её кончины я, как мог и как умел, старался заменить её им...

– И они поверяют вам свои чувства, склонности и желания?

– Ну, – отвечал немного смущенный этими вопросами старик, – мои девочки слишком юны, чтоб иметь какие-то особые желания и склонности. Но вот когда моя старшая дочь, Марианна, увидела на турнире графа де Монсежур, она в тот же день сказала мне, что хотела бы стать его женой; надеюсь, и остальные дочери были бы так же откровенны...

– Будем говорить без обиняков, – сказал герцог, – мне показалось, что обморок графини был вызван не длительным постом и истощением; она так тяжело перенесла известие о нашем браке потому, что питает к кому-то сердечную склонность. Время еще есть, и возможно все исправить, – ведь у вас имеются три другие дочери, и я готов жениться на любой из них.

– Благодарю за откровенность, господин герцог, и за то, что вам небезразличны чувства Мари-Флоранс; но вы ошибаетесь. Я уверен, – и готов в том поклясться, – что она никого не любит... (Тут старик неожиданно опять вспомнил про Гийома Савиньи, но сказал про себя: «Что за ерунда? Детская привязанность, дружба, не более!») и сердце её свободно. Впрочем, если вы настаиваете... Я переговорю с отцом Игнасио – это священник и духовник моей дочери; если даже от меня у неё есть тайны, то своему духовному отцу она доверяет всё.

Черная Роза задумчиво кивнул головой.

Они обсудили с графом еще одну важную тему – ту, которая обычно поднималась первой при брачном соглашении, – размеры приданого Мари-Флоранс. Несмотря на то, что герцог был несметно богат, он с интересом выслушал, что дает за его будущей женой Руссильон. В эту кровавую жестокую эпоху, когда то и дело вспыхивали войны или эпидемии, уносящие тысячи и десятки тысяч жизней, когда даже короли не чувствовали себя в безопасности на своих тронах, – в эту эпоху бескорыстие не считалось большой добродетелью. Вступая в брак, даже очень богатые люди стремились приумножить то, что имели, думая не только о себе, но и о своих потомках, для которых земли, замки и поместья станут гарантами власти, могущества и безопасности.

Дочь графа приносила Черной Розе два замка, обширные владения на юге Лангедока и плодородные земли Минервуа и Люнеля.

– Я сейчас же велю отцу Игнасио – он у меня прекрасный секретарь – составить все бумаги, и передам их вам после венчания, – сказал граф. – А также распорядюсь о подготовке часовни к обряду... Не угодно ли вам, монсеньор, будет ещё что-нибудь?

– Я пока pošлю графа де Брие в мой лагерь за снедью и вином для свадебного пира. Поскольку мы заключили союз, ваше сиятельство, осада замка снята, и Анри передаст это моим людям. Вы же можете сообщить радостную новость обитателям замка и всем, кто нашел здесь приют; они могут вернуться в свои дома и никто не задержит их и не причинит им вреда. Если же кто-то захочет остаться на праздник – добро пожаловать! Мой союз с вашей дочерью – отнюдь не тайный, хоть я и вынужден буду по-прежнему носить пока маску и венчаться под

именем Черной Розы, как приказал король. И, чем больше человек станут свидетелями этого бракосочетания, тем быстрее новость о нем разнесется по окрестностям и скоро облетит весь край. Лангедок должен знать, что граф де Руссильон – снова верный подданный короля!

Руссильон наклонил голову в знак согласия.

– Я оставляю вас пока, господа, но скоро вернусь.

Когда он удалился, герцог спросил де Брие:

– Ты все понял, Анри? Мои люди должны немедленно снять осаду и выпустить из Руссильона всех, кто этого пожелает!

– Конечно, монсьеор, – с улыбкой подтвердил молодой человек, – я полечу, как на крыльях! Все передам, и привезу и мясо, и дичь, и вина... Только смотрите, как бы ваша красавица-невеста не объелась после столь долгого поста и не подпортила вам первую брачную ночь, мучаясь животом.

Черная Роза улыбнулся. Никому, кроме своего друга, он бы не позволил столь дерзкой шутки.

Де Брие направился к двери, но, уже открыв её, обернулся опять к герцогу.

– Да, и ещё. На вашем месте я бы все же взглянул и на остальных дочерей графа...

– Зачем?

– Согласно законам логики, если Мари-Флоранс гораздо красивее своей старшей сестры Марианны, – то самой прекрасной должна оказаться младшая дочь Руссильона, которой сейчас восемь лет!

*mon Droit de cuissage (моё право первой ночи, фр.)

* Окситания – область, включающая юг Франции (Прованс, Дром-Вивере, Овернь, Лимузен, Гиень, Гасконь и Лангедок), часть Испании и Италии, где говорят на окситанском языке

3. Ссора и поединок

...Пока в зале замка происходила описанная выше сцена, во дворе его развивались события ещё более драматические.

Как уже было упомянуто, герцог Черная Роза приехал к Руссильону в сопровождении двух пажей-оруженосцев, которые, пока шел разговор их господина с графом, остались во дворе замка.

Это были подростки, а скорее мальчики, лет тринадцати; один – тот, что вез знамя герцога, коренастый голубоглазый блондин, судя по всему, нормандец; второй – истинный сын Лютеции*, худощавый и верткий, кареглазый и черноволосый.

Оставшись вдвоем, пажи, не слезая с коней, осмотрелись кругом, но не нашли ничего, достойного их внимания, кроме нескольких десятков крестьян с изможденными лицами, жмущихся к стенам.

Солнце меж тем пекло всюду; наступило самое жаркое время суток. Парижанин воскликнул наконец:

– Черт меня побери! В этом замке совсем не соблюдают законов гостеприимства! Я хочу пить, и хочу, чтоб мне принесли вина, и самого лучшего!

– А жареную пулярку не хочешь? – протянул с ухмылкой нормандец. – Ты что, не видишь, Жан-Жак, что люди здесь истощены, как голодные собаки?

Он спрыгнул с коня и, бережно свернув знамя с черной розой, прислонил его к стене. Затем снял плащ и, расстелив на камнях, уселся на него.

– Ну и жара!.. Я, пожалуй, вздремну, – сказал он.

Второй оруженосец остался сидеть на лошади. Он был одет весьма модно, элегантно и даже роскошно, -поверх алого цвета верхней рубашки-котты с узкими рукавами, на кото-

рых были нашиты золотые пуговицы, на Жан-Жак был парчовый плащ-сюрко ярко-бирюзового цвета, расшитый золотым позументом. На голове его была зеленая шапочка, украшенная фазаньими перьями, приколотыми драгоценной сапфировой брошью. На поясе вместе с мечом у него висел кинжал с серебряной рукоятью в ножнах, украшенных драгоценными камнями. По-видимому, юноша был отпрыском богатого рода.

Так как делать было нечего, Жан-Жак вытащил из ножен свой кинжал и, с нежностью проведя пальцем по острому лезвию, начал тренироваться, перебрасывая его из одной руки в другую, стараясь делать это как можно быстрее.

– Ну и ловко у тебя получается! – сказал ему, зевая, нормандец.

– Я упражняюсь каждый день, Жерар, – отвечал ему Жан-Жак. – Одинаково хорошо владеть оружием обоими руками очень важно для рыцаря, особенно в пешем поединке! Ты ленив и неуклюж, а я когда-нибудь стану таким же непобедимым рыцарем, как монсеньор герцог!

– Ну, это вряд ли... Монсеньор учился и у итальянцев, и у испанцев, – а они, как говорят, лучшие мастера!

– Недавно герцог показал мне один прием... Смотри! Надо вот так перебросить клинок из правой руки в левую... и вот так нанести удар! Здесь все дело в быстроте и неожиданности для противника! Монсеньор сказал, что этому удару он научился у одного венецианца, и что мало кто сможет отразить его.

– Да, хитроумно, – снова зевнув, довольно равнодушно согласился его товарищ. Он уселся поудобнее, прислонился головой к древку знамени и закрыл глаза.

Жан-Жак продолжал свою тренировку; но неожиданно его внимание отвлекла странная процессия, показавшаяся из-за угла крепостной стены.

Впереди с важным видом шли две белокурые девочки в одинаковых голубых платьицах, лет десяти и одиннадцати; одна из них несла в руке длинную палку, к верхушке которой были привязаны за лапки пять голубей со свернутыми шеями. За девочками шествовали трое мальчишек-подростков, одетых в домотканые льняные рубашки и штаны, изрядно перепачканные грязью. На поясе у каждого мальчика в веревочных петлях болтались заостренные палки, отдаленно напоминающие мечи; на голове одного из подростков была шапочка с петушиными перьями и, в отличие от своих босых приятелей, он был обут в сапожки из мягкой белой кожи.

Все трое имели весьма победоносный и гордый вид. За ними следовала толпа детей, от трех до десяти лет, одетых совсем в лохмотья, смеющихся и галдящих, как стайка воробьев.

– Николь и Анжель! – звонко крикнул мальчик в шапочке. – Несите эту великолепную дичь на кухню, и пусть старуха Жанна немедленно зажарит её! И скажите ей, чтоб вам она дала по два крылышка, мои маленькие ангелочки!

Девочки с голубями, а за ними остальные детишки бросились к кухне. Подростки, смеясь, смотрели им вслед.

– А я хочу грудку, – произнес, облизываясь, один из них, самый рослый парень.

– Ну уж нет, Пьер! – живо возразил ему мальчик в шапочке. – С чего бы, черт тебя возьми, тебе получать самый лакомый кусок?

– А кто вам напомнил, что на заднем дворе, где сложили поленницу, был месяц назад рассыпан мешок с пшеницей, и надоумил вас разобрать её и найти зерна, чтобы приманить голубей?

– Верно; но ведь трудились-то мы там все вместе, и здорово, кстати, перепачкались! – рассудительно сказал второй паренек, очень смуглый и шуплый. – К тому же, если бы мы решили стрелять по голубям из лука, как хотели вначале, мы подбили бы одну, ну – двух птиц, а остальных бы спугнул; а идея Дом взять сеть и накинуть на голубей сверху оказалась просто гениальной!

– Смерть Христова, Филипп, – сказал мальчик в шапочке. – Кто бы мог подумать, что сворачивать шеи этим милым птичкам окажется таким приятным занятием! – И он плотоядно улыбнулся.

– Ну, не грудку, так хоть крылышко, – не сдавался рослый Пьер. – Я это заслужил, Дом!

– В замке полно детей гораздо младше тебя, и есть они хотят не меньше! – жестко ответил ему мальчик по имени Дом – хоть и самый низкорослый, именно он, судя по всему, главенствовал в этой компании. Немного смягчившись, он добавил: – Не переживай, Пьер! Скоро мы все наедемся вдоволь! Осада не продлится долго! Сегодня утром мой отец сказал Бастьену, что он с часа на час ждет подкрепления из Монсегюра! А граф Монсегюр – самый сильный, ловкий и отважный воин в Лангедоке! Он разобьет проклятую Черную Розу, отрубит этой скотине голову и водрузит её над воротами Руссильона! – И синие глаза этого дерзкого юнца сверкнули холодной ненавистью.

– Аминь! – с надеждой ответили его приятели.

И тут мальчик в шапочке оглянулся – и увидел оруженосцев герцога – спящего Жерара и Жан-Жака, который все ещё сидел верхом и, поняв, что его заметили, опять принялся играть со своим кинжалом.

– Откуда, черт возьми, взялись эти двое? Ведь замок осажден, – сказал Дом, – и что это ещё за разряженный попугай?

И вся троица с удивлением уставилась на Жан-Жака, делавшего вид, что не обращает на них никакого внимания. Если бы он понял, что сказал про него и про его господина мальчик в шапочке, то вряд ли стерпел бы такое оскорбление, – но подростки говорили на окситанском языке, неизвестном ему – жителю центральной Франции.

– Когда мы ловили голубей, – сказал смуглый Филипп, – я слышал звуки трубы. Наверное, в замок явилось посольство...

А Дом, между тем, увидел коня Черной Розы.

– Кровь Господня! – воскликнул он в восхищении. – Что за красавец!

– Да, таких коней и на графской конюшне не сыщешь, – согласился Пьер.

– Такой жеребец самому королю впору! – выразил свои чувства и Филипп, которому само его имя должно уже было внушать любовь к лошадям.

Дом между тем продолжал с видом знатока рассматривать коня.

– Надо выяснить, кто же на нем приехал, – наконец, решил он, – спрошу у этого разряженного пугала.

И, подмигнув приятелям, он подошел к лошади, на которой сидел Жан-Жак, и обратился к пажу с весьма вежливой речью, перейдя на прекрасный французский язык:

– Приветствую вас в Руссильонском замке, добрый господин! Не будете ли вы так любезны сказать, кому принадлежит этот великолепный жеребец?

Жан-Жак с презрительным удивлением воззрелся на дерзкого мальчишку-деревенщину, который умел, однако, так изысканно выражаться. У юнца было загорелое веснушчатое лицо, на котором ярко сияли большие синие глаза в обрамлении длиннющих ресниц; из-под его шапки выбивались спутанные рыжие кудри.

Нос и подбородок Дома были испачканы засохшей грязью; рукава рубашки закатаны, и на правой руке от запястья до локтя тянулся свежий, только начавший заживать порез.

Держался этот мальчишка непринужденно, а за его видимой почтительностью оруженосцу герцога почудилась скрытая насмешка.

Но восхищение жеребцом Черной Розы было, несомненно, искренним; и Жан-Жак сказал, не отвечая, впрочем, на приветствие:

– Это конь моего господина, монсеньора герцога Черная Роза. Его зовут Сарацин.

Паж никак не ожидал, что слова его вызовут такой эффект: рот юнца вдруг исказился, лицо побледнело так, что даже веснушки на нем стали серыми; он судорожно схватился рукой за длинную палку на поясе и, задыхаясь от злобы, воскликнул:

– Что?! Смерть Христова! Не может быть! Это ложь!

Неожиданная ярость этого деревенского простофили, видимо, насмешила Жан-Жака. Но он не привык, чтобы его слова ставили под сомнение.

– Кто посмел сказать, что я лгу? – надменно произнес он и, соскочив с коня, подошел к своему спящему в обнимку с о знаменем товарищу, выхватил последнее из его рук и, развернув, продемонстрировал Дому герб и девиз Черной Розы.

– Et post Mortem Constantia est... – прочитал мальчишка, к изумлению Жан-Жака, полатыни и тут же перевел на французский: – И после смерти – постоянство...

Он недоверчиво поднял свои потемневшие синие глаза на все еще спокойного пажа, как бы не в силах осознать происшедшее. Но вдруг ярость Дома прорвалась с новой силой; не в силах справиться с собой, он с невнятным криком выхватил из веревочной петли на боку свою заостренную палку – и рубанул наотмашь по герцогскому знамени.

Бархатная ткань с треском порвалась, – так силен был удар, – и стяг расстелился на камнях двора; черная роза и девиз герцога оказались под ногами Дома, и он стал с ненавистью топтать эти загадочные символы своими белыми сапожками.

– Ты... что ты делаешь, гнусный мерзавец?! – закричал ошарашенный Жан-Жак, оцепеневший в первую секунду от неожиданности и растерянности. Его товарищ Жерар, проснувшийся, но еще не совсем пришедший в себя, с выпученными глазами и открытым ртом смотрел на поругание гордого стяга Черной Розы. Пьер и Филипп тоже стояли не двигаясь, видимо, изумленные этой дикой выходкой своего друга.

– Вот, вот и вот! – крикнул Дом, топчя бархат своими сапожками. – Вот так надо поступать с теми, кто грабит, насилует и убивает невинных! – он был в полном исступлении. – И ваш подлый герцог, и вы – все вы грязные собаки, и вас надо повесить на первом же столбе!

– Ах... ах ты, скотина! – Побагровел от бешенства Жан-Жак. – Ты слышишь, Жерар?.. Ты слышишь, что эта свинья сказала о монсеньоре?

Но взгляд тугодума Жерара был прикован к несчастному куску бархата, превратившемуся, благодаря стараниям Дома, в грязную тряпку. Ещё никогда герб Черной Розы не подвергался такому беспримерному унижению!

– О всемогущий Боже! – в ужасе пробормотал нормандец, – монсеньор убьет меня за знамя...

...Наконец, Жан-Жак вышел из ступора. Судорожно схватившись за рукоять меча и наполовину вытащив его из ножен, он бросился на Дома с криком:

– Сейчас я вгоню эти слова прямо в твою гнусную пасть!

А тот и не собирался отступать. Размахивая своей деревянной палкой, он, по-видимому, пребывал все еще в состоянии слепого бешенства и не осознавал, что в руках у него не настоящее оружие, и что одного удара стальным клинком будет достаточно, чтобы разрубить напополам и палку, и его самого. Друзья Дома бросились ему на помощь, также достав свои почти игрушечные "мечи».

Но тут и Жерар все-таки опомнился. Зная ловкость и силу юного парижанина, он не сомневался, что тот легко одолеет всех троих. Он схватил друга за рукав и крикнул:

– Жан-Жак!.. Что ты делаешь?! Ты же убьешь их!

Возможно, это не остановило бы оруженосца герцога; но новое соображение пришло ему в голову. Он вдруг вложил свой меч обратно в ножны и с невыразимым презрением посмотрел на довольно жалкую троицу с деревянными палками в руках.

– Ты прав, Жерар, – сказал он, – негоже благородному дворянину пачкать свой меч этой грязной кровью... Но граф де Руссильон узнает о том, что сделали его сервы*, и их засекут до смерти!

– Это кого ты называешь сервом? – вдруг взвился Дом. – Я – Доминик де Руссильон! Мой отец – граф Шарль де Руссильон!

– Сын графа?.. Скорее, графский ублюдок, – ухмыльнулся Жан-Жак.

– Ах ты подлец! – закричал Дом и, вырвавшись из рук друзей, которые пытались остановить его, подбежал к пажу герцога и наотмашь ударил его по лицу – да так, что кровь хлынула из носа Жан-Жака на его бирюзовое сюрко.

– Ну, мерзавец... Ты мне за все это дорого заплатишь! – зарычал разъяренный оруженосец.

Казалось, вид крови привел Дома в чувство; он неожиданно успокоился и уже довольно спокойно повторил, прибавив формулу, обязательную для рыцарского поединка:

– Я – Доминик де Руссильон. Я клянусь честью, что четыре поколения моих предков были свободными людьми. И я тебя вызываю сразиться со мной!

Наблюдавшие поначалу эту сцену крестьяне давно уже попрятались кто куда, боясь попасть под руку разгневанным господам, – и на дворе замка никого теперь не осталось, кроме Дома, его двух друзей и пажей герцога.

Слова Дома прозвучали в полной тишине и вдруг отрезвили всех пятерых подростков. Тяжело дыша, веснушчатый мальчишка и размазывающий по лицу кровь из носа парижанин мерили друг друга угрюмыми взглядами.

– Я принимаю твой вызов, Руссильон, – наконец, сказал Жан-Жак. – И, клянусь Спасителем, ты не увидишь сегодня заката солнца!

Он обернулся к Жерару:

– Дай ему свой меч. Деревяшкам не место на настоящем поединке!

Пьер и Филипп в это время что-то шептали на ухо Дому, который яростно мотал головой.

– Это сумасшествие, Доминик! – наконец, воскликнул Филипп. – Я немедленно скажу все графу!

– Только попробуй! – сверкнул на него глазами мальчик. – И нашей дружбе конец навсегда!

– Что ж, господа, – сказал он Жерару и Жан-Жаку, – здесь, на дворе, драться неудобно, – нас могут увидеть и помешать нам. Но на крепостной стене есть прекрасное место. Там ровная широкая площадка, подходящая для нашего боя. Предлагаю пойти туда.

Жан-Жак кивнул; но его друг сказал:

– А как же конь герцога и наши лошади?

– Поскольку нас трое, а вас всего двое, будет честным, если здесь останется один из моих друзей, – промолвил Дом. – Пусть Пьер посторожит лошадей, пока мы... пока не вернется тот, кто победит, – мрачно закончил он.

– Справедливо, – сказал Жан-Жак. – И если твой друг, Руссильон, захочет помочь тебе и вступить в схватку – Жерар возьмет его на себя!

– Но у меня же не будет меча! – возразил норманец.

– Я дам тебе свой кинжал, а ты дашь свой другу Руссильона. В таком случае вы будете одинаково вооружены, так же как и мы.

И четверо мальчишек направились к лестнице, ведущей на крепостную стену.

Пока они поднимались по крутым ступеням наверх, идущие впереди Дом и Филипп вели между собой разговор на окситанском языке.

– Одумайся, Дом, остановись! – сказал очень бледный Филипп. – То, что ты делаешь, – безумие! Оскорбление нанесено тобой и, возможно, если ты извинишься...

– Извиниться? Кровь Господня! Да никогда в жизни! Я могу повторить тысячу раз все, что было сказано мною! Герцог Черная Роза – чудовище, монстр, заливший вместе с Монфором кровью невинных весь Лангедок! Он – убийца, насильник женщин и детей, гнусная, омерзительная скотина! И эти двое вполне под стать своему господину...

– О Боже, если бы я остался с лошадьми... – пробормотал как бы про себя Филипп.

– Да, я прекрасно знаю, что ты бы сразу бросился к моему отцу. Поэтому внизу и остался Пьер, – он-то не предаст меня, как сделал бы ты.

– Послушай, Дом. Этот оруженосец выше тебя и явно сильнее... И потом, потом он... он...

– Ну, договаривай! – гневно промолвил Дом. – Он – мужчина, ты это хотел сказать? А кто я? В его глазах я – жалкий мальчишка, деревенский увалень, умеющий размахивать только деревянной палкой! Но я заставлю его изменить обо мне мнение! Он не знает, что мой отец давал мне уроки с трех лет, не знает, что я и с вами каждый день упражняюсь по несколько часов... Не знает, что сам граф де Монсегюр – лучший меч Лангедока! – сказал, что я – достойный для него противник, и что только мужской силы не хватает моим рукам, а в ловкости и проворстве мне нет равных!

– О чем это они там переговариваются? – спросил Жерар Жан-Жака.

– Видимо, совещаются, какую тактику выбрать в поединке, – насмешливо отвечал его друг. – Щенок, конечно, не трус. Но вряд ли этот деревенщина знает больше пяти самых простых приемов! Вот увидишь – я уложу его на первой же минуте! И, на крайний случай, – прибавил он с кровожадной радостью, – у меня есть ещё венецианский удар монсеньора!

– Жан-Жак! Убивать сына графа де Руссильон, в его собственном замке... это очень плохо пахнет!

– Ты что, не помнишь, что говорили монсеньор и граф де Брие о Руссильоне? У него нет сыновей, одни дочери!

– Тогда... тогда как же этот мальчишка называет себя графским сыном... и как ты ему поверил? Ты же не можешь драться неизвестно с кем! – недоумевающе воскликнул Жерар.

– Ты не понимаешь, простак? – ухмыльнулся парижанин. – Этот щенок – графский ублюдок, прижитый им от какой-нибудь замковой потаскухи! И, голову даю на отсечение, у Руссильона он не один – наверняка, целая дюжина. Так что невелика потеря. А я решил все-таки биться с ним, потому что он, во-первых, страшно оскорбил меня и монсеньора, и, во-вторых, в этом юнце все-таки течет графская кровь – пусть и наполовину!

Но вот мальчишки вышли на площадку, о которой говорил Дом. Она была прямоугольная, около двадцати туазов* длиной и десяти-шириной, и представляла идеальное место для предстоящего поединка. С площадки открывался чудесный вид на цветущие отроги Пиренеев; слева высилась башня донжона, которая служила жилищем уже нескольким поколениям Руссильонов. На площадку выходило всего одно окно, и оно привлекло внимание Жан-Жака.

– Что это за окно? – подозрительно спросил он. – Нас могут увидеть оттуда и помешать нам.

– Это окно комнаты моих младших сестер, Мари-Николь и Мари-Анжель, – отвечал Дом. – Они сейчас на кухне, где кухарка жарит голубей, и не скоро вернутся к себе.

Жан-Жак успокоился. Он снял свое сюрко и бережно сложил его на камнях парапета, оставшись в своей алой рубашке-котте, рукава которой он засучил выше локтей. Затем, опустившись на колени, он прочитал «Отче наш» и поцеловал висевшее на груди золотое распятие. Дом последовал его примеру и тоже прочитал молитву; ибо оба мальчика чувствовали, что только один из них покинет площадку живым.

... Теперь, когда поединок был близок и неминуем, оба соперника стали серьезны и сосредоточены. Встав с колен и беря в руки мечи, они обменивались оценивающими взглядами. Впрочем, Жан-Жак был полностью уверен в своем превосходстве; хотя ему и не приходилось

еще убивать противника в подобном поединке, он был – много раз – свидетелем подобного, и никогда ни жалость к побежденному, ни ужас при виде предсмертных мук не трогали его кровожадное сердце. Разглядывая сейчас невысокого, тоненького, почти хрупкого Дома, оруженосец Черной Розы даже досадовал, что в первом серьезном бою ему достается такой слабый и неумелый противник.

Однако, когда Дом взял в руку длинный обоюдоострый одноручный меч и несколько раз ловко перекинул из правой руки в левую, примеряясь к его тяжести и проверяя баланс и центровку клинка, Жан-Жак невольно насторожился.

Но вот мальчики встали в боевую стойку – и поединок начался. Оруженосец герцога сразу пошел в наступление, делая неуловимо быстрые выпады. Дом отступил, почти не парируя; но, как заметил паж, отступил так, чтобы Жан-Жак повернулся лицом к солнцу.

«Хитрый, щенок!» – подумал юный парижанин; но подобная тактика была ему хорошо известна, и он не купился на эту уловку. Он теснил Руссильона к парапету, стремясь зажать юнца в угол, так как понимал, что тому не по силам ближний бой. Дом же стремился к схватке на расстоянии, потому что в ней нужны были больше быстрота и ловкость, а именно эти качества давали сыну Руссильона некоторое преимущество перед явно сильнейшим противником. Парируя удары Жан-Жака, мальчик ускользал в сторону, не давая прижать себя к стене, выжидая и одновременно экономя силы, зная, что в бою с тяжелым мечом они терялись очень скоро.

Глаза Дома были сощурены, рот плотно сжат, лицо было бледным и напряженно-сосредоточенным; он ждал ошибки противника... и дождался. Жан-Жак, обманутый отступлением Руссильона и не ожидающий нападения, замахнулся для рубящего удара, – этот удар легко мог раскроить череп, – и тут Дом легко упал на колено, нанес молниеносный выпад – и клинок его вонзился в левую ногу оруженосца Черной Розы, ниже бедра. Оба мальчика вскрикнули одновременно: сын графа – победно и радостно, герцогский паж, уронивший свой меч, – болезненно и удивленно.

Опустив клинок и не пытаясь напасть на обезоруженного соперника, Дом смотрел на кровь, струящуюся между пальцами Жан-Жака, который прижал к ране руку; и последний с изумлением увидел, что на лице Руссильона, сменяя гордость и торжество, появляются новые чувства – раскаяние и сострадание.

«Этот ублюдок смеет меня жалеть!» – и бешенство овладело оруженосцем, утроив его силы и заставив забыть о боли в раненой ноге. Бросившиеся к соперникам Жерар и Филипп были остановлены резким криком парижанина:

– Нет, я не сдаюсь! бой не окончен! Это просто цапаина! Мы продолжаем схватку!

Тяжело дыша, Жан-Жак с ненавистью смотрел на очень бледного и немного растерянного тем, что раненый противник хочет продолжить поединок, Дома.

– Ну, Руссильон, – негромко процедил паж, – это была просто разминка... А теперь будет настоящий бой – и, клянусь Всевышним, я не буду сыном графа де Сю, если мой клинок не напьется твоей крови!

...И он, почти не хромя, подняв с земли свое оружие, с диким воплем ринулся на Дома.

Теперь оруженосец крутил тяжелый меч, делая им широкие дугообразные движения, стремясь ошарашить соперника и не дать ему даже пустить свое оружие в ход. Маневр Жан-Жака удался: Дому все еще не удалось сосредоточиться, и он начал отступать, обороняясь и не пробуя нападать, видя перед собой одно сверкающее лезвие, которое, казалось, атакует со всех сторон.

Его единственным преимуществом было проворство, так как раненный в ногу парижанин не мог теперь быстро двигаться и поворачиваться. Филипп, ломая от ужаса руки, воскликнул:

– Святители небесные! Надо их разнять!

– Поздно, – мрачно изрек Жерар. Он никогда не видел Жан-Жака в таком исступлении, и был уверен, что минуты Дома сочтены. А Жан-Жак готовился нанести свой венецианский

удар; правая рука его, вращавшая клинок, начала уже уставать; надо было одним ловким движением перебросить его в левую – и тогда... Он был уверен в победе! Он видел, как герцог Черная Роза в бою с тремя противниками уложил их всех по очереди этим ударом!

Дому же больше не хотелось крови.

«Да, – сказал он себе, – я хочу остановить это! Но как сделать так, чтобы мы оба остались в живых, если этот безумец поклялся убить меня?»

...Прервем ненадолго эту трагическую сцену и вернемся в залу, к герцогу Черная Роза. Расставшись с де Брие (граф вышел из башни в тот момент, когда мальчики поднимались по лестнице на площадку), он дождался Руссильона. Последний, отдав распоряжения Бастьену и переговорив с отцом Игнасио, возвращался к своему будущему зятю в несколько расстроенном состоянии.

Слова священника не успокоили старого отца, как он того ожидал; наоборот, они породили в сердце графа сомнения и неуверенность.

Капеллан сказал, что Мари-Флоранс была очень нежно привязана к Гийому Савиньи и надеялась, что, несмотря на бедность юноши, Руссильон даст согласие на их брак. Отказ графа был для девушки очень сильным ударом.

«Ваша дочь – натура глубоко чувствующая и очень впечатлительная, – говорил священник, – хотя внешне она всегда так выдержана и спокойна...»

Однако, продолжил он, после отъезда графа Дюваля и его пажа из Руссильона, Мари-Флоранс ни разу не пришла к нему на исповедь; капеллан лишь видел, что она стала очень много времени проводить в часовне, и порой выстаивала на коленях перед распятием всю ночь.

«И что бы это значило, святой отец? – спросил граф священника.

«Я полагаю, что Гийом Савиньи по-прежнему держит в плену сердце Мари-Флоранс; но, как послушная дочь, она покорила вашей воле, и теперь молитвами и постом наказывает себя за не одобренное вами чувство к этому юноше.»

Это, несомненно, было правдой. Итак, его дочь была влюблена – герцог Чёрная Роза был прав!

И теперь Руссильону предстояло принять важное решение, -решение, от которого зависела судьба Мари-Флоранс, – и не только её.

Он нежно любил всех своих пятерых девочек, и Мари-Флоранс не была исключением.

«Я могу сказать монсеньору, что сердце её занято, и тогда... тогда он должен будет жениться на одной из трех моих младших. На ком? Мари-Николь и Мари-Анжель – совсем крошки. Конечно, браки нередко заключаются и между детьми гораздо младше; но все же... все же... А – если не они, тогда остается Мари-Доминик, моя любимица! Ей уже тринадцать, и она почти взрослая. Наверняка, герцог выберет её! – старик даже вздрогнул. – Боже всемогущий! Она ненавидит самое имя Черной Розы, её трясет, когда она слышит упоминания о нем! И ей – стать его женой?! Да она или выбросится из окна замка, или... или зарежет его в постели в первую брачную ночь!»

И граф снова содрогнулся, представив себе, что будет, если в его замке совершится такое страшное преступление – да ещё против кузена короля! Нет, допустить этого нельзя... Что же делать?

И тут Руссильон вспомнил, как много лет назад он посватался к прекрасной и юной Мари де Шеном. Ему уже было около сорока, а ей не исполнилось и шестнадцати. Но он был знатен, могуществен и богат, – и родители Мари с радостью дали свое согласие. Поговаривали, что девушка любит другого – своего дальнего родственника, бедного, но очень красивого. Но – Мари вышла за Руссильона и, хотя и не сразу, своей нежностью, доверием, безграничным обожанием граф завоевал сердце рыжекудрой красавицы. Они прожили в мире и согласии много лет, и он готов был поклясться, что его жена счастлива в замужестве!

«Так же может произойти и с Мари-Флоранс, – подумал он, – в конце концов, браки заключаются на небесах! Её сердце сейчас принадлежит Гийому Савиньи, но, я уверен, герцог будет ей достойным супругом, – я знал его когда-то в Париже как истинного рыцаря и шевалье и, хотя о нем и при дворе, и в Лангедоке ходят ужасные слухи, –возможно, все это – выдумки? Ведь доказал же он, что умеет тонко чувствовать, когда сразу понял, что она влюблена! Он был с ней безупречно учтив и даже ласков. Он не сделает моей Флоранс больно! А если все же то, что говорят о нем, правда, и он действительно сжигал, насиловал женщин и детей, распарывал животы беременным?.. Нет, нет! Это все гнусная ложь! В конце концов, Мари-Флоранс будет его женой, герцогиней, и он не посмеет с ней дурно обращаться!»

И граф вошел в залу, твердо решив, что женой Черной Розы станет Мари-Флоранс.

Подойдя к герцогу, Руссильон сообщил ему о сделанных приготовлениях и добавил:

– Отец Игнасио, духовник Мари-Флоранс, считает, что нет никаких препятствий для вашего с ней союза. Моя дочь будет вам прекрасной и верной женой.

– Очень рад это слышать, – отвечал рыцарь.

– А теперь, монсеньор, остается подумать о том, какие покои предоставить вам и вашей будущей супруге. Я бы с радостью поселил вас в комнатах моей покойной жены, –они лучшие во всем замке, –но, к сожалению, после её кончины в них уже несколько лет никто не жил...

– Поверьте, граф, мне не нужны роскошные апартаменты, я довольствуюсь самой скромной комнатой.

– В таком случае, господин герцог, если вы не будете возражать... очень удобна спальня моих младших дочерей, Мари-Николь и Мари-Анжель. Она расположена в самом конце коридора, весьма уединенно, а из окна там открывается очень живописный вид.

«Вряд ли у меня и у моей жены будет время и желание в нашу первую брачную ночь любоваться видами из окна,» – подумал герцог. Вслух же он сказал:

– Если вы, любезный граф, считаете это удобным, и если я не стесню ваших дочерей, я с удовольствием займу эту комнату.

– О, вы нисколько не стесните моих девочек! Они переночуют в спальне Мари-Доминик, – и ведь это только на одну ночь! К тому же... – и Руссильон слегка покраснел, – кровать в этой комнате весьма удобная и широкая. Если хотите, мы осмотрим это помещение; я распорядюсь только, чтоб там убралась.

И граф вызвал Бастьена и приказал ему приготовить для Черной Розы комнату своих дочерей. Уже через десять минут старый слуга вернулся и доложил, что все выполнено.

– Идемте, монсеньор, – сказал Руссильон.

– Я в вашем распоряжении, – отвечал герцог; и они вышли из залы. Это было в тот момент, когда Дом ранил Жан-Жака в ногу.

Они пошли по коридору, опоясывавшему башню донжона; в самом его конце, перед высокой дверью светлого дерева, хозяина замка ждали две женщины. С низким поклоном одна из них подала ему ключ; в руках другой был тюк с одеждой или бельем. Увидев же следовавшего за их господином замаскированного герцога, обе женщины в ужасе прижались к стене, крестясь и шепча молитвы.

«Правду говорят – худая слава по дороге бежит, а добрая в углу сидит, – с горечью подумал Черная Роза. – И меня, как и этого зверя Монфора, всегда будут вспоминать в Лангедоке вот с таким ужасом, ненавистью и отвращением; тысячью добрых дел мне не смыть позор жутких деяний моего «союзника»!

Граф между тем отпер дверь, и они вошли. Спальня дочерей Руссильона была просторная комната с большим окном на северо-запад, прикрытым ставнем. Посередине комнаты стояла широкая кровать с голубым парчовым балдахином на резных столбиках, обвитых золотыми шнурами с тяжелыми кистями внизу. Пол устлала мягкие ковры глубокого синего цвета, стены были обиты белыми шелковыми обоями с незабудками.

Около окна стояли два столика для рукоделий с мозаичными столешницами, инкрустированными яшмой и бирюзой, и два невысоких стульчика.

– Прекрасная комната, – сказал, оглядываясь, герцог, – я очень благодарен вам, граф.

Внезапно в коридоре послышались два веселых детских голоса и быстрые легкие шаги, и в спальню вбежали две девочки-погодки, в голубых платьицах, смеющиеся и покрасневшие. Они увидели сначала графа – и бросились к нему, перебивая друг друга и мешая французские и окситанские слова:

– Папа!.. – начала одна.

– Мы ловили голубей! – крикнула вторая.

– Доминик накинула на них сеть...

– Это было так здорово!

– Мы отнесли их на кухню...

– Их было целых пять!

– И Жанна нам их поджарила!

– Я в жизни не ела ничего вкуснее!

Руссильон потрепал дочерей по белокурым головкам.

– Ну, ну, Мари-Николь, Мари-Анжель! Погодите! У нас гость, и я хочу вас с ним познакомиться...

И тут девочки увидели герцога. Они осеклись и попятнулись, и на их веселых личиках одновременно появилось выражение растерянности и страха.

– Это герцог Черная Роза, дочки, – сказал граф. – Поздоровайтесь с монсеньором.

Девочки молча слегка присели – без особой почтительности. Мари-Николь, та, что была постарше, смотрела на герцога своими светло-голубыми глазами исподлобья, закусив губу. Младшая, Мари-Анжель, более непосредственная, немного осмелев и, вероятно, думая, что гость не поймет её, пробормотала на окситанском:

– А как же вы говорили, что у него рога, и хвост, и копыта?..

Отец хотел её одернуть, но герцог выступил вперед, ослепительно улыбнулся,

отвесил юным графиням изысканный поклон и сказал на чистейшем окситанском языке:

– Прекрасная госпожа, мне очень жаль, что я разочаровал вас. Но сейчас в аду не носят ни рогов, ни копыт; зато, как видите, в моду вошли черные маски.

Анжель ойкнула от неожиданности, залилась краской и поспешно спряталась за спину старшей сестры.

– Девочки, – торжественно сказал граф, – герцог Черная Роза сегодня вечером женится на вашей сестре Мари-Флоранс.

– Надеюсь, – произнес рыцарь, изо всех сил стараясь оставаться серьезным и опять низко кланяясь, – что мои будущие сестры почтят своим присутствием свадебную церемонию.

– Ступайте, милые мои.. – промолвил Руссильон, – я предоставил вашу комнату в распоряжение монсеньора. Вы сегодня переночуете в спальне Мари-Доминик.

Девочки, не произнеся ни слова, опять присели и вышли.

«Обе белокурые и голубоглазые – как и самая старшая, Марианна, – мелькнуло в голове герцога. – Конечно, они будут очень хорошенькими, когда подрастут! Но до Мари-Флоранс им далеко. Она обладает редкой, бесценной красотой! Так что, Анри, ты был не прав, когда советовал мне взглянуть на остальных дочерей Руссильона...»

Вслух же он сказал:

– Ваши дочери все очень благодетельны и послушны, дорогой граф.

– Да, – согласился Руссильон, – все они добры, послушны и кротки, как овечки... Но что это? – вдруг осекся он, услышав жуткий, почти звериный вопль.

Он повернулся к окну, за которым раздался этот страшный крик и, подбежав, поспешил отворить ставень. Герцог, тоже услышавший вопль, следовал за ним.

Мужчины выглянули из окна. Справа налево тянулись за стеною замка живописные отроги зеленых гор, чьи вершины исчезали в жарком послеполуденном мареве.

Но взоры графа и Черной Розы устремились не на эту благостную картину, а на зрелище куда более страшное: внизу, в десяти туазах под окном, на крепостной площадке, сражались на мечах двое подростков. Услышанный мужчинами безумный крик был издан Жан-Жаком, когда раненый паж герцога вновь бросился на Дома.

То, что это не тренировочный поединок, а схватка не на жизнь, а насмерть, и герцог, и граф, как опытные воины, поняли сразу, – как поняли и то, что бой близится к концу, и чаша весов уже склонилась в пользу победителя.

Оба дворянина узнали дерущихся; герцог – своих оруженосцев, а граф – окаменевшего от ужаса Филиппа и того, кто назвал себя его сыном.

И, увидев этого последнего, Руссильон побелел как полотно и схватился за сердце.

«Что это с ним? – подумал, кинув на него взгляд, герцог, – на нем лица нет!»

Черная Роза был тоже взволнован, хотя и не так сильно, как его будущий тесть; за своего пажа он не беспокоился, хотя и заметил, что тот ранен – неужели этим веснушчатый деревенским пареньком? – он молниеносно просчитал в уме все шансы противника Жан-Жака, понял, что они ничтожно малы, – и жалость к бедолаге уколола его сердце. Сделать герцог ничего не мог, кроме как крикнуть из окна; но он прекрасно видел, в каком исступлении находится его паж, и какое безумное у него лицо, – вряд ли Жан-Жака бы остановил даже гром, грянувший над самой его головой!

Оруженосец между тем все-таки загнал Дома в угол между стеною и парпетом.

Кровь обильно текла из раненой ноги, но Жан-Жак, казалось, не замечал этого. Он, как тростинку, вертел в руке свой клинок, в то время как Дом явно устал и с трудом отражал каждый выпад оруженосца. А паж весь собрался для решающего удара, – победа, чувствовал он, была близка!

Из окна комнаты графских дочерей Черная Роза видел, как Жан-Жак, заложив левую руку за спину, незаметно для противника, быстро разминает пальцы, чтобы удобнее перехватить тяжелый меч.

«Он хочет нанести венецианский удар! – понял герцог. – Удар, которому меня научил Марко Анунцио!» Да, этот удар был практически неотразим – и уйти из-под него живым тоже почти никому не удавалось. Он наносился сверху вниз и слева направо – и, при большой физической силе, вполне мог пронзить противника насквозь от шеи до бедра.

«Этот рыжий мальчишка погиб!» – мелькнуло в голове рыцаря.

Вся описанная выше сцена заняла по времени не более одной минуты.

И вот – наступила кульминация. Жан-Жак стремительно перебросил меч из правой руки в левую – и с диким криком ударил... Но его клинок, молниеносный и смертельный, рассек воздух, – и отрезал лишь петушиное перо на шапочке Дома; сына графа спасли мгновенная реакция и – случайность, которую вполне можно было бы назвать и божественным провидением.

Дом успел пригнуться, но, скорее всего, все равно был бы тяжело или смертельно ранен, если бы Жан-Жак не поскользнулся на собственной крови, обильно орошавшей каменные плиты площадки. Вместо того, чтобы нанести свой венецианский удар сверху вниз, он, уже начиная падать назад, взмахнул мечом слева направо, – и, все же потеряв равновесие, грохнулся на спину, пребольно ударившись затылком.

Не воспользоваться этим данным Фортуной шансом Дом не мог. Он прыгнул, как тигр, на поверженного противника и, прижав его грудь коленом и приставив свой меч к его горлу, задышающим голосом, но громко, потребовал:

– Сдавайся – или умри!

Полуоглушенный падением и ударом, придавленный ногой противника, чувствуя, как начинает невыносимо болеть рана, и из неё продолжает сочиться кровь, паж герцога не сопротивлялся более. Он прохрипел:

– Я сдаюсь... сдаюсь, черт возьми!..

Но эти слова, довольно грубо отступающие от тех, которые произносились побежденными на турнире, не разозлили Дома.

Его охватила невыразимая радость – поединок был выигран, оруженосец Черной Розы повержен... и они оба остались живы!

Дом высоко поднял свой клинок и – ликующе крикнул на окситанском языке:

– Победа Руссильона! – и прибавил звонким, ясным голосом: – И, клянусь всеми святыми, когда-нибудь и проклятый герцог Черная Роза будет так же лежать под моим коленом и скулить, моля о пощаде!

*Лютеция – древнее название Парижа

* Сервы – (от лат. *servus* – раб) – в средневековой Западной Европе категория феодально-зависимых крестьян, наиболее ограниченных в правах: в переходе из одной сеньории в другую, отчуждении земель, наследовании имущества, свободе брака и др.

*Туаз – (фр. *toise*) – французская единица длины, используемая до введения метрической системы. 1 туаз = 1,949 м.

4. Две сестры

Стоявший у окна герцог вздрогнул; светлые глаза его сузились и метнули молнию на дерзкого мальчишку, осмелившегося так оскорбить его, – это был чуть ли не открытый вызов! Рука рыцаря непроизвольно легла на бедро, нащупывая меч, который, войдя в комнату, он вместе с плащом положил в ногах кровати.

– Что? – произнес Черная Роза. – Я не ослышался?..

Граф Руссильон, который на время всего поединка, казалось, превратился в соляной столб, после того, как Дом прыгнул на Жан-Жака и потребовал сдаться, немного пришел в себя. Краска вернулась на лицо старика, дыхание стало ровнее.

Сейчас же, при этих словах герцога, он вспыхнул, как девушка, и пробормотал:

– Простите мою дочь, монсеньор, она сама не знает, что говорит...

– Она? – воскликнул рыцарь, в недоумении поворачиваясь вновь к окну.

В этот момент на площадке башни появилась женщина, в которой герцог узнал кормилицу своей невесты. Запахавшаяся и взволнованная, она закричала на плохом французском языке, обращаясь к рыжему пареньку:

– Госпожа! Госпожа Доминик! Я ишу вас по всему замку, а вы здесь баловством занимаетесь, да еще и опять мальчиком оделись! Срам-то какой! Ох, опять попадет мне, грешнице, от батюшки вашего!.. Идемте! Ваша сестра, Мари-Флоранс, хочет немедленно говорить с вами!

И, подбежав к Дому, который отдал меч Жерару и стоял около Филиппа, вытирая рукавом вспотевшее лицо, она схватила так называемого сына графа за руку.

– Идемте быстрее!

Жан-Жак, с помощью друга, уже поднялся на ноги. Услышав слова служанки, оба оруженосца так и замерли с открытыми ртами; но внезапно парижанин, как бы что-то сообразив, собрав остатки сил, ринулся к Дому и сорвал с него шапочку. Рыжие мелко вьющиеся кудри рассыпались по плечам и спине победителя пажа Черной Розы; и Жан-Жак бессильно, со стоном опустился на землю, потрясенный до глубины души.

– Д-д-девчонка... – ошалело пробормотал Жерар, выпучивая свои маленькие водянистые глазки.

Так трагически начавшаяся сцена на площадке быстро превращалась в комедию.

Герцог, наблюдавший её из окна, не мог не улыбнуться на потрясенные лица своих оруженосцев и ярость разоблаченной Доминик, зашипевшей, как дикая кошка, когда Жан-Жак сорвал с неё шапку.

А, увидев смущенного донельзя, красного как рак графа, и вспомнив его недавние слова о доброте и кротости всех его дочерей, – Черная Роза не мог удержаться от смеха.

Он расхохотался, – и Мари-Доминик услышала это. Она подняла голову, и увидела в окне спальни сестер, – и тотчас узнала того, кто вызывал в ней безудержную, неукротимую ненависть. И это мерзкое чудовище в маске, этот проклятый герцог смеялся... смеялся над нею!

О, если б у неё в руке оказался кинжал, и она могла метнуть его в эту наглую замаскированную физиономию, улыбающуюся ослепительно белыми зубами!

Но у Дом не было в руках ни кинжала, ни даже просто камня; и некогда было искать их: Элиза дергала девочку за рукав, она звала её к сестре.

Герцог увидел, как благородная графская дочь оглянулась вокруг себя, в бессильной ярости топнула ногой, – и вдруг, подняв голову и глядя ему в глаза, в прорези черной полумаски, плюнула, как деревенский мальчишка, смачным плевком, в его сторону, – только так могла Доминик выразить свои презрение и ненависть к гнусному мерзавцу в окне! Черная Роза расхохотался ещё сильнее.

...Вернувшись к себе, Мари-Флоранс не сразу пришла в себя. Элиза сварила своей госпоже успокаивающий настой и, выпив его, девушка приказала верной кормилице сейчас же найти и привести к ней Мари-Доминик.

Не найдя Дом в башне донжона, служанка выбежала во двор и увидела своего младшего сына, Пьера, который, как говорилось ранее, остался с герцогскими лошадьми.

Зная, что Пьер, молочный брат Мари-Доминик, обычно сопровождает девочку на прогулках, кормилица бросилась к нему.

Пьер готов был и графу Руссильону, и даже самой Черной Розе ответить, что не знает, куда ушли Доминик и оруженосцы герцога, – товарищ Дом не выдал бы этот секрет даже под пыткой; но – так порой насмехается над нами судьба! – этому юному стоику хватило всего лишь пары увесистых материнских оплеух, чтобы указать место, где происходил поединок.

Итак, Элиза нашла Доминик, и повлекла её за собой, не отвечая на расспросы девочки, в комнату Мари-Флоранс.

Когда Дом вошла туда, её старшая сестра стояла у окна, перебирая аметистовые четки. Комната Фло никогда не нравилась Дом; она больше напоминала монашескую келью, – была небольшая и темная, с узкой кроватью в алькове, над изголовьем которой висело большое распятие из черного дерева.

Мари-Флоранс была очень бледна, но внешне спокойна.

– Оставь нас, Элиза, – сказала графиня служанке.

– Что случилось, Фло? – спросила запыхавшаяся Доминик, присаживаясь на кровать.

Сестра, поджав губы, неодобрительно взирала на ее покрасневшее потное лицо и мальчишескую одежду. Дом привыкла, что, в отличие от отца, спускавшего своей любимице все, самые сумасбродные, выходки и лишь мягко журившего ее за ношение мужской одежды, Фло вечно пилила ее, грозя Господними карами и вечными муками, ожидающими грешную младшую сестру в аду. Но сейчас Мари-Флоранс, к удивлению Доминик, сдержалась и спросила абсолютно неожиданно:

– Ты знаешь, что к отцу приехал гость?

Дом вспыхнула и закусила губу, – она опять вспомнила смех Черной Розы.

– Да. Дьявол Лангедока... Я его видела, Фло! Это он!

– Но ты, наверное, ещё не знаешь, зачем он приехал?

– Нет. Он стоял у окна в спальне Анжель и Николь... и отец рядом с ним.

– Дело в том, сестра, что отец помирился с королем Людовиком...

– Что?!! – воскликнула не верящая своим ушам Дом. – Не может этого быть! Папа всегда говорил, что Лангедок стоит за правое дело! Наш отец не мог, не мог помириться с королем и с его мерзкими приспешниками – Монфором и Черной Розой!

– Однако, это так. И я одобряю поступок отца. Не по-христиански идти против помазанника Божьего. И сам Господь, я уверена, внушил папе эту благую мысль.

Дом злобно фыркнула. Религиозность сестры была ей чужда и непонятна и наводила на девочку тоску.

– Так вот, – мертвенно спокойным голосом продолжала Флоранс, – отец помирился с государем, и король в знак своего прощения решил сочетать браком Черную Розу и одну из дочерей нашего отца...

– Кровь Христова! – воскликнула в ужасе Доминик.

Сестра так сжала бусины четок, что побелели костяшки пальцев.

– Не богохульствуй, Мари-Доминик! Не добавляй к своим прегрешениям еще и это! Знай, что отец согласился на этот брак...

– Да как он мог?!! И за кого?!! За Черную Розу – этого убийцу, насильника, невесть откуда взявшегося проходимца!!!

– Боюсь, тут ты ошибаешься. Этот проходимец – двоюродный брат короля и высокородный герцог.

– Высокородный? – с глубочайшим презрением сказала младшая сестра. – Если бы в жилах его текла истинно благородная дворянская кровь, он не позволил бы себе и своим людям грабить, убивать и насиловать невинных!

– Дом, не будем об этом... Отец согласился на этот союз – и выбрал меня.

– И ты... и ты согласилась?

– Моего согласия никто и не спрашивал, – мрачно изрекла Флоранс. – Доминик, ты ещё ребенок, безмерно балованный и любимый, и не знаешь, что браки детей часто заключаются родителями в большинстве своем по политическим расчетам. Герцог не любит меня, он меня видел сегодня первый раз в жизни, – он, так же как и я, жертва обстоятельств... Но есть королевский рескрипт, и мы оба обязаны ему подчиниться.

– Обязаны?!! Черт меня побери, Мари-Флоранс! – крикнула Дом. – Ни я, ни ты не обязаны никому подчиняться! Мы – свободные люди, а не рабы! Я плюю на короля и его указы! О, почему, почему отец согласился? Лучше бы мы погибли, защищая стены Руссильона, с мечами в руках, чем согласиться на этот позорный союз!

Лицо Флоранс стало белее мела.

– Ты так горяча, и так еще мала, сестренка... Ты многого не понимаешь, и рассуждаешь сердцем, а не головой. Наш отец помирился с королем, потому что иначе Черная Роза взял бы замок приступом – и что бы с нами со всеми стало? Подумай об этом!

Доминик вздрогнула. О, сколько ужасных слухов о Черной Розе и Монфоре долетало до Руссильонского замка со всего Лангедока, – о казнях, насилиях, пытках!

– Отец спасал нас – не себя. Своих дочерей, своих слуг, свой замок.

– Всех, кроме тебя. Тебя он все-таки принес в жертву, – жестко ответила Дом.

– Поверь, я бы с радостью пошла на это, – гордо подняв голову, возразила Флоранс. – Я бы уподобилась первым христианским мученицам, которых сжигали на кострах и бросали в пасть хищным зверям. И я бы стала женой герцога Черная Роза! Но... но есть одно обстоятельство...

– Какое, сестра?

– Дело в том... дело в том, Дом... что я... что я уже замужем.

– Что?!! – воскликнула, вскакивая, изумленная девочка. – Что ты сказала, Фло?

– Да, дорогая. Теперь и ты знаешь мою тайну, тайну, которая была известна во всем замке только мне и Элизе...

Неожиданная догадка озарила Доминик.

– Это-Гийом Савиньи? – спросила она.

– Да. Мы поженились две недели назад, перед его отъездом с графом Дювалем, ночью, тайно. Отец отказал Гийому, и нам не оставалось ничего другого...

– Отец Игнасио? Он обвенчал вас?

– Нет. Он ничего не знает. Нас обвенчал тот священник, что был здесь проездом в Тулузу, помнишь?

– Ну да, – машинально ответила Доминик. Теперь многое становилось ей понятно. Хоть они и не были очень близки с Мари-Флоранс, но даже Дом заметила, как старшая сестра изменилась за последнее время.

Эта новость так поразила девочку, что она ненадолго даже забыла о Черной Розе.

«Вот это да! Послушная, скромная как монашка, Фло – и замужем? Против воли нашего отца, тайно... Гийом Савиньи! Что сестра нашла в этом шестнадцатилетнем мальчике? Хорошенький-это верно, но не более!»

Дом вспомнила, как он вечно читал Флоранс стихи и играл ей на лютне. Но разве так можно покорить женское сердце? Нет, не таким ей представлялся избранник Флоранс – и её собственный! Она мало задумывалась о любви и браке; лишь иногда ей представлялся – довольно смутно – некто, – конечно, высокий и красивый, он должен был быть настоящим мужчиной: сильным, отважным, неукротимым!

«Нет, меня бы не пленили ни стишки, ни бренчания на лютне! – подумала девочка. – Вот обменяться парой ударов мечом, или посостязаться в скачке верхом... ну, на худой конец – хотя бы сыграть партию в шахматы. Вот это, я понимаю, ухаживания!»

Эти мысли ненадолго отвлекли Доминик от действительности. Но, вернувшись к реальности, она вновь ужаснулась всему, что услышала.

– Мари-Флоранс, и ты сказала отцу, что вышла замуж? – спросила она.

– Я хотела, сестричка... хотела... Но в последний момент я подумала о вас – и не смогла.

– О нас? – недоумевающе промолвила Доминик.

– Да; о тебе, о Мари-Николь, о Мари-Анжель. Ведь, если бы отец и герцог узнали, что я вышла замуж, – жребий пал бы на одну из вас...

– Кровь Господня! – смертельно побледнев, воскликнула Дом.

– Да, так бы и случилось... – продолжала Фло, на этот раз даже не заметив, вся поглощенная своим отчаяньем, богохульства младшей сестры. – Король велел герцогу жениться на одной из дочерей Руссильона – на любой из них.

– На мне... или на Николь... или – на ангелочке Анжель... Какой ужас! – простонала Доминик.

– Сестричка... Я бы стала женой этого монстра! Но вы!.. Вы не заслужили такой жуткой участи!

Дом вдруг пришла в ярость. Топнув ногой, она вскричала:

– Почему, почему отец на это согласился?! Ведь, я уверена, и Монсегюр, и граф Дюваль уже где-то близко! Они бы разбили отряд Черной Розы, вздернули бы его, как собаку, и освободили бы нас!.. Впрочем, – прибавила она, слегка успокаиваясь, – возможно, так и будет! Ведь есть ещё время.

– Его нет, – отвечала её сестра. – Отец сказал, что мы поженимся сегодня, перед закатом солнца. Все приготовления уже сделаны. И поэтому я позвала тебя, – продолжала Флоранс. – Положение кажется мне безвыходным. Но, может быть, в твою ясную головку придет какой-нибудь план?

Доминик постаралась успокоиться и сосредоточиться. Это было похоже на партию в шахматы, – только тут на кону был не ферзь или король, а судьбы её и трех её сестер.

«Безвыходных ситуаций не бывает. Но надо смотреть всегда вперед, на несколько ходов опережая противника,» – говорил ей отец. А Черная Роза – пусть не достойный, но сильный и могущественный противник; к тому же он – кузен короля.

– Что же нам делать? – вслух спросила Дом.

В это время в дверь постучали, и на пороге показалась Элиза.

– Госпожа! – радостно произнесла она. – Осаду замка сняли, и люди начали расходиться по домам!

В глазах Доминик вдруг вспыхнула надежда.

– Фло! Мы должны бежать! – воскликнула она. – Все вчетвером! Раз осада снята, мы сможем выбраться из замка, время еще есть!

Её сестра горестно покачала головой.

– Пешком мы далеко не уйдем, Доминик. Конюшня отца, если помнишь, полностью опустела. Ведь папа отдал всех хороших лошадей графу Дювалю, обещавшему ему помощь и поддержку южной части провинции. А старые лошади околели или съедены.

Дом помрачнела. Среди отданных другу отца коней была её любимая гнедая кобыла Франсуаза, на которой девочка ещё совсем недавно беззаботно скакала по взгорьям и долинам Руссильона. Но – разве дочь графа не пожертвовала бы всем, чтобы помочь делу Лангедока? И, сцепив зубы, чтобы не заплакать, она сама оседлала свою любимицу для одного из людей Дюваля.

– Послушай, Флоранс! Черная Роза приехал сюда с пажами. У них три лошади. Мы могли бы ускакать на них.

– Разве их не охраняют?

– Если кони уже в конюшне-то, скорее всего, никто. А если во дворе-то двое пажей; но это просто мальчишки, и к тому же, – прибавила Дом не без гордости, – один из них ранен. Мы легко справимся с ними.

– Пойти на убийство?! Сестра! Что ты говоришь!

– Мы бы переоделись в мужские костюмы, – вдохновенно продолжала развивать свой план Доминик, – чтобы на нас никто не обратил внимание, а женские платья взяли с собой, вышли бы во двор, заговорили бы этим мальчишкам зубы – и оглушили бы их! Фло, это неплохая идея, поверь!

– И куда бы мы отправились, завладев герцогскими лошадьми?

– В картезианский монастырь. Он всего в трех лье отсюда. Монахини приютили бы нас, ненадолго, ведь Монсегюр и граф Дюваль, я уверена, уже близко!

Флоранс невольно усмехнулась словам сестры: Дом, не верящая ни в Бога, ни в черта, вечно сквернословящая Дом, – в строгом картезианском монастыре, где монахини дают обет вечного молчания! Это трудно было себе представить.

– Нет, – подумав немного, сказала Флоранс, наконец, – ты опять забыла, сестричка. Анжель страшно боится лошадей, упав два года назад со старой кобылы.

– Да, правда, забыла.

– Значит, её придется оставить здесь, в замке.

– Что ж, ведь её можно спрятать и здесь. Элиза могла бы это сделать.

– А если нашу сестру найдут?

– Если Бог существует, – он не допустит этого! – горячо воскликнула Дом.

– Послушай... Ведь и мы втроем можем не добраться до монастыря. Даже если мы похитим герцогских коней, – не думаешь же ты, что Черная Роза будет сидеть сложа руки и не пустится за нами в погоню? За стенами замка у него двести человек! Они легко догонят нас и схватят!..

– Но бежать – это все, что нам осталось, Фло!

– Нет-нет, это чистая авантюра. И потом, – если мы все же спрячемся в монастыре, и Анжель тоже не найдут... Не подумала ли ты о том, что Черная Роза, разъярившись, прикажет вырезать всех обитателей замка?

– О, Флоранс, этот дьявол... он на это способен! – прошептала, ужаснувшись, Доминик.

– Но, в таком случае, бегство невозможно... Что же придумать ещё?

– Надо, все равно, попытаться протянуть время, сестра, – сказала Доминик. – Обмануть проклятого герцога! Вот смотри. Что, если вместо тебя с Черной Розой обвенчается кто-нибудь другой?

– Кто же?

Дом напряженно размышляла.

– Например, Филипп. Он одного с тобой роста, и худенький... К маминому свадебному платью мы подберем густую вуаль, такую густую, что Черная Роза не заметит подмены. Я уверена, Филипп не откажется нам помочь!

Сестра опять усмехнулась. Да, фантазия Дом была поистине безгранична!

– Возможно, герцог не сможет по фигуре отличить мальчика от меня... Но ведь невеста должна ещё говорить, должна произносить брачные обеты. А уж голос у Филиппа не такой, как у меня!

– Ну, пусть это будет не Филипп, – не сдавалась Доминик, – а какая-нибудь девушка. В замке сейчас много деревенских женщин, мы бы могли щедро заплатить ей, если бы она согласилась изобразить тебя перед алтарем!

– Да... и кузен короля, вместо благородной дочери графа де Руссильон, получит в жены крестьянку-нищенку? Неплохая месть для этого негодяя! Но вот беда – времени у нас очень мало, а девушку надо найти – и ещё уговорить.

– В маминой спальне, в шкатулке, много драгоценностей, Фло! Я готова отдать их все, без сожаления!

– Но – ты опять забыла, сестричка, – все эти несчастные крестьяне, сбежавшиеся в замок, жутко боятся Черную Розу и считают его дьяволом во плоти! Возможно, все наши драгоценности окажутся бессильны перед их суеверным ужасом.

– Да, пожалуй... – пробормотала Дом.

– И ещё. Если мы и найдем ту, которая согласится встать вместо меня перед алтарем, – что будет после венчания, ты подумала? Ведь будет свадебный ужин, и потом, герцог собирается провести в замке первую брачную ночь... Неужели ты полагаешь, что он позволит своей невесте все время прятаться под вуалью?

– Вот тут я, кажется, отлично придумала. Ты, Флоранс, должна будешь хорошенько спрятаться. А заменившая тебя девушка сразу после венчания уж сможет, я надеюсь, как-нибудь улизнуть от жениха. Она снимет свадебное платье и, естественно, все начнут искать тебя, а не её... И негодяю-герцогу уже не останется ничего другого, как или найти тебя, свою законную, как он будет полагать, жену, или покинуть замок несолоно хлебавши! Мы можем даже подстроить так, как будто ты бросилась в ров с водой, чтобы не разделить с ним ложе. Вот будет потеха, когда бедняга всю первую брачную ночь проведет, обшаривая ров в поисках твоего тела!

– А ты понимаешь, каково будет нашему отцу, Дом?... Нет, нет, я на это не согласна! И потом, ты напрасно думаешь, что крестьянка способна хорошо сыграть роль благородной графини. Манеры, походка, жесты, – всё выдаст Черной Розе, что перед ним – простая вилланка. Твой план никуда не годится, герцог может в любую секунду обнаружить подмену, – и тогда уж никому из нас не уйти от его бешеного гнева!

– Сестра, тогда нам остается только один выход, – вздохнув, сказала Доминик. – Ты должна сама обвенчаться с герцогом. В конце концов, ты уже замужем... и этот обман тебя ни к чему не обяжет.

– Выйти второй раз замуж?!! – потрясенно воскликнула Флоранс. – Дом, да ты понимаешь, что ты сказала?!!

– А что? Тебе не надо ничего делать – только сказать «Да», и все. А сразу после венчания мы уж тебя с Элизой так спрячем – никто не найдет.

– Опомнись, сестра! – с ужасом сказала юная графиня. – Совершить такое кощунство?!! Да как у тебя язык повернулся предложить мне такое?

Дом смущенно замолчала. Она не понимала Флоранс. Ведь, когда она предложила оглушить оруженосцев Черной Розы, и даже переодеться мужчинами, – Фло восприняла это достаточно спокойно. А тут взвилась! А в глазах Доминик ударить человека было гораздо большим грехом, чем произнести перед алтарем какие-то пустые фразы.

Но Фло было не переубедить, – она была как камень!

– Нет-нет, никогда я не пойду на такое святотатство! – повторяла она.

И тут – Доминик осенило!

– Хорошо, Фло, послушай! Раз ты не можешь сказать это чертово «да», то я сделаю это за тебя. Я пойду под венец вместо тебя, и герцог женится на мне... то есть, на тебе...

Флоранс со вновь вспыхнувшей надеждой посмотрела на младшую сестру.

– Пожалуй... пожалуй, Дом... возможно, это выход! Но не будет ли считаться этот брак законным?

– Как же он будет законным, сестра, если священник будет называть твое, а не мое имя? А уж я отвечу «да» столько раз, сколько будет нужно, и даже с удовольствием! Это ведь просто как игра в переодевание.

– Все намного серьезнее, Доминик! Произнести священные обеты – это ты называешь игрой?

– Я не собираюсь спорить с тобой, Фло! Времени у нас слишком мало! Итак: ты прячешься, я венчаюсь с Черной Розой, затем под каким-нибудь предлогом исчезаю, снимаю платье, – и вот я вновь – Мари-Доминик, и никто не заподозрит, что в часовне была не ты, а я! Герцог уверен, что женился на тебе, все тебя ищут, время идет... А потом – я уверена в этом! – появляются Монсегюр и Дюваль, – и герцога ждет смерть, или же позорное бегство!

– Но наш отец помирился с королем... Он не допустит, чтобы его зятя убили!

– А ты не думаешь, что, возможно, отец просто схитрил, согласившись на примирение и этот брак, чтобы выиграть время?

– Он не таков, он честный и благородный дворянин, Дом!

– Но в борьбе с Черной Розой, этим мерзким чудовищем, все средства хороши, сестра.

В конце концов, даже если папа действительно решился на этот союз, – мы выиграем время, и брак будет незаконным. Отец поймет нас и простит за этот обман. О, Фло, только не говори, что и этот план не годится!

– Наоборот, сестричка! Он с каждым мгновением кажется мне все лучше... Доминик! Ты так хорошо умеешь копировать мой голос; у нас с тобой похожие фигуры и ростом ты всего чуть-чуть ниже меня! Ни батюшка, ни отец Игнасио, ни, тем более, Черная Роза не заметят обмана.

Дом вдруг рассмеялась и, подражая голосу Флоранс, который был немного ниже, чем у неё, произнесла нараспев:

– О да, монсеньор герцог, я согласна стать вашей верной и покорной женой... – и прибавила, уже своим голосом: – Скорее ты провалишься прямо в преисподнюю, чем я выйду за тебя!

Старшая сестра тоже улыбнулась. Теперь, когда решение было принято, и план окончательно созрел, напряжение в комнате немного спало.

В это время вновь приоткрылась дверь, и в комнату заглянула Элиза.

– Госпожа! – возбужденно сказала она, – во дворе повозки, а на них столько всего съестного! И хлеб, и дичь, и бочонки с вином! У всех слюнки так и текут... Дожить бы до вечера! А ещё там красавчик-блондин пригнал целый табун лошадей для графской конюшни. Просто загляденье, а не лошадки.

– Много ли народа покинуло замок, Элиза?

– Почитай, почти все, моя голубка. Все боятся до смерти Лангедокского дьявола. А он – вот чудно-то! – приказал всем, кто уходит из замка, давать по хлебу и наливать вина...

– Странно, – сказала Флоранс. – На Чёрную Розу – Дьявола Лангедока – это не похоже!

– Если только вино или хлеб не отравлены, – едко добавила Дом. – Наверное, это он просто старается для тебя, Фло: хочет показать, что он совсем не такое гнусное чудовище, каким мы его считаем... Но нас ему не обмануть!

– Элиза, – произнесла Флоранс. – Сходи в мамины комнаты и принеси оттуда свадебное платье нашей матушки.

– Что же вы надумали, радость моя? – тревожно спросила служанка.

– За герцога выйдет замуж Доминик, – отвечала Флоранс.

– Пресвятая Дева! – всплеснула руками кормилица.

– Не бойся, Элиза, это не на самом деле, – быстро сказала Дом. – Я надену платье и встану к алтарю, но все будут думать, что это не я, а Фло... И отец Игнасио будет произносить имя Фло, а не мое, поэтому этот брак не будет настоящим. Все будет понарошку, понимаешь?

– Ох, девочки мои, – покачала головой кормилица, – боюсь, вы задумали худое дело, и ещё пожалеете об этом! Мало вы, госпожа Флоранс, плакали да молились, выйдя за вашего Гийома тайно, без согласия батюшки! А тут – обвести вокруг пальца самого герцога Чёрная Роза! Такой обман он ни за что не простит!

– Не каркай, Элиза, – прервала её Дом, – прошу тебя. Все должно получиться. Твое дело – помочь Фло нарядить меня, а потом спрятать её от герцога. Иди же за маминым платьем!

Служанка ушла, бормоча себе под нос что-то недовольное.

– Иди сюда, Доминик, – сказала Флоранс и, взяв младшую сестру за руку, подвела её к большому дорогому венецианскому зеркалу – пожалуй, единственному предмету роскоши в этой комнате, напоминающему о том, что её хозяйка – не монашка, а высокородная графская дочь. – Посмотри, как мы с тобой похожи.

Дом, насупившись, недоверчиво уставилась в зеркало. Оттуда на сестер смотрели их отражения – две девушки, обе рыжеволосые и синеглазые, стройные, с гордой осанкой.

Но у одной кожа была белая и нежная, у другой – обветренная, загорелая, покрытая россыпями веснушек: у одной волосы красиво вились, у другой – непослушно кудрявились.

– Ты шутишь, Фло? – спросила Доминик. – Ты такая красивая!

Это была не зависть – а просто констатация факта. Доминик была весьма невысокого мнения о своей внешности, что, впрочем, мало её тревожило.

– Ты будешь гораздо красивее меня, сестричка, – улыбнулась ей Флоранс из зеркала.

– У тебя такие волосы... а я без конца расчески ломаю! И кожа – я вся в веснушках, а у тебя такая белоснежная!

– Дом, разве ты забыла, – несколько лет назад и у меня были веснушки. Просто Элиза варит мне отвар из трав и кореньев, и я купаюсь в нем каждый день. Он прекрасно отбеливает кожу. К тому же ты целыми днями бегаешь по солнцу! И волосы у меня тоже курчавились и были непокорные, но и тут Элиза помогла. Недаром мать и бабка у нее были знахарками и травницами. Поверь: стоит тебе захотеть, и ты превратишься в настоящую красавицу! Тебе надо бросить скакать по лесам, стрелять из лука и размахивать мечом... Тебе тринадцать, и папа напрасно позволяет тебе своевольничать и одеваться и вести себя как мальчишке. Мы –

графские дочери, не забывай, Доминик. Ты почти ничему не училась, слава Господу, что схватываешь все на лету и умеешь читать и писать!

– Я и латынь знаю, – немного обиделась младшая сестра. И тут же вспомнила про девиз Черной Розы. – Фло, ты не помнишь, откуда эта строчка: «И после смерти – постоянство»? Что-то знакомое.

– Боже, Доминик, как ты необразована! Это латинское изречение. Если перевести на французский, получится:

О честь! Будь спутница моя,
Презрев и время, и пространство;
При жизни верность мне храня,
И после смерти – постоянство!

– Красиво, – задумчиво сказала Дом. Про себя она подумала: «Вот уж неподходящий девиз для этого гнусного мерзавца!»

– Да; мой Гийом читал мне эти стихи... Только вместо «честь» он говорил: «любовь», – вздохнула Флоранс.

– Любовь – будь спутница моя? Нет уж, Фло, «честь» гораздо лучше. И правильнее.

– Ты еще слишком мала, сестричка; когда-нибудь ты поймешь, что нет ничего важнее любви!.. Ну, – поправились она, – и веры в Бога, конечно...

– Флоранс... Ты очень любишь Гийома Савиньи?

– Как я могу не любить его? Он – мой супруг...

– Но почему ты тогда так страдаешь? Почему так изменилась после его отъезда? Ведь он вернется к тебе, и очень скоро! Может, ты боишься папиного гнева? Но он так добр и, конечно, простит вас. Все равно вы уже – муж и жена, и это не изменишь!

– Ах, сестричка, не знаю, могу ли я сказать тебе... Это... это так ужасно!..

– Да говори уж, Фло! – нетерпеливо сказала Дом.

– Видишь ли... После того, как нас обвенчал священник, Гийом пришел в мою комнату. До рассвета было еще далеко. Элиза убрала постель и оставила нас вдвоем. Гийом начал целовать меня, а потом положил на кровать... И стал раздеваться... О Боже! Я никогда не думала... никогда не думала, что первая брачная ночь – это такой ужас! Он был голый... и страшный, Дом, незнакомый! А то, что я увидела внизу... между его ног... это был просто кошмар! И я не смогла лежать спокойно, как он меня просил... Я вскочила и начала убежать от него, а он... он бежал за мной. А, когда он меня настиг, – я его расцарапала, Дом, я вцепилась ногтями ему в лицо! А потом он плакал... и говорил, как он меня любит... и что я совсем не люблю его. Мне было так его жаль, сестричка! И наступил рассвет, и он уехал... О, я не могу себе этого простить, не могу!

Доминик чуть не расхохоталась. Вот так веселая первая брачная ночь была у Флоранс! Она живо представила себе всю эту сцену: голого Гийома, бегающего за сестрой по комнате... И как она вцепляется ему в физиономию.

Так вот почему утром юный паж графа Дюваля прикрывал щеку платком! Кто бы мог подумать, – её расцарапала Фло, тихоня и скромница Фло, не обидевшая в жизни и мухи!

В отличие от застенчивой и стеснительной старшей сестры, которая и купалась-то только в рубашке, Доминик часто плавала с мальчиками из замка в реке, и не раз – голышом. Мужская нагота не слишком её интересовала, и Дом воспринимала как должное, что тела её и её друзей отличались друг от друга.

– Поэтому ты так переживаешь, Флоранс?

– О да... Я плакала, я молилась в часовне каждый день, чтобы Господь вразумил и направил меня на путь истинный. Просила простить мне грех непослушания воле мужа, который теперь навеки стал моим повелителем...

– Ну, Фло, не расстраивайся! Гийом скоро вернется – и ты сможешь доказать ему свою любовь!

В этот момент вошла Элиза. Она торжественно, на вытянутых руках несла свадебное платье, принадлежавшее Мари де Шеном, в замужестве – де Руссильон. Платье это было роскошное одеяние из пурпурного атласа, богато расшитое белым и розовым жемчугом, с высоким воротником, длинным алым шлейфом и широкими рукавами. Кормилица положила его на постель Флоранс, и младшая сестра, подойдя, благоговейно коснулась прохладной шелковистой ткани. Кто бы мог подумать ещё несколько часов назад, что она, Доминик, сегодня вечером наденет его!

– Вы обе очень похожи на свою мать, – сказала Элиза. – У вас такие же прекрасные волосы и синие глаза. И фигурки – точь-в-точь такие!

– У меня маленькая грудь, а у Фло – большая, – возразила Дом.

– Мы тебе что-нибудь подложим. Ну же, снимай свое тряпье!

– Подождите. Нужна ведь ещё вуаль! И веночек из флердоранжа! Уж изображать невесту – так чтобы все было как должно!

– Вуаль у меня есть, – промолвила Флоранс. – И такая густая – герцог ничего не увидит.

– А флердоранж... Надо попросить сестричек, пусть сплетут мне веночек!

– Девочки в вашей комнате, госпожа Мари-Доминик.

– Я схожу туда... я быстро! – И Дом выскочила из комнаты сестры и побежала к себе.

5. Подслушанный разговор

Доминик, действительно, застала Анжель и Николь у себя в комнате. В отличие от голубой спальни младших сестричек и кельи Флоранс, здесь как будто жил мальчишка, а не графская дочь. Не было ни столиков с рукоделием, ни распытия в алькове. Посредине комнаты стояло чучело рыцаря, облаченное в доспехи, изрядно измятые и исколотые мечом. Доминик частенько упражнялась и дома. На стенах висели ковры с изображением поединков и охот; а одну из них украшала коллекция мечей, топоров и кинжалов.

Сестры Дом сидели на кровати и, болтая ножками, поедали большой белый хлеб, разломанный напополам. Увидев его, девочка сразу почувствовала урчание в пустом желудке, – она не ела со вчерашнего вечера.

– Дом! – закричали одновременно Николь и Анжель. – Папа сказал, что Мари-Флоранс выходит замуж! Мы хотим быть подружками невесты!

– А за кого, не сказал? – спросила Доминик, набрасываясь на хлеб и запихивая в рот изрядный кусок.

– За Черную Розу, – прошептала, оглядываясь по сторонам, Анжель. – Сестрица! Мы его видели! Представляешь – у него нет рогов... и копыт тоже... Только черная маска. И он говорит по-окситански так же хорошо, как мы!

– Но вы ведь не испугались его, мои ангелочки?

– Я – нет, – с достоинством сказала Николь. – И он совсем не такой страшный! Наоборот, у него добрая улыбка и такие красивые светлые глаза.

Доминик, скривив губы, посмотрела на неё. У Николь всегда было свое мнение, хоть она и была ещё так мала.

– Дом, мы сегодня спим в твоей комнате, – проговорила Анжель. – А нашу спальню папа отдал Черной Розе...

«Вот почему он был там во время нашего боя!» – мелькнуло в голове Дом.

– А нам Мюзетта принесла хлеб, и сказала, чтоб мы сидели тихо, как мышки. А сама она и толстуха Клэр носили воду в нашу комнату, потому что Черная Роза захотел принять ванну!

– Вот как? – спросила Доминик. И вдруг – последняя фраза младших сестричек как будто сдернула с её глаз некий покров!

«Принимает ванну! Один!»

– Девочки, – быстро сказала Дом, – у вас ведь есть ключи от вашей спальни?

– Один взяла домоправительница, – ответила Николь. – А второй – у меня.

– Дай его мне.

– Зачем?

– Давай, давай! А теперь вы должны пойти и нарвать померанцевых цветов для венка Мари-Флоранс. И скажите папе, что меня на венчании не будет!

– Но ведь это же свадьба Фло! – в один голос воскликнули Николь и Анжель.

– Да, но за кого она выходит, вы забыли? За это гнусное чудовище, за Дьявола Лангедока! Нет уж, ноги моей, черт меня побери, не будет в часовне! Ну, а вы, ангелочки, конечно, будете подружками невесты, обещаю! – она ласково потрепала сестричек по белокурым локонам. – Мамино платье такое красивое, с длинным шлейфом... Вы его понесете, девочки! А сейчас бегите, нарвите побольше цветов! И пусть за ворота с вами пойдут Пьер и Филипп, а то там рыщут люди Черной Розы, и я не хочу, чтобы с вами что-то случилось!

Сестрички Дом с веселыми криками выбежали прочь. Она же горько усмехнулась, глядя им вслед. Бедняжки, для них свадьба Мари-Флоранс просто забава, развлечение, и они не понимают ужасной действительности, – того, что старшую сестру вынуждают выйти за самого дьявола в человеческом обличье!

Оставшись одна, девочка бросилась к коллекции оружия и сорвала со стены небольшой итальянский стилет с серебряной рукоятью и тонким лезвием. Спрятав его за пояс под рубашкой и сжимая в руке ключ, она вышла из своей комнаты и направилась к спальне Анжель и Николь.

Как ей раньше не пришло это в голову! Она придумывала, хитрила, строила коварные планы... А самое простое решение лежало как на ладони.

Ведь хотела же она бежать из замка со всеми своими сестрами. Нет невест – нет свадьбы! «А нет жениха – и свадьбы тоже не будет, – думала Дом, целеустремленно шагая по коридору. – Если Черная Роза умрет – мы, все четверо, будем свободны!»

Конечно, он – кузен короля... и вряд ли Людовик посмотрит на это убийство сквозь пальцы. Но его величество далеко на севере, в Париже; пока эта весть дойдет до него, может многое случиться. В Руссильон приедут барон Дюваль и граф де Монсежюр... и отцу, волей-неволей, после убийства герцога, придется вновь встать на сторону правого дела!

Дом постаралась холодно и ясно представить себе, как убьет Черную Розу.

«Он лежит в ванне. Я тихо открою дверь, прошмыгну в спальню, подкрадусь сзади... Я схвачу его за волосы, запрокину ему голову назад – и полосну по горлу! Кровь, наверное, ударит фонтаном до потолка. Его тело забьется в предсмертных судорогах. Но я сорву с него его проклятую маску, – если, конечно, он её не снял, – буду смотреть, как тускнеют и закатываются его глаза, – и сердце мое не дрогнет жалостью, как было с его оруженосцем! Я не облегчу его муки, не вонжу кинжал ему в сердце! Это чудовище не заслужило «укола милосердия»!

Но, как ни настраивала себя Доминик, когда она подошла к комнате сестер, ноги у неё подкашивались, сердце трепыхалось, как птичка, попавшая в сеть, а кулачок, сжимавший ключ, стал мокрым от пота. Правда, к чести Дом, все это было следствием скорее не страха, а волнения.

Она уже протянула руку с ключом, чтобы вставить его в замочную скважину, – но дверь вдруг приоткрылась изнутри, и до девочки донеслись голоса. Дом застыла на мгновение, а затем метнулась в темный проем между дверью и стеной... Проклятье! Она опоздала! Герцог был не один!

Мужской голос – это был де Брие, он стоял по ту сторону двери, в двух шагах от Доминик, – произнес, продолжая начатый разговор:

– ...Извини, что не дал тебе понежиться в ванне. Но ты должен сам посмотреть на них и выбрать...

– Подожди, Анри, – отвечал второй голос, гораздо более низкий и глубокий, и Доминик поняла, что он принадлежит её заклятому врагу Черной Розе, – эти застежки... Я отвык носить такую одежду, черт возьми!

– Да, это тебе не рубашка, а сверху кольчуга, – отвечал граф. – Но придется привыкать. Скоро войне конец! А что касается этого наряда, – и пусть это послужит тебе утешением, – сегодня вечером его будет снимать с тебя твоя молодая жена.

Дом криво улыбнулась. Не дождетесь, монсеньор!

Послышался звон шпор, и де Брие, не закрыв плотно дверь, отошел в глубину комнаты.

Но у Доминик был тонкий слух и, хотя мужчины говорили негромко, она слышала каждое их слово.

– Что мои оруженосцы? – продолжая одеваться, спросил Черная Роза.

– Граф разместил их в нижней комнате донжона. Жан-Жака осмотрел капеллан Руссильона, – кажется, священник у них в замке и за врача, – и сказал, что ничего серьезного нет, правда, крови вытекло порядком.

– Кровопускание Жан-Жаку полезно; уж слишком он горяч и задирист, этот юный парижский петушок!

– Он страдает, похоже, не от боли в ране, а от смертельно уязвленного самолюбия. Над ним одержала верх девчонка! Для сына графа де Сю это страшное унижение! А Жерар де Парди трясется от страха из-за твоего знамени, которое растоптала эта же девица!.. Вот, наверное, было зрелище! – весело сказал де Брие.

Доминик ожидала, что сейчас Черная Роза разъярится, заскрежечет зубами или разразится страшными проклятиями в её адрес, – ведь рыцарское знамя было символом доблести и чести, и почиталось как святыня, – но вместо всего этого герцог искренне расхохотался.

– Анри! Я давно уже так не смеялся! Эта девчонка – просто ураган! За какие-нибудь полчаса она умудрилась растоптать мой стяг, ранить моего оруженосца и, наконец, плюнуть мне самому чуть не в лицо! Кровь Христова! Если бы это был мужчина – он не прожил бы и трех минут! Рыжая бестия!.. А как она сражалась! Как ускользнула из-под венецианского удара! А ведь Жан-Жак неплохой мастер, и я сам кое-чему его научил... Чтобы какая-то девчонка так владела мечом!..

Дом вся обратилась в слух. Похвала герцога её воинскому мастерству, помимо ее воли, приятным теплом разлилась по телу.

– Хотел бы я это видеть, – промолвил граф. – Вот с такой женой ты бы точно не соскучился!

– Что ты говоришь, Анри? Она меня ненавидит – так, что даже не пытается скрыть это! От такой чертовки можно ждать чего угодно: яд в кубок с вином или кинжал в грудь в первую брачную ночь!

«Да, ты прав», – подумала Дом, невольно сжав рукоять стилета.

– О, такая женщина, монсеньор, умеет и ненавидеть, и любить! Надо только суметь разгадать её и направить чувство в нужное русло, – и самая жгучая неприязнь превратится в столь же пылкую любовь!

– Или наоборот, – мрачно произнес Черная Роза.

– Ты о Бланш?

– Да. Разве её необузданная и дикая страсть не истерзала меня? Она как пожар, оставивший за собой мертвое пепелище...

«Кто такая эта Бланш? Наверное, одна из его мерзких женщин», – скривившись, с отвращением решила Доминик. Хотя она легко могла незаметно покинуть свое укрытие и убежать, – тем более, что уже поняла, что не сможет совершить задуманное ею, – она не собиралась делать этого. Конечно, знала Дом и то, что подслушивать очень нехорошо, но разговор за дверью становился все интереснее.

– Но там, где по земле прошел огонь, трава вырастает ещё гуще и сочнее, чем прежде, – сказал де Брие. – Так и ты возродишься к новой жизни!

– Надеюсь. Но мне не хочется больше ни пылких страстей, ни юношеских безумств. Сейчас я предпочитаю ровную привязанность, уважение, взаимопонимание. Я хочу мира и спокойствия, Анри! Война бесконечно утомила меня, мне надоело спать и есть в седле, неделями не снимая с себя лат; мне осточертели ханжеские проповеди отцов-инквизиторов, оправдывающие пытки и сожжение еретиков-катаров... А больше всего мне ненавистен Монфор, эта бездушная жадная скотина, похваляющаяся своими насилиями и грабежами, как самыми блистательными победами!

«Он лжет даже своему другу», – с презрением сказала себе Дом.

– Будьте осторожны в выражениях, монсеньор, – переходя на «вы», тревожно промолвил молодой граф. – Не забывайте: инквизиция не дремлет! А Монфор, как вам известно, послан в Лангедок не Людовиком, как вы, а самим Папой, освятившим его миссию как Крестовый поход против еретиков. Вспомните и о позорной участи графа Раймонда Тулузского, обвиненного в пособничестве альбигойцам и распространении ереси; в Сен-Жиле его, обнаженного по пояс, били плетью на городской площади, как жалкого раба. Я боюсь за вас; боюсь, что и ваш кузен, король Людовик, не сможет защитить вас, если обнаружатся ваши мысли... и, что еще опаснее – ваши деяния!

Доминик затаила дыхание. О чем говорит этот Анри? Какие такие деяния совершил Черная Роза?

Но герцог решил сменить тему разговора.

– Не будем об этом сейчас. У нас впереди куда более радостное событие – моя свадьба. Так поговорим лучше о моей невесте. Как ты думаешь – она тоже ненавидит меня, как та девчонка?

– Что тут можно сказать, монсеньор? Она выглядит тихой, кроткой и застенчивой; к тому же это Евангелие и крест на груди... Я бы не хотел иметь такую набожную жену, клянусь честью! Конечно, моя Розамонда тоже скромна и тиха; но эта – просто настоящая монашка!

– Что ж, возможно, ей удастся замолить мои грехи? Я вижу в приказе короля и в выборе графа Руссильона божественный промысел, Анри! Неужели за все, что я перенес, я не заслужил, наконец, тихого семейного счастья? С этой девушкой меня соединяет сам Господь! И, если даже сейчас она ненавидит меня, – клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы растопить эту ненависть, сделаю все, чтобы она меня полюбила!

– У тебя впереди всего одна ночь... а потом вы расстанетесь и, может быть, надолго...

– Но не навсегда! И даже одна эта ночь должна изменить мнение моей невесты обо мне. Кем она меня считает? Дьяволом во плоти, чудовищем без души и сердца? Она вся сжимается от страха, когда думает, что ночью ей придется остаться со мной наедине. Но она увидит, что я не таков, как говорят! Я буду нежен, буду ласков и осторожен...

– Она, конечно, девственница. Тебе будет нелегко преодолеть её страх, робость, стыдливость.

– Я не буду торопиться, Анри! Я никогда не брал женщин силой; а ведь это моя жена, и если я поспешу или причиню ей слишком сильную боль, то и потеряю её доверие, и у неё может возникнуть отвращение к таинству любви.

– Что же ты сделаешь? – поинтересовался де Брие.

– Пусть это останется моей тайной... и тайной моей жены.

– Конечно. Но я уверен, что вам все удастся, монсеньор! Кто посмеет усомниться в вашем знании искусства любви, так же как и в искусстве владения мечом?

– Иди, Анри. Я через минуту присоединюсь к тебе, – промолвил, рассмеявшись, Черная Роза.

Дом услышала шаги графа и прижалась к стене. Де Брие вышел из комнаты и направился к лестнице. Девочка сжала стилет. Не воспользоваться ли наступившим моментом?.. Но проклятый герцог уже на ногах... И, даже если он безоружен, – наверняка этот дьявол всегда наготове!

«Я могла бы как-нибудь обмануть его, – лихорадочно соображала Доминик. – Но как?.. Как?..»

И тут она услышала голос герцога. Он разговаривал сам с собою, как делают иногда люди глубоко задумавшиеся. Как бы отвечая на вопрос друга, он произнес:

– Ты хотел знать, как бы я поступил, Анри?.. Когда-то мы с принцем Людовиком ездили на Кипр. Там, в горах Троодоса, я познакомился с одним отшельником-монахом, который в молодости был большим знатоком женщин и великолепным любовником. Он сказал мне следующее: «Женщина подобна сосуду, в котором не видно дна. Если ты будешь тороплив, вливая в неё свою страсть, то вся вода вытечет из неё, как из Пифагоровой чаши, и ты не сможешь напиться.. Но, если ты будешь осторожен и будешь наполнять её влагой медленно и постепенно, то наградою тебе послужит полный сосуд, из которого ты сможешь утолять свою жажду долгие-долгие годы». Поэтому за ужином я дам моей жене выпить немного вина, -чтобы у неё чуть-чуть закружилась голова. Когда мы войдем в спальню, мы начнем раздевать друг друга – очень медленно, чтобы не испугать её и дать ей привыкнуть к виду моего обнаженного тела. Затем я положу её на постель – и начну целовать. Я начну целовать её с кончиков пальцев на ногах, постепенно поднимаясь все выше по её нагому телу; я исследую языком и губами каждую ложбинку и впадинку. Сначала она замрет в испуге и оцепенении, но постепенно тело её расслабится и начнет отвечать на мои ласки, с изумлением и восторгом, по-новому ощущая себя; и мы пустимся вместе в это сладостное путешествие. Я буду как первооткрыватель неизведанной земли, исследующий самые затаенные её уголки... и, когда я доберусь до груди, а затем до шеи, и прильну к жилке на ней, моя жена уже будет извиваться подо мной, дрожа от неведомых для неё ощущений. Я хочу, чтоб её бледные щеки покраснелись, а опущенные долу глаза широко открылись – и засияли, словно две синие звезды. Чтобы она изгибалась и трепетала, как цветок, попавший под сильный, но живительный дождь. Чтобы её руки сами притянули мою голову к её голове, мои губы – к её полуоткрытым устам, с которых будут срываться сладострастные стоны. И – только когда она сама взмолится: возьми меня! – я сделаю это...

Доминик не понимала, что с ней. Возможно, виною всему был его голос – низкий и чувственный; но, слушая Черную Розу, она так ясно представляла себе всё то, что он описывал, – как будто все это он проделывал с ней самой. Её сознание раздвоилось, словно она была с ним, в спальне, и лежала обнаженная, а он целовал и ласкал её. И, когда она очнулась, то обнаружила, что стоит, бессильно прислонившись к стене, тяжело дыша, и щеки её горят, как в лихорадке...

Ее вывели из этого странного состояния шаги Черной Розы. Он направлялся к двери.

Дом вжалась в стену. Мужчина вышел из комнаты и, захлопнув дверь, направился по коридору к выходу, не заметив её.

6. Свадьба Черной Розы

Доминик постепенно пришла в себя. «Он, действительно, дьявол! – думала она. – Дьявол-искуситель.» Как могла она так постыдно быстро поддаться его чарам?

«Но нет, – сказала она себе, встряхивая рыжими кудрями, – тебе не завладеть мною!»

Ей было пора уходить. Наверное, Мари-Флоранс и Элиза заждались её. Но в руке Дом все ещё был ключ от комнаты, и не было сил воспротивиться искушению и не заглянуть туда. Таинственный и ужасный герцог Черная Роза интриговал и завораживал.

«Папа наверняка знает его настоящее имя. Но откроет ли он его нам, своим дочерям?»

А этот подслушанный ею разговор? В нем тоже было много загадочного и непонятного... Как странно герцог говорил! Совсем непохоже на Черную Розу, жуткие легенды о котором ходят по всему Лангедоку! Он говорил о мире, о спокойствии, о любви... И это тот самый монстр, который насиловал, жег, пытал, распарывал животы?

«Я должна войти и посмотреть! Может быть, он оставил в комнате какие-нибудь бумаги... письмо... хоть что-нибудь, что приподнимет покров тайны!»

Доминик вставила ключ в замочную скважину и повернула его. Дверь отворилась.

Это была все та же знакомая с детства голубая спальня Николь и Анжел. Только сейчас у стены, на стуле лежали шлем и латы, а в изножье кровати – пояс с мечом и белый плащ с горностаевой опушкой и черной розой в центре. Да – и еще около окна стояла большая, до половины наполненная водой, ванна из чистого серебра, – драгоценный трофей, привезенный прадедом Доминик из Крестового похода. На краю ванны висел большой мокрый кусок мягкого полотна; а около нее стоял маленький, но сразу приковавший внимание девочки предмет. Это был золотой флакончик с пробкой из цельного ограненного рубина.

Доминик подошла, наклонилась и подняла его. Хотя она и была равнодушна к драгоценностям, эта вещица сразу пленила её. Флакончик был квадратной формы, и на всех его четырех сторонах были чудесные эмалевые миниатюры, изображающие весьма откровенные любовные сцены.

Дом долго разглядывала их, замороженная скорее не самими изображениями, а искусной тонкой работой художника, а затем осторожно потянула за рубиновую пробку. Флакон открылся, и густой насыщенный аромат заставил расшириться и затрепетать её ноздри. Что-то волнующее, неуловимо чувственное было в этом странном запахе. Он обволакивал и заставлял вдыхать его вновь и вновь. Девочка быстро вставила пробку обратно и положила вещицу на пол. Опять наваждение! Колдовское восточное снадобье! Теперь Дом почувствовала, что и от воды в ванне исходит этот же, слабый, но необыкновенно приятный аромат.

Девочка даже перекрестилась, чего давно уже не делала. Тут явно не обошлось без козней сатаны!..

Но тут Доминик заметила на столике для рукоделий свиток с печатью. Наконец-то! Она поспешно развернула его. Это было послание короля, которое её заклятый враг показывал графу Руссильону. Девочка прочла его и разочарованно вздохнула. «Наш кузен, именуемый Черной Розой...» И ничего более! Однако, от неё не ускользнула ирония, звучавшая в королевском рескрипте. «Похоже, его величество не слишком жалуется своего двоюродного брата», – подумала она.

Итак, оставались доспехи, шлем, меч и плащ. Естественно, Дом выбрала меч. Она взялась за рукоять и вытащила клинок из ножен. Это был настоящий боевой меч, безо всяких украшений, с зазубренным и исцарапанным лезвием, явно часто обнажавшийся и побывавший не в одном бою. Дом взвесила его в руке. Он был гораздо тяжелее того меча, которым она недавно сражалась с Жан-Жаком.

Внимание девочки привлекла полустертая гравировка около гарды. Доминик подошла к окну, чтобы лучше разглядеть её, и при свете уже заходящего солнца увидела две буквы – N и R, сплетенные в вензель, увенчанный герцогской короной. Увы! Буквы тоже ничего не давали, конечно, если они не были настоящими инициалами имени и фамилии заклятого врага Доминик. Но, похоже, гравировка означала именно «Rose Noire», то есть «Черная Роза».

Она пришла в эту комнату напрасно! Тайна герцога осталась нераскрытой. Ни на шлеме, ни на латах не было гравировок.

Дом топнула ногой. Во внезапном приступе ярости девочка выхватила свой стилет и срезала черные перья на шлеме герцога. «Вот так ему!» Какое-то темное чувство, желание что-нибудь сломать, исковеркать, разбить овладело вдруг ею. Она оглядывалась вокруг себя с налившимися кровью глазами. «Плащ! Прекрасно!»

Бархатный плащ Черной Розы, белый с горностаевой оторочкой, был, действительно, богат и красив. Дом набросилась на него и попыталась изрезать стилетом, но это плохо получилось. Тогда она достала из шкатулки для рукоделий сестрички Николь золотые ножницы – и принялась за дело, с неистовой радостью, даже хихикая от охватившего её возбуждения. На ковры на полу полетели клочки белого бархата, туда же отправилась изрезанная черная роза... И вот уже Дом кромсала драгоценный черно-белый горностаевый мех, протестующе-жалобно скрипящий под её проворными ножницами. Расправляясь с герцогским плащом, девочка даже не подозревала, что тем самым спасает жизнь его владельцу...

Наконец, с плащом было покончено. Еще раз оглядевшись и тяжело дыша, Дом покинула ненавистное теперь для неё место. Она вышла из спальни сестер, закрыла дверь и побежала к Мари-Флоранс.

Через полтора часа Дом была одета в свадебное платье и готова к выходу, а Мари-Флоранс надежно спрятана.

Когда встал вопрос, где именно укрыться её старшей сестре, Фло сказала:

– Я знаю место, где никто не станет меня искать – в маминей спальне, где она умерла.

– Фло! – вскричала тогда изумленная младшая сестра. – Но ты же до ужаса боялась всегда этой комнаты!

– Именно поэтому там и самое надежное место, Доминик. И, поверь, я совсем теперь его не боюсь... Когда я согласилась, без ведома батюшки, стать женою Гийома Савиньи, я решила испросить благословение хотя бы у нашей матушки... вернее, у распятия, висящего в её спальне. И мы пошли туда вдвоем с Гийомом, и преклонили колени перед Христом, и молились оба, чтобы Он и матушка благословили наш союз. И, мне кажется, в тот миг нас осенила благодать... И вот тогда, сестричка, я поняла, что все мои страхи перед маминей комнатой были напрасны, ведь душа её на небесах, и она смотрит на нас оттуда и защищает, так же как наш Спаситель.

– Что ж, – сказала Дом, – в таком случае, это действительно идеальное место для твоего укрытия! Отец помнит, что ты всегда тряслась от страха, проходя мимо маминих комнат, и туда он точно не пойдёт искать тебя.

– Доминик, – напомнила ей сестра, – не забудь, Бога ради, что ты должна двигаться плавно и неторопливо. Не делай больших шагов и резких движений, и упаси тебя Господь произнести какое-нибудь богохульство!

Таким образом, Флоранс спряталась, а Элиза одела Доминик, набелила ей, на всякий случай, лицо и спрятала её непокорные кудри под тугую сетку, расшитую жемчужинами. Также Дом натянула алые перчатки, доходившие почти до середины локтя; они должны были скрыть загорелые руки мнимой невесты. Наконец, на голову Доминик кормилица накинула серебряную вуаль, такую густую, что не только лица невесты было не разглядеть под ней, но и, к досаде девочки, она сама почти ничего не видела.

Повертевшись перед зеркалом и покашляв, чтобы голос был пониже и больше походил на голос Флоранс, Доминик позволила войти в комнату младшим сестрам, в нетерпении топчущимся за дверью. Присев и наклонив голову, она дала девочкам возможность самим надеть ей на голову флердоранжевый венок. Вошел граф де Руссильон, взял за руку мнимую Флоранс, Анжель и Николь подхватили длинный алый шлейф, и процессия, замыкаемая Элизой, двинулась к выходу.

Капелла, где должен был состояться обряд венчания, находилась на другой стороне двора замка. Когда Дом в сопровождении отца, сестер и кормилицы вышла из дверей донжона, то увидела, что во дворе почти никого нет. Несмотря на приглашение Черной Розы всем желающим принять участие в церемонии, страх перед Дьяволом Лангедока был так велик, что никто не захотел остаться в замке Руссильона. Даже верные слуги графа попрыгали кто куда; Доминик увидела лишь управляющего Бастьена, Роже Ришара, начальника небольшого замкового гарнизона, да, конечно, своих любопытных приятелей, Пьера и Филиппа. Это и были все свидетели со стороны невесты.

Жених, весь в черном, расположился немного в стороне, со своим верным другом Анри де Брие, который, наоборот, нарядился в белое. Позади, опираясь на палку и покусывая губы, стоял Жан-Жак, – он не мог находиться в такой важный для его господина момент в постели.

Приблизившись к своей нареченной, герцог почтительно поцеловал ей руку. Затем они опустили на колени, и граф де Руссильон благословил их, перекрестив затем обоих.

Дом, скосив глаза и не слишком прислушиваясь к торжественно-высокопарным словам отца, пыталась получше разглядеть своего «жениха», которого она только мельком до этого видела в окне комнаты сестричек. О, если б не эта проклятая вуаль!

Он был, заметила она, очень высок, почти на полголовы выше её отца, который тоже не был маленького роста. На герцоге был черный бархатный парадный котарди – верхняя куртка – с застежками из вставленных в серебро крупных опалов, с откидными узкими рукавами и воротником-капюшоном; пояс также был серебряный, из плотно прилегающих друг к другу пластин. Оружия при герцоге не было. Костюм прекрасно облегал фигуру жениха, подчеркивая его гордую осанку, широкие плечи и узкие бедра.

У заклятого врага Дом были темные волосы и небольшая бородка; а цвета глаз она так и не смогла определить, из-за надетой на его лицо маски и своей вуали. Впрочем, не все ли равно, какого цвета у него глаза? Ведь это всё просто игра, забавная комедия, которая очень скоро закончится! И она, не колеблясь ни секунды, подала Черной Розе свою руку, когда они встали, приняв графское благословение.

Доминик уже повернулась в сторону двери капеллы, но герцог вдруг громко сказал, обращаясь и к ней, и ко всем присутствующим:

– Я знаю, что, по обычаям этого края, жених делает перед свадьбой подарок своей избраннице. К сожалению, наш брак заключается в некоторой спешке, и я не успел подготовить достойного моей невесты дара. Обычно нареченной преподносят какую-нибудь драгоценность; но у меня нет ни кольца, ни браслета, ни цепи, которые новобрачная могла бы надеть... («Неужели ты мало награбил?» – злобно подумала Дом.) Когда я привезу вас в Париж, мадам, – произнес он, кланяясь Доминик, – я осыплю вас самыми дорогими украшениями. Но пока – примите этот скромный дар от вашего жениха.

Черная Роза сделал знак рукой, и его паж Жерар вывел из конюшни Руссильона бело-снежную тонконогую кобылицу такой красоты, что у Доминик невольно вырвался вздох восторга.

– Эта лошадь – арабский иноходец, – произнес герцог, – ей три года. Я сам выбрал её для вас. Её зовут Снежинка. Иноходь очень удобна для дамского седла, вам будет приятно и легко кататься на этой кобыле. Она вам нравится, мадам?

«Да, черт возьми, конечно!» – чуть не закричала Дом. Но вовремя прикусила язык и, кивнув головой, тихо пробормотала:

– О да, монсеньор...

Но она не смогла удержаться, чтобы не подойти к прекрасной кобылице, скосившей на девочку большой темно-вишневый глаз. Дом нежно погладила Снежинку по бархатистой морде, – лошадь тихо фыркнула ей прямо в ладонь, – провела рукой по шелковистой гриве.

«Она прекраснее, чем моя Франсуаза!.. Какое чудо! Вот если б можно было прямо сейчас, в подвенечном платье, вскочить на тебя и ускакать далеко-далеко ото всех, от отца, от сестер, от этого загадочного ужасного человека в маске! Как он смог угадать мое желание иметь лошадь? Впрочем, – спохватилась Дом, – ведь этот подарок он сделал не мне, а Фло!»

Граф де Руссильон с некоторым недоумением смотрел на старшую дочь. Мари-Флоранс никогда особенно не любила лошадей, и не была слишком искусной наездницей.

«Вероятно, она просто хочет показать жениху, что ей приятен его подарок», – решил старый отец.

А герцог с улыбкой взглянул на де Брие, – невеста была явно довольна, значит, Черная Роза не ошибся в выборе!

– Дочь моя, – позвал граф, – идем, отец Игнасио ждет нас!

Дом с трудом оторвалась от кобылицы. Она вновь протянула руку герцогу, и процессия направилась в капеллу.

Капелла, или часовня, была небольшое строение в романском стиле, с узкими окнами, заделанными разноцветными витражами. Здесь всегда царил полумрак, тем более что отец Игнасио был несколько прижимист и экономил на свечах.

Как ни старалась Доминик внушить себе, что вся её свадьба с герцогом – чистейший маскарад, – в прямом смысле, ибо и он носил маску, и она – свою вуаль, – но все же сердце её сильно забилося, а дыхание перехватило, когда они под руку вступили под полуциркульный вход в храм.

Отец Игнасио ждал жениха и невесту перед алтарем; когда все свидетели вошли, он прочитал «Pater Noster» и совершил обряд святого причастия над брачующимися. Дом, склонив голову под вуалью, послушно повторяла за священником латинские слова;

она не заметила, что отец Игнасио вдруг вздрогнул и пристально стал вглядываться в невесту.

Рукава свадебного платья Доминик были очень широкие; и, когда она перекрестилась, правый рукав сполз вниз, обнажив руку до самого локтя. И тогда капеллан увидел на этой руке, хоть и затянутой в перчатку, но недостаточно длинную, ярко-красный порез, который тотчас узнал, потому что сам обрабатывал его два дня назад.

«Но ведь этот порез был на руке Мари-Доминик! – в смятении подумал священник. – Не мог же точно такой же быть у Флоранс!»

Мысли так и замелькали в голове испуганного отца Игнасио. «Как Доминик решилась на это?.. Такое кощунство над таинством брака! Впрочем, она всегда была не слишком религиозна. Неужели она пошла на этот обман, чтобы только посмеяться над ненавистным ей герцогом?.. Но получается, что и её сестра Мари-Флоранс замешана в этом переодевании и знает о нем. Как могла Флоранс допустить такое?! Ведь она — рьяная, набожная католичка! Вот уж от кого я не ожидал такого безумного святотатства! Но что же делать? Остановить обряд? Но Черная Роза... Как он это воспримет? Ведь этот монстр способен на всё, на самое ужасное, если узнает, как над ним решили подшутить! Нет-нет... Надо действовать по-другому. Мари-Доминик сама выбрала свою судьбу, – никто не тащил её к алтарю венчаться с человеком, которого она так ненавидит! Продолжу обряд – и будь что будет. Пути Господни неисповедимы...»

И священник начал читать литургию.

Дом вдруг заметила, что, произнося имя невесты, отец Игнасио сказал: «Мари» и ничего больше не добавил. Сначала она не придавала этому большого значения; но, поскольку капеллан раз за разом не называл имя Флоранс, девочку начала охватывать паника. Она машинально отвечала «Да» на вопросы о добровольном и искреннем желании вступить в брак с герцогом, именуемым Черной Розой, о сохранении ему верности и о воспитании будущих детей в истинной католической вере, – и в ужасе думала о том, что тайна её раскрыта.

А, может, и нет? Похоже, никто не заметил, что имя Флоранс ни разу не было упомянуто. Может, ей просто показалось?

Между тем таинство продолжалось. Жених с невестой подписали брачный контракт и произнесли все положенные обеты. Тогда священник благословил два кольца, лежащих перед ним на атласной подушечке. Черная Роза взял кольцо первым и надел его на палец Доминик, повторяя, слово за словом, за капелланом, – и его низкий голос звучал торжественно и отдавался эхом под сводами капеллы, словно сам Господь, вторя жениху, соединял молодых нерасторжимыми узами:

– Мари... Прими это кольцо как знак моей верности и любви, во имя Отца и Сына и Святого Духа... Аминь.

Кольцо оказалось широким; оно сразу соскользнуло с руки Дом, не успевшей согнуть палец, и упало, зазвенев, куда-то под алтарь. Девочка быстро наклонилась поднять его, и услышала, как Элиза сзади пробормотала:

– Ох, дурная примета...

И, словно отвечая на это мрачное пророчество, дверь в часовню с кошунственным грохотом, заставившим всех, кто был здесь, вздрогнуть, распахнулась и, бряцая оружием и шпорами, быстрым шагом вошел закованный в броню рыцарь. Нетерпеливо раздвинув собравшихся, он приблизился к герцогу, опустил перед ним на одно колено и, показав перстень с печатью, произнес взволнованным задыхающимся голосом:

– Монсеньор! Вчера вечером около Каркассона отряд графа де Монфора был окружен бунтовщиками во главе с бароном Дювалем! Граф принял неравный бой и послал меня к вам за подкреплением. Я был в вашем лагере; ваши люди уже собираются, ждут только вас! Поторопитесь, монсеньор!

Черная Роза весь подобрался, как хищный зверь перед прыжком. Он обратился к священнику:

– Брак уже заключен, святой отец? Я женат?

– Да, монсеньор... Вы можете поцеловать свою жену.

Доминик чуть не упала при этих словах. Кровь Христова! Сейчас обман раскроется!

Но герцог лишь усмехнулся и произнес:

– Увы, мадам, я должен вас покинуть. Но я вернусь! – Про себя он подумал: «Что ж, Бланш, похоже, эту партию ты все-таки выиграла! Обстоятельства сильнее меня. Я остался без первой брачной ночи!»

– Монсеньор, – слабым голосом воззвал к нему отец Игнасио. – Я должен вам сказать нечто очень важное!..

– Не время, святой отец. Скажете все, что хотели, графу де Брие, а он передаст мне! Жерар, мои доспехи, меч и плащ! Они в донжоне, в комнате наверху. Пусть кто-нибудь проводит тебя!

– Я провожу, – вызвалась Мари-Николь.

Вдруг Жан-Жак, отставив свой костыль, кинулся в ноги Черной Розе:

– Умоляю вас, монсеньор, не оставляйте меня здесь! Я хочу находиться рядом с вами!

– Хорошо; но если твоя рана откроется или ты начнешь стонать от боли, мы бросим тебя прямо на дороге, так и знай!

Лицо оруженосца осветилось радостью.

– Я готов хоть сию секунду, монсеньор!

– Юный граф де Сю! Мне по душе смелость, но не безрассудство. Пусть вам наложат тугую повязку вместо той тряпицы, которой обмотана ваша рана! Вы приехали на свежей лошади? – затем обратился герцог к гонцу.

– Да, монсеньор. Та, на которой я добрался до вашего отряда, сразу пала...

– Я возьму её и поскачу в лагерь. Ты, Анри, проследи, чтобы Жан-Жаку как следует наложили повязку, и вели конюху посмотреть правую заднюю ногу моего Сарацина; возможно, его надо перековать. Как только ты, Жан-Жак и Жерар будете готовы, держите путь на Каркассон. Анри, поедешь на моем коне; он мчится как ветер, и вы быстро догоните нас.

Доминик, при всей своей ненависти к герцогу, не могла не восхититься этим человеком: он отдавал приказы четким и ясным голосом, и все моментально бросались исполнять их.

В это время бегом вернулся Жерар. Он нес шлем, латы и меч герцога. Лицо его было бледно, нижняя челюсть подрагивала.

– Я не стану надевать сейчас доспехи. Жерар, привезешь их мне, – сказал Черная Роза. – Меч! – И он быстро опоясался мечом. – Шлем! – Жерар подал его своему господину – без перьев, срезанных Доминик.

– Что это, чёр..? – вовремя вспомнив, что он находится в святом месте, остановился рыцарь, в недоумении разглядывая шлем, но все же надевая его на голову. – Плащ!

– М-м-монсеньор... Ваш плащ...

– Ну? Что такое?

– Ваш плащ... Боюсь, что он... немного испорчен.

– Ты смеешься? Некогда шутить!

Бедняга Жерар весь вспотел. Вот ужас! Мало того, что он не спас герцогского знамени, так ещё и плащ нашел весь искромсанный!

– Его... его кто-то изрезал ножницами, монсеньор. Изрезал на кусочки!

Герцог опять усмехнулся. Он начал догадываться, кто побывал в его комнате и испортил шлем и плащ. Опять эта рыжая bestия! Но времени разбираться не было.

– Монсеньор! – обратился к нему де Брие. – Возьмите мое сюрко!

И, расстегнув застежку, он снял с себя свой алый плащ и протянул Черной Розе.

– Благодарю, Анри, – сказал герцог. – Прощайте, господа! – Он застегнул сюрко, которое дал ему его друг, и быстрым шагом направился к выходу из часовни. Но вдруг резко остановился, повернул назад и, подойдя к Доминик, взял её за руку и почтительно прикоснулся губами к её дрогнувшим пальчикам.

– Я вернусь, мадам, клянусь честью. И докажу вам, что я отнюдь не чудовище и не дьявол. Только дождитесь меня, – тихо прошептал он – и вышел. Через мгновение послышался дробный стук копыт, – Черная Роза покинул Руссильонский замок и свою юную жену.

7. Пути Господни неисповедимы

В полулье от Руссильонского замка, на пути в лагерь Черной Розы, пятнадцать человек сидели в засаде на вершине холма у дороги. Место было выбрано удачно: по обе стороны тропы здесь росли густые ветвистые дубы, в то время как дорога из замка поднималась вверх по довольно крутому оголенному склону, позволяя тем, кто был наверху, хорошо разглядеть приближающихся путников. Услышав звонкий стук копыт вдалеке, – в тишине подступавшей ночи все звуки были отчетливо и далеко слышны, – все эти люди вскочили на ноги.

– Кто-то едет! – сказал один из разбойников (ибо, судя по зверским выражениям их заросших лиц и тому, что все они были вооружены до зубов, это были именно разбойники).

– Да; и, похоже, там всего одна лошадь!

– Вдруг это он?

– Вряд ли он поедет один... Посмотрим!

И сидящие в засаде подкрались к обочине дороги.

– Это он, погляди, Франсуа?

– Нет. Его всегда сопровождают оруженосцы... И конь не его! И плащ. Уж его-то плащ ни с каким другим не спутаешь, даже в темноте: он белый, и в середине – черная роза... Зна-

менитый плащ! – И тот, кого называли Франсуа, добавил, ощерившись, как голодный волк: – Когда мы перережем герцогу глотку, я возьму этот плащ себе! Вот приятно мне будет кувыряться на нем с моими подружками!

– А я возьму себе его меч, – сказал другой разбойник.

– А я – его коня; такого красавца на королевской конюшне не сыщешь!

– Ребята, коня тоже придется прирезать. Монсеньор же сказал: никаких следов! А такую лошадь может кто-нибудь узнать, уж слишком она заметная.

– Монсеньор, вроде, хотел, чтобы мы взяли его живьем?

– Да, он мечтал сам выколоть глаза этой скотине с черной розой. Но сейчас ему хочется, чтобы всё произошло побыстрее.

– Это, похоже, его дружок... У него алый плащ! – сказал один из бандитов.

– Точно, это де Брие! Ишь как летит! – Франсуа пробормотал про себя: «Хорошо, что граф едет один, без Черной Розы... трудновато бы нам пришлось, ведь Анри нельзя убивать ни в коем случае!» и махнул рукой своим приятелям. – Пропустим его, он нам не нужен. Скоро появится и наша добыча!

Конь и всадник как две пущенные из лука стрелы пронесли мимо разбойников.

– Ты уверен, Франсуа, что герцог появится скоро?

– Я сам видел в лагере гонца и слышал, что граф де Монфор нуждается в подкреплении. И тогда я сразу прискакал к вам. Люди Черной Розы все на ногах, ждут только его. Он не привык медлить. Этот мерзавец появится здесь с минуты на минуту.

– Слушай, Франсуа, а за что ты его так ненавидишь? Герцог, говорят, благоволит к тебе...

– Он велел вздернуть моего брата, когда тот в замке Безье хотел развлечься с какой-то шлюшкой. Сам корчит из себя святошу, и нам не дает получить удовольствие! Есть закон: всё, что находится во взятом замке, принадлежит победителям! Разве не так, черт побери?

Товарищи одобрительно загудели. Один из них, молодой парень с прыщавым лицом, вдруг спросил высоким фальцетом:

– А мы с ним справимся? Я слышал, он легко может уложить десятерых, а нас всего пятнадцать...

– Не волнуйся, Поль. У тебя же есть твой меткий лук, а у нас – большая рыбацья сеть! Мы набросим её на Черную Розу и его людей сверху и, пока они будут пытаться освободиться, всех их перережем. Они не успеют даже мечи обнажить! Главное – быстрота и неожиданность! Веселей ребята, скоро нас ждет хорошая заварушка!

Когда посланец передал герцогу просьбу Монфора немедленно ехать в Каркассон, сердце Доминик радостно затрепетало.

Да, Элиза была права – но лишь наполовину! Упавшее обручальное кольцо было плохой приметой – но только для жениха, оставшегося без законной брачной ночи; а невеста – невеста была готова петь от счастья: он уезжал! Похоже, надолго, а, может быть, и навсегда!

Девочка следила за быстрыми сборами герцога в дорогу сияющими из-под вуали глазами. Только бы ничем не выдать свою радость!..

«Теперь надо незаметно исчезнуть из капеллы, – подумала она, когда Черная Роза, поцеловав ей руку, направился к выходу, – снять платье – и всё будет закончено. И Фло можно будет не прятаться больше.»

И она стала потихоньку, делая маленькие шажки, продвигаться к двери часовни.

Но, когда Дом уже была готова, подобрав юбку и длинный шлейф, броситься наутёк, сзади раздался голос, показавшийся бедной девочке ударом грома:

– Мари-Доминик!

Это был голос священника. Уж не ослышалась ли она?.. Дом замерла; но тут же вспомнила о своей роли, вспомнила, что она – не Доминик, а Флоранс. Не оборачиваться... Не выдать себя ничем....

Она втянула голову в плечи и подхватила шлейф, чтобы бежать. Но голос сзади повторил, уже громче и жестче:

– Мари-Доминик! Остановись!

Дом медленно повернулась. Ноги вдруг стали ватными. Все стоявшие в часовне смотрели на неё. Отец, сестры, граф де Брие, Жан-Жак, Жерар, Пьер, Филипп, Бастьен, Ришар... В их взглядах было недоумение. И только Элиза, схватившись за сердце, в ужасе глядела то на разгневанного отца Игнасио, то на несчастную Дом.

– Святой отец, – произнес граф де Руссильон, – к кому вы обращаетесь?

– К невесте, мессир граф!

– Но... но ведь это же Флоранс, а не Доминик, падре.

– Вы ошибаетесь, – сурово сказал капеллан. – Это именно Мари-Доминик! Прошу вас, снимите с неё вуаль и убедитесь сами!

Дом вдруг очень захотелось упасть в обморок. «Пожалуйста, Господи, позволь мне лишиться чувств! – взмолилась она так горячо, как никогда еще не обращалась к Всевышнему. – Ну почему я не могу потерять сознание и не видеть всего этого? Какой позор!..» И она крепко зажмурилась.

Отец подошел к ней, поднял вуаль... И отступил, пораженный. Дом услышала, как ахнули вместе её сестры и Пьер с Филиппом:

– Мари-Доминик!

– Открой глаза и посмотри на меня, – хриплым голосом приказал граф. – Немедленно!

Она открыла глаза. Во взгляде отца она прочитала – нет, не ярость, не бешенство... А лишь глубокое, искреннее горе, печаль, которые больше ранили сердце Дом, чем самая ужасная вспышка отцовского гнева.

– Зачем ты это сделала, дитя моё? – спросил тихо и мягко Руссильон.

Она закусила губу и замотала головой, отказываясь отвечать и чувствуя, что слезы вот-вот брызнут из глаз.

– Ты понимаешь, Мари-Доминик, ЧТО ты сделала?

– Я... я... это была просто шутка, папа... – пробормотала девочка.

– Шутка? Дочь моя! Ты только что обвенчалась с герцогом Черная Роза!

– Нет, папа... подожди! Ведь герцог женился не на мне... а на Мари-Флоранс!

– Нет, – вмешался очень бледный и серьезный отец Игнасио, – он женился именно на тебе. Ты стояла с ним перед алтарем, ты дала все положенные обеты, и тебе он надел на палец обручальное кольцо. Я вовремя, хвала Создателю, увидел твой обман. У вас с Мари-Флоранс одинаковое первое имя, – а я ни разу не произнес имени твоей старшей сестры. И теперь ты, Мари-Доминик – законная супруга герцога!

– Жена... жена Черной Розы?.. Правый Боже!!! Никогда! – потрясенно прошептала Дом. О, что она наделала?

– Зачем, дочь моя, зачем? – восклицал отец, тряся её за плечи.

Но тут де Брие, который, как и все в часовне, сначала удивленно следил за этой сценой, но затем явно развеселился, сказал, обращаясь к старому графу:

– Умоляю вас, господин де Руссильон, пощадите новобрачную! Ведь сегодня – самый важный день в её жизни! Будьте к ней снисходительны, прошу вас. Ничего ужасного не случилось, – герцог же сказал, что готов жениться на любой из ваших дочерей!

Слезы все-таки полились из глаз Доминик. Размазывая их по своему набеленному Элизой лицу, она вдруг увидела, как переглядываются между собой и мерзко улыбаются оруженосцы

Черной Розы. Девочка задохнулась от ярости и унижения. Два подлых негодяя! Особенно Жан-Жак! Зачем, зачем она пощадила его там, на площадке!..

В это время в часовню вбежали Элиза (она потихоньку покинула храм и сейчас вернулась с Флоранс, которой по дороге все рассказала) и старшая сестра Дом.

Фло и Элиза бросились на колени перед графом и стали целовать его руки.

– Батюшка! Умоляю, простите меня! – рыдала Флоранс. – Это была моя задумка! Батюшка! Я вышла замуж за Гийома Савиньи... тайно... не испросив вашего благословения! Но побоялась признаться вам сегодня, когда вы объявили мне, что выдаете меня за герцога... И тогда... тогда я придумала этот чудовищный обман. А Доминик ни в чем не виновата! Это все я!

– Встаньте обе, – сказал Руссильон. – Флоранс! Я прекрасно понимаю твое желание защитить сестру. Но я знаю и то, что столь кощунственный безумный план не мог прийти тебе в голову... Виновна Доминик, – но вышло так, что она сама себя наказала, да так, что запомнит этот день на всю свою жизнь!

Жерар и Жан-Жак уже откровенно хихикали. Де Брие тоже с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться.

«Весёлая семейка у Руссильонов! – подумал молодой человек. – А моему герцогу всё же досталась не монашка, а рыжая бестия. Впрочем, что бы он ни говорил, – она подходит ему гораздо больше!»

Анри невольно стало жаль бедную девочку, загнавшую саму себя в ловушку неожиданного брака. Он подошел к Доминик и, галантно преклонив перед ней колени, приподнял и поцеловал край её подвенечного платья.

– Мадам герцогиня, не плачьте, умоляю вас. Ваш муж вернется к вам – и очень скоро!

Дом метнула на него яростный взгляд. Он издевается над её горем! Но молодой граф смотрел на девочку хоть и с улыбкой, но в улыбке этой были и понимание, и доброжелательность. Она вдруг догадалась, что он просто решил слегка подбодрить и развеселить её. Она криво улыбнулась ему в ответ.

– Что же делать с брачным контрактом? – тем временем спрашивал у отца Игнасио Руссильон.

– Я перепишу его, господин граф.

– Сколько на это уйдет времени? – обернулся к ним де Брие.

– Столь важную бумагу нельзя писать в спешке. В контракте должно перечисляться все приданое жены герцога, а это весьма немало. Около часа, пожалуй, уйдет на составление нового документа.

– Я не могу ждать так долго, падре, – сказал де Брие. – Перепишите контракт, и пусть он пока останется здесь, в замке. Вы сейчас нужны Жан-Жаку. Наложите ему повязку потуже. Времени у нас очень мало, герцог уже на пути в Каркассон!

– А кольцо?... – вдруг спохватился капеллан. – Ведь Мари-Доминик не надела его на палец жениху!

Действительно, кольцо по-прежнему лежало на атласной подушечке около алтаря. Дом узнала этот старинный перстень с крупным бриллиантом необычной огранки. Его совсем недавно носил сам её отец.

– Если вы разрешите, господин де Руссильон, кольцо я возьму с собой и сразу же передам его монсенюру, – промолвил де Брие.

– Конечно, любезный граф! Пока вы готовитесь к отъезду, разрешите мне черкнуть две строчки моему зятю...

Через полчаса кони оруженосцев Черной Розы и Сарацин были оседланы, и трое мужчин готовы в дорогу. Граф Руссильон вышел проводить их. В руке его была небольшая агатовая шкатулка.

– Передайте это герцогу, господин де Брие, – сказал старик. – Расскажите все, чему стали свидетелем после его отъезда. Клянусь вам честью, я не знал об обмане, затеянном Мари-Доминик! Надеюсь, однако, что пути Господни неисповедимы, и этот столь странно заключенный брак будет все же счастливым и удачным. Передайте герцогу мое благословение – и да хранит его Всемогущий Боже!

Де Брие спрятал шкатулку под белый плащ, который дал ему граф.

– Поверьте, дорогой де Руссильон, – произнес молодой человек, – все, что говорят о герцоге Черная Роза в Лангедоке, да и в Париже, – ложь! Он благородный и честный человек. И, возможно, совсем скоро и вы, и ваша сейчас столь несчастная дочь поймете это и будете гордиться: вы – зятем, а она – мужем!

И де Брие вонзил шпоры в бока Сарацина. Три всадника галопом поскакали со двора, и скоро стук копыт замер в отдалении.

Тогда граф направился в комнату Доминик, в которую он отослал свою дочь из часовни. Казалось, Руссильон постарел сразу на несколько лет. Походка его стала шаркающей, седая голова низко опустилась на грудь.

Дом, не переодетая, сидела на кровати. Слезы её давно высохли, проложив уродливые черные дорожки по набеленным щекам. Девочка была в каком-то оцепенении, её широко открытые синие глаза, не моргая, смотрели куда-то в одну точку.

К ней приходили и пытались утешать и её сестрички, и Пьер с Филиппом, и Элиза. Но она всех просила мертвенно-спокойным голосом оставить её одну, – и то, что она именно ПРОСИЛА, а не кричала, не ругалась и не топала в бешенстве ногами, говорило соболезнующим яснее всего, какое тяжкое постигло её горе.

«Она не вела себя так даже когда умерла её мать, – с тревогой подумал, увидев дочь, граф. – Как это не похоже на мою неунывающую, жизнерадостную Дом! Мне надо ещё навесить и успокоить Мари-Флоранс... Но с ней гораздо проще. Фло всегда может найти утешение в молитве; а Доминик невозможно представить кающейся и бьющей себя в грудь перед распятием, как Магдалина.»

– Дочь моя! – сказал старик. Дом наконец оторвала свой взгляд от некой невидимой точки и посмотрела на отца.

– Папа... – прошептала она. – Зачем ты согласился на этот брак?

– Я спасал свой замок и своих дочерей, Мари-Доминик.

– Я думала... думала, что ты хочешь обмануть герцога. Что ты ждешь Монсегюра и Дюваля. Я только хотела выиграть время до их появления...

– Разве ты не слышала? Барон Дюваль далеко на юге, у Каркассона. А замок Марианны пал, и Монсегюр сдался Черной Розе. Никто бы не пришел нам на помощь, Дом! Поэтому – если это хоть немного облегчит твою боль, – знай, что своим браком с герцогом ты спасла нас всех!

– Да... но цена слишком высока, папа.

– Ты еще слишком юна и не знаешь, что за все в этой жизни приходится платить. Неисповедимы пути Господни, девочка моя! Возможно, ваш союз окажется счастливым... и ты полюбишь своего супруга!

– Нет... никогда... скорее я умру!

«Только не мысль о смерти! Надо взбодрить её, направить её мысли в другое русло!»

– Дочь моя, я принял решение... Я отправлю тебя к своей двоюродной сестре Агнесс, которая является аббатисой монастыря Святого Доминика в Мон-Луи. Она много лет назад вышла замуж за кастильского гранда и долгое время жила при испанском дворе, но, овдовев и оставшись бездетной, вернулась во Францию и постриглась в монахини, достигнув через десять лет высокого звания аббатисы. Агнесс – женщина весьма ученая и достойная, знающая к тому же прекрасно все тонкости дворцового этикета... Я растил тебя и воспитывал,

Доминик, любя и лелея; но теперь понимаю, как мало я тебе дал. Да, ты прекрасно владеешь мечом и луком, ты лучше любого самого искусного наездника держишься в седле. Будь ты моим сыном, а не дочерью, – я бы гордился тобой безмерно! Но – увы! – девушке, а тем более замужней женщине, все это знать и уметь совсем не к лицу. А твои знания ограничены, ты – как полевой цветок, не ведавший ножниц садовника. Я баловал тебя и потому позволял слишком многое... Теперь ты видишь сама, к чему привели твои безрассудство, несдержанность и непослушание. Мари-Доминик! Отныне ты – не только моя дочь; ты замужем, твой супруг – кузен короля, и я не хочу, чтобы твой муж краснел за тебя, когда ты окажешься в Париже, и тебя представят его и ее величествам. Поэтому ты отправишься в монастырь, где тебя научат достойным манерам, музыке, рисованию, пению, вышиванию, языкам. Завтра утром ты отправишься в дорогу. А пока – переоденься и спускайся в нижнюю залу. Стол уже накрыт, и свадебный ужин готов.

Хотя Дом не ела практически со вчерашнего вечера, её замутило при мысли об еде. А, может, от того, что отец сказал «свадебный». Она восприняла известие о монастыре абсолютно равнодушно. Быть может, это даже к лучшему – оказаться подальше отсюда, где все и вся напоминает ей о её позоре и невозполнимой утрате... Утрате свободы, юности, душевного спокойствия, радости. Все это было потеряно ею навсегда.

– Я переоденусь, папа, но есть я не хочу.

– В таком случае, – сказал старый граф, – я позову Элизу, чтобы она помогла тебе, и жду тебя в конце коридора, около комнаты твоих младших сестер.

Через десять минут Доминик подошла к спальне Анжель и Николь. Зачем отец позвал её сюда? Эта комната стала ей ненавистна, как и все, что было связано с Черной Розой.

Граф стоял на пороге. Рядом с ним топталась в некотором замешательстве Мюзетта с веником и деревянным совком в руках.

– Мюзетта! – произнес Руссильон. – Отдай совок и веник Мари-Доминик и ступай ужинать. Моя дочь насорила здесь – она и уберет! Ты поняла меня, Доминик?

Дом с необычной покорностью приняла из рук опешившей Мюзеты веник и совок и вошла. Дверь за ней закрылась. Ванну уже убрали. На синих коврах на полу и на постели лежали куски изрезанного ею плаща герцога. Окно было открыто, и ночной ветерок весело гонял по комнате клочки горностаевого меха.

Девочка, сначала медленно и как бы осторожно, но постепенно все с большим ожесточением принялась сгребать веником эти жалкие останки недавно столь роскошного одеяния Черной Розы. Неожиданно какой-то предмет, задетый веником, покатился прямо ей под ноги. Это был драгоценный флакончик с загадочным зельем. Рубиновая крышечка вылетела, и опять все тот же странный волнующий аромат поплыл по комнате.

Дом схватила флакон, заткнула пробкой и, подойдя к окну, с силой размахнулась и швырнула дорогую безделушку в ров с водой. Далеко внизу послышался всплеск... О, если б можно было так же просто и легко зашвырнуть куда-нибудь подальше весь этот ужасный нескончаемый день!

Она снова с остервенением начала махать веником. Вдруг то ли смех, то ли рыдание вырвалось из её груди. «Я здесь работаю, как простая служанка! Я, графская дочь... Нет, не графская дочь – а герцогиня, жена двоюродного брата короля!»

Это было невыносимо. Она бросила веник и упала на постель, рыдая и бессильно молотя по шелковому голубому одеялу маленькими кулачками

Разрядка наступила. Стоявший за дверью и чутко прислушивавшийся к звукам за нею старый отец облегченно вздохнул, перекрестился и медленно пошел по коридору к комнате Флоранс.

Заглянувшая в комнату круглая полная луна равнодушно смотрела на плачущую тринадцатилетнюю девочку, лежавшую ничком на кровати. «Пути Господни неисповедимы, – словно

говорила луна, – и могло случиться так, что эту ночь ты провела бы на этой постели не одна, а со своим супругом, герцогом Черная Роза.»

За час до описываемого в замке графа ещё более драматические события происходили на холме, где притаились пятнадцать головорезов, поджидающих Черную Розу. Бандиты услышали стук копыт и снова поспешили к краю тропинки, чтобы посмотреть вниз на подъезжающих. Наступила ночь, но луна уже всходила, освещая мертвенно-бледным светом дорогу к замку.

– Трое! – сказал один разбойник.

– Один – в белом плаще... – задрожав от возбуждения, прибавил другой. – Франсуа, погляди – это он?

Их главарь посмотрел вниз.

– Точно, ребята! Это его конь... и белый плащ! И его оруженосцы! Готовься! Ты, Крепыш, руби подпиленное дерево, но смотри, не опоздай, чтоб они не проскочили! Вы, Конрад и Жюль, ползайте с сетью на деревья. Да сами не запутайтесь, ротозеи! Мы не должны их упустить!

Всадники были уже близко. Они слегка придерживали скачущих в гору лошадей. Голый склон кончился, – они оказались под густым сводом деревьев, растущих на вершине холма. Едущий чуть впереди всадник в белом плаще взмахнул рукой, приказывая этим жестом своим спутникам ехать быстрее; но вдруг большое сухое дерево покачнулось и начало падать прямо перед мордой его вороного жеребца.

Рыцаря спасла лишь мгновенная реакция, – он успел вздыбить и повернуть коня; а вот один из оруженосцев (это был несчастный Жерар) прямо вместе с мчавшейся лошастью напоролся на длинный голый сук, который, как копьё, пронзил грудь нормандца и вышел, окровавленный, из его спины. Жерар затрепыхался, как бабочка, нанизанная на булавку; но вскоре тело его обвисло. Он был мертв. Лошадь его сломала себе передние ноги и тоже билась на земле, тщетно пытаясь подняться. Затем один из разбойников прирезал её.

И Жан-Жак, и всадник в белом плаще, – это, конечно, был граф де Брие, – были невредимы. Но тут откуда-то сверху, с деревьев, на них и их коней упала огромная сеть, и четырнадцать человек выбежали с криками из зарослей по обе стороны дороги, размахивая мечами и топорами. Жан-Жак, запутавшийся больше и тщетно барахтавшийся в сети, пытаясь достать свое оружие, погиб вторым, – топор Франсуа раскроил ему череп.

Но де Брие, который показал чудеса искусства верховой езды, одной рукой заставив Сарацина встать на дыбы и резко повернуться, а другой в то же мгновение выхватив свой клинок, когда сеть упала на него сверху, не растерялся и, натягивая поводья, чтобы конь не заметался и не запутался, начал разрезать её мечом.

Он успел зарубить троих бросившихся к нему разбойников; но метко пущенная из лука стрела вонзилась верному другу Черной Розы в правое плечо, в прорезь между нагрудником и наплечьем, и Анри уронил меч. Стрелял в него тот самый прыщавый бледный парень с тонким голосом по имени Поль, оказавшийся отменным лучником.

Тогда остальные бандиты во главе с Франсуа накинулись на герцогского жеребца и, перерезав ему глотку, стащили бешено сопротивлявшегося друга Черной Розы с Сарацина и принялись наносить куда попало удары топорами и клинками, пока Анри не затих.

Все было кончено. Разбойники стояли над неподвижно распластанным телом, тяжело дыша.

– Дайте огня, – хрипло приказал, наконец, Франсуа. Под деревьями, где они находились, было совсем темно.

Один из головорезов высек огонь и зажег приготовленный факел. Франсуа наклонился, поднял забрало шлема лежавшего у его ног человека и поднес факел к лицу... И – отшатнулся. На него смотрели широко открытые, уже остекленевшие глаза друга Черной Розы.

– Де Брие... – в ужасе пробормотал главарь.

Спотыкаясь, главарь бандитов отошел в сторону от товарищей. Те, в недоумении почесывая головы, смотрели то на него, то на труп. Разбойники, видимо, не понимали, что так потрясло Франсуа.

– В чем дело? – спрашивали они друг друга.

– Не того уколошили.

– Плохо дело; нам не заплатят того, что обещали...

– Да, похоже, денежки наши уплыли!

– Не беда; представится другой случай.

– Верно говорят, что этот герцог заколдован...

– Да; и ещё говорят, что никакое оружие его не берет.

– Сатана его спас, не иначе!

– Да ведь он же сам – Дьявол... Лангедокский Дьявол!

– Франсуа! – позвал один из них. – Черт с ними, с деньгами!.. Не бери в голову, дружище!

И, подойдя к главарю шайки, он дружески хлопнул того по плечу. Франсуа обернулся – и вдруг набросился на утешавшего его и, схватив за горло, повалил на землю и начал душить.

– Не брать в голову? – рычал Франсуа. – Да ты знаешь, свинья, что вы натворили?...

Остальные бросились их разнимать. Только прыщавый юноша-лучник остался рядом с телом графа. Пользуясь тем, что внимание всех бандитов было привлечено дракой Франсуа и его подельника, он быстро наклонился и начал обшаривать мертвое тело.

Проворные пальцы вскоре нащупали под плащом де Брие шкатулку, которую дал другу Черной Розы граф Руссильон. Юноша вытащил её и уже собирался спрятать на себе, но тут Франсуа, уловивший краем глаза при свете единственного факела движение вора, оставил своего полузадушенного друга и кинулся на лучника. Сверкнуло лезвие кинжала, – и незадачливый воришка, даже не вскрикнув, осел на землю с клинком в груди.

– Так и знал, что не стоит доверять этой скотине Полю, – пробормотал Франсуа, поднимая выпавшую из разжавшихся пальцев лучника шкатулку.

Он велел снова поднести факел и, присев на корточки, при его колеблющемся свете вскрыл агатовый ящичек. Бандиты, затаив дыхание, смотрели через его плечо. Вздох разочарования вырвался у них всех, когда главарь вытащил из шкатулки только перстень и кусок пергамента.

– Кольцо, – сказал один, дернув себя за бороду.

– И какая-то бумажонка... – ответил другой.

– Я думал, нам все ж таки повезло, и в этом ящичке полно драгоценностей!

Франсуа в это время, повертев в руке бриллиантовый перстень, развернул пергамент. Читать он умел не слишком хорошо, а его подельники и вовсе не разумели грамоты. Но он не смог разобрать написанного, потому что не знал окситанского языка, на котором граф обращался в письме к Черной Розе.

– Черт побери! – воскликнул главарь, и так и эдак вертя в руках бумагу. – Какие-то каракули!

– Брось ты эту бумажонку, Франсуа... Вот перстенок – вещь ценная, коли алмаз в нем настоящий! Загоним его какому-нибудь скупщику, хоть малость денег выручим.

– Болваны!.. Бумага часто бывает важнее всяких безделушек. Нет, её надо показать монсьёру.

– Но колечко—то будет наше, Франсуа? Ты же не отдашь его своему хозяину?..

– Идиоты! А вдруг в этих каракулях как раз про кольцо и говорится? Что тогда скажет монсеньор? Он и так меня приберёт за смерть де Брие, да и вам не поздоровится... Он в ярости ужасен.

– Этот негодяй здорово сопротивлялся и уколошил троих наших. Скажем, что он и прыщавого Поля прирезал. Вот и пришлось его маленько успокоить, и мы не ожидали, что он возьмет да вдруг и окочурится, – предложил один из бандитов.

– Да уж, придется что-нибудь придумать, – сказал Франсуа. – Ладно, ребята, за дело! Тащите трупы к телеге в лесу. Отвезем их к реке, привяжем камни к ногам – и концы в воду! А дохлых лошадей – в яму, которую мы вырыли... Да закопайте поглубже, чтоб ни волки, ни собаки не добрались! – И бандит, положив перстень и бумагу обратно в шкатулку, захлопнул её и убрал в висевшую на поясе кожаную сумку.

Разбойники, вяло переругиваясь, принялись за дело.

Проснувшись на рассвете следующего дня, Доминик (она, к собственному удивлению, все-таки заснула, и даже крепко спала!) почувствовала жуткий голод. Она спустилась в нижнюю залу, где стояли еще неубранные после вчерашнего столы с остатками свадебного ужина, и набросилась на еду. Отец застал её, жадно обгрызающую оленью ногу и щелкающую зубами, как изголодавшийся волчонок.

– Мари-Доминик, – сказал граф, – надеюсь, ты не забыла о нашем вчерашнем разговоре? Ты едешь в монастырь, и на сборы я даю тебе два часа. Элиза и Клэр помогут тебе... Дом! Ты меня слышишь? Не объедайся, тебе станет плохо!

Ей, действительно, стало плохо, и отъезд пришлось отложить до полудня.

Служанки сложили в сундучок её одежду; отец дал ей с собой шахматную доску с фигурками из слоновой кости в расшитом серебром мешочке. Сестрички Анжель и Николь, непривычно притихшие и серьезные, принесли Доминик набор для вышивания – красивую шкатулку, в которой лежали нитки, иголки и те самые злополучные золотые ножницы, которыми девочка накануне с таким наслаждением кромсала плащ Черной Розы. Флоранс, которой тоже нездоровилось, прислала с Элизой Библию в роскошном сафьяновом переплете с золотым тиснением. Элиза же положила в сундучок Дом свой настой, отбеливающий кожу.

Качая головой, кормилица горестно говорила:

– Ох, госпожа, вам плохо, а вашей сестрице ещё хуже!.. Ведь она узнала, что барон Дюваль дерется у Каркассона с этим чудовищем Монфором, и Дьявол Лангедока туда же отправился. А где Дюваль – там и его оруженосец Гийом Савиньи, муж моей бедной голубки! Она всю ночь не спала, и не ела уж который день. Ох, плохие у меня предчувствия! Не к добру всё это; что её свадьба – украдкой да ночью, что ваша – с Черной Розой, которого вы и лица-то так и не видали...

– Ах, Элиза, да замолчи же наконец! – не выдержала и без того измученная тошнотой Доминик.

– Извините, мадам герцогиня! – поджав обиженно губы и чуть присев, ответила служанка.

«Мадам герцогиня!»... Этот новый для неё титул отозвался очередным, и последним, спазмом в глубине почти пустого желудка, и Дом еле успела добежать до стоявшего на стуле тастика.

Потом она ходила по своей комнате, мысленно прощаясь с каждым предметом в ней. Она провела рукой по искореженным доспехам на чучеле рыцаря, с нежностью коснулась пальцами каждого предмета из своей коллекции оружия на стене. Как ей хотелось взять с собой хотя бы маленький кинжальчик!.. «Я умру в этом монастыре от тоски! – подумала она. И тут же мысленно прибавила: – И поскорей бы! Пока проклятый герцог не вернулся за мной!»

Затем отец позвал её в свою комнату. Когда Дом вошла, то увидела на его раскрытой ладони предмет, о котором совсем забыла. Это было кольцо, которое Черная Роза надел ей в капелле на палец, которое она уронила под алтарь да так и не нашла, потому что в это время явился посланец Монфора, и герцог стал собираться в путь. Как Дом тогда обрадовалась! Ей было уже не до кольца.

– Мари-Доминик, – сказал граф, – возьми свое обручальное кольцо. С твоей стороны большой грех, что ты оставила его в часовне!

Дом насупилась и спрятала обе руки за спину.

– Не веди себя как ребенок. Дочь моя, это символ твоего замужества, не забывай об этом никогда! Ты должна надеть его и носить не снимая, и не дай Господь тебе потерять его!

– Оно мне велико, – угрюмо пробормотала девочка.

– Продень его пока в цепочку и носи на груди. Я уверен, что твой супруг будет носить свое обручальное кольцо и никогда не снимет его! Вчера перед отъездом графа де Брие я передал ему перстень и, как только он нагонит монсеньора, то сразу же все ему расскажет о вашем браке и отдаст кольцо. А теперь возьми своё.

Доминик взяла перстень. Ей некуда было деться от этого мерзкого герцога!.. Его не было здесь, но всё, всё напоминало ей о нем!

Вчера в часовне из-за своей вуали она не смогла как следует рассмотреть перстень. Теперь же увидела, что это золотая печатка, с той же монограммой, что и на лезвии меча Черной Розы, – две переплетенные буквы – N и R. Что же они означают?..

Она решилась.

– Папа... А как на самом деле зовут ...Черную Розу? – она с трудом выдавила это имя. О, будь оно проклято на веки вечные!

Руссильон слегка нахмурился.

– Дочь моя, сожалею, но я дал обещание хранить настоящее имя герцога в тайне ото всех, включая его жену. Придет время – и ты узнаешь, как его зовут.

– Но этот вензель на кольце... Он означает «RoseNoire», или это его собственные инициалы? – настаивала Дом.

Граф подумал и ответил:

– Да, Мари-Доминик, это инициалы его настоящего имени.

Всё дальнейшее время перед отъездом Дом провела, гадая, какое имя у Черной Розы.

«Это или «N», или «R». Ноэль? Норбер? Николая? Или Раймон? Роланд? Роже? Рене?..

Роланд – как в «Песне о Роланде»... Красивое имя! А Николая – даже ещё красивее! – так она раздумывала, пока вдруг не опомнилась и не разозлилась на саму себя.

«Какая разница, как его зовут! Я никогда, никогда в жизни не назову по имени эту гнусную скотину!»

В полдень все было готово к её отъезду. Оседланные лошади (подарок Черной Розы – они оказались весьма кстати!) стояли во дворе. Дом умолила отца разрешить ей поехать к тете Агнесс на Снежинке. Дочь графа должны были сопровождать Роже Ришар и двое солдат из гарнизона замка. Но Пьер, молочный брат Доминик, уговорил Руссильона послать его провожать свою юную сестричку вместо одного из солдат.

Когда Дом вышла из донжона вместе с отцом и виснувшими на ней с двух сторон сестренками, которые теперь уже плакали навзрыд, то увидела, что вся челядь замка вышла проводить её. Здесь были и Филипп, и Бастьен, и Элиза, и толстуха Клэр, и Мюзетта, и кухарка Жанна, и еще много людей.

На их лицах она прочла скорбь и – жалость. И сразу поняла, почему они жалеют её. Ведь она стала женой этого изверга, этого монстра, этого Дьявола Лангедока! А потом все они столпились вокруг нее, целуя ей руки и даже подол её платья. Она почувствовала, что

сейчас тоже разрыдается... Но тут вышел из капеллы отец Игнасио, и все опустили на колени и склонили головы, и священник прочитал молитву и благословил уезжающую.

Отец поцеловал Доминик в лоб и перекрестил. Девочка села на Снежинку, – и тут услышала слабый крик. Она подняла голову, – из своего окна ей махала, держась одной рукой за ставень, белая как мел Флоранс. Если б Дом знала, что больше никогда не увидит свою несчастную старшую сестру!.. Но девочка не догадывалась об этом. Она помахала Фло в ответ; Ришар, Пьер и один из солдат вскочили на коней. И они тронулись в Мон-Луи.

Их путь в Мон-Луи лежал по той же дороге на юго-запад, по которой вчера вечером отправились в Каркассон Черная Роза и де Брие с оруженосцами герцога. В полулье от Русильонского замка, преодолев довольно крутой склон холма и добравшись до его вершины, всадники вынуждены были натянуть поводья своих лошадей, – впереди поперек дороги лежало большое сухое дерево. Вокруг него, с топорами в руках, суетились несколько местных крестьян. Увидев господ из замка, они посдергивали с голов свои береты и приблизились, низко кланяясь.

– Что там такое? – резко спросил Роже Ришар. Доминик не любила этого человека с вечно недовольным выражением на смуглом лице с крючковатым носом. Но он был хорошим солдатом, и отец весьма ценил его воинские знания, сделав начальником гарнизона замка.

– Дерево, мессир Ришар... – робко промолвил один из вилланов.

– Вижу, что дерево! Убрать немедленно! Мы сопровождаем мадам герцогиню, и нам некогда!

Опять – мадам герцогиня!.. Дом поехала, несмотря на полуденную жару.

– Похоже, нехорошее дело тут случилось вчера ночью, – сказал тот же крестьянин.

– В чем дело?

– Это дерево не само упало. Его подпилили. Нарочно, нам думается, потому что в кустах, вроде, засада была... Посмотрите сами, мессир Ришар.

Дом и её спутники подъехали ближе. Внезапно девочка вскрикнула и показала на сухую острую ветку упавшего дерева, торчавшую почти горизонтально, – вся она была в засохшей крови.

Пьер же соскочил со своей лошади и стал рассматривать следы на дороге.

– Здесь все в пятнах крови! – возбужденно воскликнул подросток. – Смотри, Дом! —

Он даже забыл в этот момент, что к ней уже нельзя было так обращаться.

Действительно, вся земля под копытами коней была в черных пятнах. Снежинка под Доминик испуганно запрядала ушами и тихо заржала... Девочке вдруг стало жутко.

– Да, – сказал Ришар. – Тут кого-то прирезали. В округе много бродяг и разбойников; они совсем распоясались и убивают направо и налево! Надо сказать об этом господину графу.

– Пьер... – прошептала Дом своему молочному брату. – Как ты думаешь, кого здесь могли убить? Ведь эта дорога ведет на Каркассон... По ней вчера уехал Черная Роза. А потом – де Брие и мальчишки-пажи...

Пьер пожал плечами. Ему было тоже не по себе.

– Подождите меня здесь, мадам герцогиня, – произнес Ришар, спрыгивая с коня и направляясь к кустам, где, по словам крестьянина, ночью была засада.

Дом, несмотря на охвативший её ужас, не раздумывая последовала бы за ним, как сделала бы ещё вчера, чтобы попробовать восстановить картину происшедшей здесь накануне трагедии. Но сейчас, когда она стала женой герцога, она уже не могла на глазах своих людей, да и крестьян, слышавших её титул, соскочить со Снежинки и продираться по кустам, как простая деревенская девица.

И, дрожа от внутренней тревоги, она осталась сидеть на кобылице, ожидая Ришара. Он вынырнул из зарослей через несколько минут, коротко произнес:

– Там ничего! – и вскочил на лошадь.

Крестьяне к тому времени разрубили дерево напополам и оттащили эти половины в сторону, открыв небольшой проход; и всадники могли продолжить свой путь.

Доминик в последний раз оглянулась с вершины холма на долину Руссильона, утопающую в зелени внизу; впереди ждали Мон-Луи, монастырь, тетя Агнесс, и – новая, неизвестная ей пока страница её жизни...

Конец первой части

Часть 2. Два герцога

1. Вдова Черной Розы

(несколько лет спустя)

Доминик сидела у окна в своей комнатке-келье и перебирала струны лютни, подбирая мелодию, которую услышала накануне, когда с сестрами Изабо и Маргарит ходила в крепость Мон-Луи. Песню пел бродячий менестрель на площади (да, уже и менестрели слагали песни о нем!), и Дом, плененная музыкой и словами, сразу же запомнила её. У Дом было уже семь песен, посвященных ему... Девушка ещё раз промурлыкала про себя мелодию и запела песню низким глубоким контральто, да так красиво, что несколько проходивших по коридору сестер остановились и заслушались.

Особенно нравился Доминик припев, и она пропела с большим чувством:

«Его плащом накрыли белым,
И роза черная на нем.
Тому, кто пал героем смелым,
Мы славу вечную поем...»

Но тут голос её задрожал и прервался, и девушка почувствовала, что слезы вот-вот польются из глаз. «Это из-за песни, – сказала она себе, – я хочу плакать, потому что мелодия очень красивая...» Впрочем, был ли смысл лгать самой себе? Слезы стояли в её глазах не из-за песни, а из-за того, о ком в ней пелось.

Дом отложила жалобно зазвеневший инструмент и, встав, выглянула в окно, подставляя лицо свежему ветерку. Она смотрела на разбитый внизу монастырский сад, в котором копошились несколько монахинь, и размышляла о том, как все странно повернулось в её жизни. Могла ли она представить себе, что когда-нибудь будет проливать слезы... из-за герцога Черная Роза? Что будет оплакивать его, того, которого всегда проклинала и ненавидела?

И, однако, так и произошло! И теперь она, которая так и не увидела его лица, которая ни разу не поцеловалась с ним, которая даже так и не узнала его настоящего имени, – теперь она, не став его женой, стала его вдовой.

Если бы почти четыре года назад, когда Дом, несчастная и жалкая, въезжала в ворота этой обители, она узнала, что её муж погибнет, так и не вернувшись к ней, как он пообещал тогда в капелле, – о, она бы, наверное, сошла с ума от радости и пустилась бы в пляс, распевая «осанну», прямо в монастырском дворе!

Но с тех пор – всё стало по-другому. Поползли слухи... которые всё росли, ширились и достигли, наконец, и этой, затерянной в предгорьях Пиренеев, обители. Что Лангедокский Дьявол – вовсе не дьявол и не монстр; что он помогал катарам скрыться от людей Монфора и отцов-инквизиторов и сам, лично, покупал и снаряжал корабли в Лионском заливе для тайной отправки альбигойцев и их семейств в Германию и Англию.

Что в замках, которые захватывал Черная Роза, никогда не бывало ни резни, ни погромов, ни насилий. Что, при совместных действиях с Симоном де Монфором, герцог как мог удерживал своего беспощадного и жестокого союзника от кровавых расправ и зверств над мирным населением. Причем один раз дело даже дошло до поединка между герцогом и Монфором, и Черная Роза победил, и убил бы Монфора, если б не вмешательство папского легата, который умолил герцога сжалиться над графом, а за это подписал индульгенцию пятидесяти осужденным на сожжение катарам...

Наконец, – и это особенно понравилось Доминик, – в прошлом году стало известно, что герцог Черная Роза в Нарбонне при переговорах отцов-инквизиторов с альбигойскими вождями открыто выступил в защиту этих последних. А, когда, нарушив мирный договор, легаты велели схватить вождей, – помог катарам бежать, причем сделал это весьма остроумно: когда инквизиторы погнались за альбигойцами по городу, на пути преследователей вдруг встали обнаженные женщины. Они начали хватать инквизиторов за одежду, приглашая последовать за ними. Это заставило истинно верующих отцов церкви прийти в замешательство, закрыть глаза и начать читать молитвы с просьбой избавить их от дьявольского искушения, – и, в результате, потерять беглецов.

Как потом оказалось, это были проститутки из нарбоннского публичного дома, решившие помочь несчастным альбигойцам хотя бы таким способом. Говорили, что и здесь не обошлось без Черной Розы, хотя Дом с трудом могла представить, чтобы герцог лично отправился в такое ужасное заведение и уговорил этих падших женщин помочь катарским вождям... Тем не менее, когда сестра Маргарит потихоньку, шепотом, рассказала ей эту историю, Доминик хохотала как сумасшедшая.

Все эти рассказы, постепенно доходившие до мирного монастыря, полностью перечеркивали тот образ Дьявола Лангедока, который, казалось, навеки поселился в душе Дом. Теперь, сначала тихо, потом все громче, в Лангедоке зазвучали хвалы этому странному и загадочному человеку в черной маске и белом плаще с черной розой; и могла ли Доминик не верить этим славословиям? Все чаще вспоминалась ей подслушанная ею фраза де Брие, обращенная к герцогу в спальне сестричек: «Король не спасет вас, если станут известны ваши мысли и, что еще опаснее, – ваши деяния...»

Все встало на свои места, – и сейчас она понимала, о каких деяниях говорил тогда молодой граф. Понимала – и начинала уважать человека, который смог, не побоявшись гнева отцов церкви и самого Папы, спасти и защитить столько невинных душ.

Она уже ждала новых известий о Черной Розе, о его подвигах и славных делах, – и каждая новость была подтверждением его благородства, честности, верности рыцарскому долгу.

Как теперь был понятен Дом смысл его девиза: «О, честь, будь спутница моя...»! Кольцо с вырезанною на нем монограммой герцога она по-прежнему носила на цепочке на груди. Раньше оно жгло ей кожу, как клеймо, поставленное чьей-то жестокой рукой; но теперь, казалось девушке, оно греет её и защищает, подобно амулету, подаренному добрым другом.

Научившись в монастыре вышиванию, первую свою работу девушка посвятила герцогу, – она вышила черную розу и его девиз, вспоминая с горькой улыбкой, как когда-то во дворе замка Руссильон растоптала их ногами. А сейчас она как раз заканчивала большую вышивку – на ней был изображен в полный рост, на вороном жеребце, всадник в белом плаще и черной маске, с высоко поднятым мечом. Получилось очень красиво; только Дом долго думала, какого цвета вышить глаза в прорезях маски, цвета которых она так и не узнала; наконец, решила взять голубые нитки.

Доминик сама не заметила, когда именно, кроме уважения и восхищения Черной Розой, в ней проснулось новое чувство к нему. Призвав на помощь голос рассудка и приказав ему исследовать это чувство, Дом назвала его «преклонением». Это, конечно, не могла быть любовь, – ведь нельзя полюбить человека, который носит маску, которого ты видела всего один раз в жизни и даже толком не рассмотрела!

Но она жаждала встречи с ним, мечтала увидеть его – и сказать ему, сказать прямо и откровенно: «Простите меня, монсеньор, я была круглой дурой!»

Конечно, он улыбнется и прижмет её к своей широкой груди. Он простит ей все её дерзости, все её девчоночьи злые поступки (если не преступления): порезанный плащ, истоптанное знамя, раненого Жан-Жака, тот плевок на площадке замка. Разве он может не простить – он, благородный, мужественный, отважный?

К тому же... к тому же, как не раз говорила себе Дом, – и говорила не без гордости и радости, – она уже не была той «рыжей бестией», как назвал её когда-то герцог, разговаривая с Анри де Брие. Вернее она уже не была тем веснушчатым загорелым подростком с копной непослушных растрепанных кудрей, которого помнил Черная Роза. Теперь Доминик было почти семнадцать, и она была так хороша собой, что, когда она выходила в город с сестрами, все мужское население небольшой крепости Мон-Луи провожало её восхищенными взглядами и вздохами.

Её кожа стала, благодаря настою Элизы и тому, что Дом больше не бегала чуть не полуголая по солнцу, белоснежной; волосы по-прежнему мелко вились, но стали гораздо послушнее; что же касается фигуры – то девушка теперь была даже выше своей сестры Флоранс, и формы тела её соблазнительно округлились, сводя с ума всех мужчин в Мон-Луи от пятнадцати до ста лет.

В конце концов аббатиса велела Дом надевать при выходе из обители облачение сестры-доминиканки (которое, как и монастырские послушницы, девушка не носила) – белую тунику, сверху – черный плащ и черную густую вуаль.

Эти изменения в своей внешности, которые четыре года назад вряд ли понравились бы той Дом, которой она тогда была, сейчас бесконечно радовали девушку. Ведь, когда герцог увидит её, такую прекрасную и желанную, страсть вспыхнет в нем, как пожар!

Она мечтала об этом. Она созрела для любви, для своего таинственного, неведомого, но заранее любимого мужа. Она часто вспоминала его слова, сказанные им в глубокой задумчивости наедине с самим собой: «Я хочу, чтобы она изгибалась, как цветок под живительным дождем. Чтобы сладострастные стоны срывались с её губ. Чтобы глаза её широко распахнулись – и засияли, как две синие звезды...» Уже тогда, в тринадцать лет, она, Дом, почувствовала силу его желания. А теперь она тоже хотела этого! И хотела быть вместе с ним, и только с ним!

...Но этому не суждено было случиться. Никогда, никогда герцог Черная Роза не прыскает за ней на своем вороном Сарацине, не поцелует её, не скажет: «Вот видите, я вернулся, мадам, я сдержал свое обещание!»

Он погиб, погиб полгода назад, пал в битве при Тулузе, последнем бою этих ужасных Альбигойских войн. Конечно, сражался герцог на стороне короля Людовика; но силы обоих противников – и французов, и окситанцев-мятежников – были равны, и Доминик понимала, что Черная Роза не мог поступить иначе и открыто перейти на сторону восставших.

И герцог погиб – этот загадочный, считавшийся неуязвимым человек, в которого она начала верить, которого она ждала. Рассказывали, что вокруг себя Черная Роза навалил горы трупов, но и сам был иссечен мечами до неузнаваемости. Говорили также, что тело герцога покрыли его знаменитым белым плащом с черной розой и положили в могилу вместе с его погибшей лошастью; а сверху люди Черной Розы насыпали целый холм.

С тех пор прошло уже шесть месяцев. И, наверное, на этом кургане уже зазеленела молодая трава. Увидит ли юная вдова герцога когда-нибудь эту могилу?.. Вдова, не испытывавшая ни сладость его ласк, ни жар его поцелуев...

И Доминик оплакивала и его, и себя: свой несостоявшийся брак, свои нерастраченные нежность и любовь.

Между тем, в монастыре никто, кроме тети Агнесс, не знал, что Дом была замужем, – и за кем. Когда четыре года назад племянница приехала в доминиканскую обитель, и мать-аббатиса прочитала письмо, которое прислал ей с дочерью граф Руссильон, – в нём он подробно описал все случившееся с Доминик, – девочка была готова на коленях умолять свою тетушку скрыть ото всех её брак с герцогом; ибо иначе как позором и карой Господней союз с Дьяволом

Лангедока назвать тогда было нельзя. Но мать-настоятельница и сама предложила оставить в тайне замужество Дом.

«К сожалению, дочь моя, – сказала она, – этот человек – не тот, браком с которым можно было бы гордиться. Я сохранию твой секрет, и положимся на Всевышнего!»

А потом, когда открылись все благородные поступки Черной Розы, - Доминик уже тоже не могла назвать его всем своим супругом, потому что это бы выглядело, по её мнению, хвастовством; да и вряд ли бы ей поверили, после столь долгого молчания.

Но не только в монастыре никто не знал о её браке с герцогом. Казалось, после того, как граф Руссильон объявил в своем замке о женитьбе Доминик и герцога, новость эта должна была быстро распространиться и облететь всю провинцию. Но, похоже, вилланы, покинувшие в тот день замок графа, отнеслись к этому известию как к некоей полусказке-полулегенде, одной из многих, ходивших по Лангедоку о Черной Розе. А, возможно, многие из этих темных забитых крестьян вообще решили, что видели в замке Руссильона не самого герцога, а его призрак. Что касается замковых слуг, – то все они искренно любили Доминик, и тоже молчали, понимая, какую жертву она принесла ради их спасения, выйдя замуж за Дьявола Лангедока. Они жалели её, ибо судьба была жестока с ней, сделав её женой такого чудовища.

А свидетелей самого венчания было совсем немного, и не все они были живы. Со стороны жениха это были де Брие, Жан-Жак и Жерар; но об их страшной участи в Руссильонском замке так и не узнали. А со стороны невесты – граф, сестрички Дом, отец Игнасио, Бастьен, Ришар, Элиза и Пьер с Филиппом. Из них двое умерли – Ришар погиб через несколько дней после отъезда Доминик в обитель; как узнала из письма отца девочка, начальник замкового гарнизона отпросился у графа по делу в Каркассон, и на обратном пути его зарезали и ограбили на дороге разбойники. А Бастьен, управляющий замком, скончался три месяца назад.

Остальные свидетели были не слишком заинтересованы в распространении слухов о замужестве Доминик, прежде всего, искренне жалея её. Таким образом, в слагавшихся в народе легендах, сказках и песнях о человеке в маске и белом плаще с черной розой, о жене герцога нигде не упоминалось, как будто её и не было вовсе.

Доминик страдала без возможности поделиться с кем-то, кроме тети, своими переживаниями. Она даже не ожидала, что ей будет так тяжела эта утрата. Её скорбь сестры восприняли с пониманием, – ведь дома девушку постигло тяжкое горе.

Семь месяцев назад её старшая сестра Флоранс, которая, как и Дом, расставшись сразу после свадьбы со своим супругом Гийомом Савиньи, так ни разу и не видела его, – получила известие, что он находится при смерти в Монпелье. Несчастливая Фло помчалась туда... Гийом потерял в бою левую руку и был тяжело ранен в грудь. Несмотря на все усилия врачей и неустанную заботу жены, юный оруженосец Дюваля скончался двадцать дней спустя.

Вернувшись после похорон супруга в Руссильон, Флоранс тут же объявила отцу, что хочет постричься в монахини, и выбрала для себя картезианскую обитель, находившуюся в трех лье от замка старого графа.

Поскольку сестра Дом осталась девственницей, – что было необходимым условием для пострижения в этот строжайший по уставу монастырь, – её приняли туда. Граф отписал картезианкам богатые угодья, и Флоранс уже через месяц, в обход обычного времени послушничества, разрешили принять постриг и дать обет вечного молчания. (Впрочем, как рассказывал в письме отец, Фло и дома-то почти не разговаривала после смерти Гийома.)

Но мало того; как с ужасом узнала Дом, её сестру, по её собственной просьбе, монахини замуровали в келье, оставив лишь узкое отверстие для того, чтобы Фло могли просовывать туда скудную пищу и воду... А ведь сестре Доминик едва исполнилось двадцать! Страшный выбор!

Дом видела какое-то странное сходство в их судьбах, своей и Фло. Обе они вышли замуж – и сразу же расстались со своими супругами; обе ждали мужей – и ждали напрасно; наконец, обе потеряли их навеки – и тоже почти одновременно...

Вообще, известия из Руссильона не радовали девушку. Отец, отослав Дом в монастырь, отправил Николь и Анжель к самой старшей сестре, Марианне, в Монсегюр. Граф решил, что девочкам будет лучше в обществе Марианны, чем старика-отца и затворницы Флоранс. Отъезд сразу трех младших дочерей не мог не отразиться на старом графе. Он сильно сдал; а ещё одним ударом явилась смерть управляющего Бастьена, скончавшегося три месяца назад. Бастьен был ровесником отца Дом, и Руссильон был очень к нему привязан.

Но, несмотря на сходство в судьбах Флоранс и Доминик, было и различие – последняя вовсе не собиралась постригаться в монастырь, хоть сейчас и находилась здесь. Нет уж, ни за что!.. Она жаждала вырваться отсюда, жаждала свободы и открытого пространства, не стесненного стенами обители. Теперь, когда, после гибели герцога прошло уже шесть месяцев, Дом особенно остро почувствовала, как ей нужна свобода.

«Сесть на Снежинку – Его подарок! – и помчаться по долинам, по холмам, по лесам!.. Дышать полной грудью воздух, насыщенный ароматом цветов и трав... Тогда, тогда, возможно, я вновь обрету утерянное счастье», – мечтала девушка.

Но отец не торопился забирать Доминик из обители. Хотя она и научилась здесь всему, о чем он говорил ей перед отъездом: вышиванию, игре на лютне и арфе, пению, хорошим манерам, языкам.

Тетя Агнесс, действительно, оказалась кладезем знаний, не прильнуть к которому приехавшая в монастырь четыре года назад девочка не могла. Дом была так потеряна, так одинока, так несчастна в своем горе, в своем нежданном, нежеланном замужестве! Ей необходимо было отвлечься от своих воспоминаний, погрузиться в любую деятельность, способную заглушить терзавшую её душевную боль; и те знания, искусства и науки, которые преподавали Доминик аббатиса и сестры, оказались лучшими лекарствами. Вместо тренировок своего тела Дом отныне тренировала ум – и тренировала до полного изнеможения, чтобы вечером рухнуть на постель в своей келейке и забыться в сне без сновидений.

Мать-настоятельница отнеслась к её трагедии с пониманием и участием. Эта высокая стройная пятидесятилетняя женщина выглядела гораздо моложе своих лет, а в молодости, вероятно, была очень красива. Тетя Агнесс провела бурную жизнь, полную приключений, достойных отдельного романа. В пятнадцать лет, сбежав из родительского дома от нелюбимого жениха, она встретила своего будущего мужа, двадцатилетнего испанского гранда графа Фернандо де Рохо. Выйдя замуж за него, Агнесс была представлена ко двору кастильского короля Альфонсо Восьмого и его супруги, Элеоноры Английской, и вскоре стала первой придворной дамой королевы.

Но, после того как граф де Рохо погиб случайно на турнире в поединке, Агнесс, в отличие от своей царственной госпожи, родившей двенадцать детей, не подарившая супругу наследников, оставила кастильский двор и постриглась в доминиканский монастырь.

Тетя рассказывала племяннице: «Родные моего мужа не любили меня; я была иностранкой, к тому же граф взял меня замуж без приданого. Особенно невзлюбил меня младший брат Фернандо, Гарсия. Я очень долго не могла забеременеть, но, в конце концов, Бог услышал наши с Фернандо молитвы, и я в муках родила сына. Но через месяц малютка скончался, и я подозреваю до сих пор, что в этом виновен младший брат Фернандо. Больше детей у меня быть не могло; и, когда мой возлюбленный супруг погиб, майорат графов де Рохо достался Гарсии, как следующему по старшинству мужчине. Я же осталась почти ни с чем; и тогда решила вернуться во Францию и постричься в монахини. Я думаю, хоть и не смею утверждать, что и к гибели Фернандо на турнире Гарсия приложил свою руку, потому что после поединка выяснилось, что Фернандо ударили не тупым, как было должно в том бою, а острым копьем...»

«Какая низость! – вскричала Доминик. – Тетя, вам надо было все выяснить! Обратиться к королю и королеве! Их долг – защищать тех, кто попал в беду, и наказывать несправедливость!»

«Ах, девочка моя, – вздохнула аббатиса, – я ведь была без гроша, а Гарсия стал после смерти брата богат и могуществен. А золото смывает все подлости и злодеяния...»

Девушка покачала головой. Такое непротивление злу было ей непонятно. Она бы на месте тети не позволила гнусному убийце мужа и ребенка выйти сухим из воды, даже если бы для этого ей пришлось самой взять правосудие в свои руки!

Доминик под руководством тети изучала латынь, греческий и испанский языки; сестры научили её вышиванию и игре на арфе и лютне; оказалось, что у Дом чудесный голос, и девушка полюбила петь.

С её сквернословием, от которого в первый же день пребывания Дом в монастыре сразу три сестры упали в обморок, мать-аббатиса решила бороться весьма своеобразно. Вызвав девочку в свой кабинет, тетя Агнесс сказала ей: «Мари-Доминик! Если мне доложат, что ты произнесла имя Господа нашего без должного уважения и всуе, то сестра Селестина пойдет с тобой в наш сад и даст тебе лимон, который ты должна будешь съесть при ней; если же, вместо хулы, ты вознесешь Ему благодарность, то ты получишь в саду самое спелое яблоко, или апельсин, или грушу...»

Мера оказалась весьма действенной; в первый день Дом так объелась кислыми лимонами, что не могла спать, мучаясь тошнотой; на второй – она получила в саду пять лимонов и одно яблоко; на третий – два лимона и три груши; а уже на четвертый девочка лакомилась только сладкими фруктами. Теперь, если даже мысленно, а не вслух, иногда, девушка думала: «Кровь Господня!» или «Смерть Христова!» – как тут же рот её наполнялся кислой слюной.

Тетя Агнесс могла часами рассказывать Дом о нравах при кастильском дворе, о рыцарских турнирах, балах, охотах, дворцовых интригах. Но рассказывала аббатиса обо всем этом по-испански, чтобы Доминик практиковалась в языке. Каким-то чудом, в келье настоятельницы обнаружили несколько платьев и туфельки. Поскольку фигуры у тети и племянницы были похожи, девушка надевала эту одежду, и аббатиса показывала ей, как двигаться, сидеть, стоять. Тетя показала Дом и основные па различных танцев – гальярды, паваны, бранля, сальтареллы. Учила аббатиса Доминик и делать реверансы – причем, оказалось, что для приветствия королевских особ и дворян, в зависимости от их рангов, полагались различные виды поклонов.

– Тетя Агнесс, – как-то сказала настоятельнице Дом, донельзя уставшая от бессмысленных, на её взгляд, приседаний, – ведь это же манеры, принятые при кастильском дворе... а, может быть, при французском совсем другие? Или же эти устарели, за двадцать-то лет?

– Манеры, хоть и устаревшие, не повредят герцогине, которой ты, Мари-Доминик, являешься! Лучше такие, чем никаких! – отрезала тетя Агнесс. – А при кастильском дворе они не меняются столетиями, – там очень строгий этикет. И французская королева Бланка Кастильская, дочь Альфонсо Восьмого, которую в Париже называют Бланш де Кастиль, сможет оценить по достоинству твою воспитанность, знание испанского и изящество манер.

Бланш... Это имя невольно тоже навевало воспоминания у Доминик. Как тогда, в замке, сказал Черная Роза своему другу де Брие? «Её любовь превратилась в ненависть. Эта женщина истерзала меня. Она – как огонь, оставивший за собой пепелище...»

О ком говорил тогда герцог? Не о королеве ли? А если не о ней, то о ком? Дом чувствовала глухую ревность. В жизни её мужа была некая Бланш... и его с ней что-то связывало. Конечно, девушка была готова простить ему все его добрачные связи; но теперь, когда он женился на Доминик, она хотела, чтобы он принадлежал только ей, ей, безраздельно!

Но нет – больше он никому не будет принадлежать. Только оставшимся после его смерти легендам и песням о таинственном человеке в черной маске...

«Папа, – прошептала Доминик, – заberi меня отсюда. Я хочу вернуться в Руссильон!»

Неужели отец забыл о ней? Или он хочет, чтобы она последовала примеру несчастной Флоранс – и постриглась в монахини, как она? Нет, нет, никогда!

2. Возвращение в Руссильон

...Вдруг в дверь кельи постучали.

– Мари-Доминик! Мари-Доминик! – послышался голос сестры Селестины. – К вам приехали! Спуститесь во двор!

Дом выбежала из своей комнатки и бросилась к лестнице. Неужели бог услышал её призыв? Может быть, отец приехал за ней?

Когда девушка увидела в монастырском дворе двух всадников и ещё одну оседланную лошадь, сердце её забилося так, что перехватило дыхание. Эта оседланная лошадь была её кобылица Снежинка, подарок Черной Розы! Значит, приехали за ней! Но кто?..

Всадники обернулись. Один из них был её молочный брат Пьер, который иногда привозил Дом известия и письма из дома. А второй юноша, его ровесник, высокий, смуглый, стройный... Неужели это – маленький и щуплый Филипп, её секундант в поединке с Жан-Жаком? Какой он стал красивый, как раздался в плечах!

Доминик подбежала к спешившимся юношам. Похоже, Филипп тоже не сразу её узнал, – и виной тому явно было не её монастырское белое платье. Он просто врос в землю, увидев свою подружку, ставшую такой красавицей.

У обоих молодых людей были напряженные взволнованные лица; но Дом в первом порыве радостного волнения не сразу обратила на это внимание.

– Пьер! Филипп! Боже, вы здесь!.. Вы приехали за мной?

Юноши преклонили колена.

– Мадам... – срывающимся голосом начал Филипп.

– Филипп! Не называй меня так, умоляю! – живо сказала Доминик.

Вмешался Пьер:

– Госпожа! У нас плохие новости: ваш отец...

– Что с ним? – она теперь видела, как взволнованы оба юноши, и затрепетала от нехорошего предчувствия. – О Господи, пощади!

– Он при смерти. Два дня назад его разбил паралич. Врач из Тулузы сказал, что он долго не протянет. Отец Игнасио послал нас за вами. Граф все время повторяет ваше имя...

– Нет, Боже, только не это!.. Едем немедленно!

Она готова была сразу же вскочить на Снежинку и лететь в Руссильон. Но все же пришлось собраться в дорогу, получить благословение тети-аббатисы, попрощаться с сестрами. Девушка чувствовала, что и эта страница книги её жизни закрывается навсегда.

Через час кони несли троих всадников в Руссильонский замок. Не так, совсем не так хотелось Доминик возвращаться домой!

По дороге, из рассказа Пьера, она узнала, что граф чувствовал себя неважно уже давно. Три месяца назад, после похорон Бастьена, он стал подволакивать правую ногу и иногда нечетко выговаривал слова.

А несколько дней назад в Руссильон прибыл гость – старый друг отца Дом, барон де Моленкур. «Вы же знаете, госпожа, – рассказывал Пьер, – что, несмотря на примирение с королем и ваш брак с Черной Розой, ваш батюшка не был ни разу приглашен ко двору; можно сказать, что опала с него так и не была полностью снята...»

Новости из столицы приходили в замок крайне редко и нерегулярно, потому что почти все старые друзья графа, жившие в Париже, либо отвернулись от него, либо были уже на небесах. Поэтому приезд де Моленкура очень взволновал отца Дом. Гость пробыл у графа несколько часов и уехал, и Руссильон приказал на другое утро приготовить лошадей. Он сам собирался поехать за Доминик; но на рассвете Мюзетта обнаружила графа на полу в его комнате, разбитого параличом.

– Он не может двигать правой рукой и ногой. И говорит почти невнятно. Но отец Игнасио все же разобрал, что граф повторил несколько раз ваше имя.

– О, только бы он был жив! Только бы я успела к нему! – воскликнула со слезами Доминик.

Было уже темно, когда они достигли Руссильона. Отец Игнасио ждал их во дворе. Дом кинулась к нему:

– Падре! Отец... он... ещё жив?

– Да, дочь моя; хотя, Господь свидетель, ему осталось недолго... Идемте, Мари-Доминик!

Они поднялись в донжон, в комнату графа. Врач, склонившийся над кроватью отца Дом, оглянулся на них и печально покачал головой.

Граф де Руссильон лежал на постели. Лицо его походило на обтянутый кожей скелет, правый глаз почти прикрылся веком, а левый ввалился и потускнел, кожа приняла желтоватый оттенок. Рот как-то странно перекосялся. Левая рука старика, костлявая и тоже желтая, словно не находя себе места, металась по одеялу, в то время как правая лежала, вытянувшись неподвижно вдоль худого изможденного тела.

Дом не сразу узнала его, настолько он изменился, – её всегда красивый, высокий, стройный, полный жизни и энергии отец! Она не выдержала – и разрыдалась.

Граф взглянул на дочь своим левым тусклым глазом и что-то промычал.

– Мари-Доминик! Он хочет вам что-то сказать... – обратился к ней капеллан.

Дом подавила рыдания. Она наклонилась над кроватью отца и прошептала:

– Папа!.. Я здесь!.. Что ты хочешь сказать мне?

И вновь из перекошенного рта Руссильона раздалось нечто нечленораздельное.

Дом покачала головой и вытерла слезы.

– Я ничего не понимаю, папа... Боже, ведь это, наверное, что-то очень важное! Как ты смотришь на меня...

Левая рука графа яростно комкала край одеяла. Видно было, какие нечеловеческие усилия он прилагает, чтобы хоть что-нибудь произнести. И, наконец, ему это удалось. И потрясенная Доминик услышала:

– Дом... Твой... муж... жив...

Она не ослышалась?.. Отец сказал именно это? Она обернулась к священнику:

– Падре! Вы слышали? Он сказал...

– Что ваш муж жив, Мари-Доминик. Да, он это произнес!

– Папа! Папа!.. Но... как его зовут?..

Граф сделал еще одно страшное усилие. Открыл рот... Но вместо слов Доминик и капеллан слышали лишь какое-то кашлянье, перешедшее в хрип. Левая рука отца поднялась – и благословила Дом, а потом упала на одеяло. Граф де Руссильон был мертв.

Несмотря на то, что граф был богат, знатен и пользовался в Лангедоке всеобщим уважением, народу на похоронах было гораздо меньше, чем ожидала Доминик. Цветущий богатый плодородный край был истощен, разорен, выжжен долгими кровопролитными войнами. В каждой семье на юге было свое горе; большинство женщин осталось без отцов, братьев, сыновей, мужей, сложивших свои головы за Окситанию. Очень многие старые друзья отца были мертвы; и из знатных семейств лишь несколько человек явились почтить память графа Шарля де Руссильон. Зато было очень много крестьян и людей небогатого звания, – граф был щедрым, добрым и справедливым сеньором, и многие плакали, не стесняясь своих слез.

Из родственников графа приехали из Монсегюра Марианна с мужем и старшим четырехлетним сыном Шарлем – вылитым дедушкой, в честь которого и назвали мальчика; (у Марианны родились подряд еще две девочки, младшей было несколько месяцев, и её Марианна побоялась привезти) и Николь с Анжелъ. Доминик со слезами обнялась с сестрами. Как

выросли её ангелочки! Николь было уже четырнадцать, она расцвела и стала просто красавицей. Марианна сообщила Дом, что к Николь уже трижды сватались, но та пока не сделала свой выбор.

«Николь палец в рот не клади, – сказала Марианна, – она абсолютно не романтична; вертит своими поклонниками как хочет, а сама как на счетах считает: у кого сколько денег да земель. Сейчас у неё новый ухажер – ему уже за сорок, он плешив и сутул, но зато сказочно богат; боюсь, что Николь выйдет за него.» Пухленькая кудрявая белокурая Анжель тоже обещала стать прелестной девушкой.

Похоже, смерть отца не сильно потрясла сестричек Доминик. Они наперебой хвастались перед ней; Николь – своими успехами в амурных делах, Анжель – своими знаниями латыни и тем, что наконец-то перестала бояться лошадей и стала хорошей наездницей.

Марианна же сказала сестре с сочувствием:

– Я знаю о постигшем тебя горе, сестра. Потерять мужа, да ещё такого, как Черная Роза... Мы – я, мой сын Шарль и мой муж, обязаны ему жизнью, и никогда не забудем, что он сделал для нас. Мы всегда будем молить Господа за твоего безвременно ушедшего супруга!

– Тише, Марианна, умоляю, – произнесла, оглядываясь вокруг себя, Дом. Она строго-настрого запретила кому-либо в замке называть себя «мадам герцогиня» или вообще упоминать о Черной Розе. Слова отца о том, что её супруг жив, она пока, на время похорон, отодвинула в угол сознания, и никому, даже любимым сестрам, не рассказала о том, что поведал ей перед смертью отец.

«Возможно, это был только предсмертный бред. В любом случае, надо сначала все выяснить. Пусть те, кто знают о моем замужестве, по-прежнему считают меня вдовой; это наложит печать молчания на их уста.»

Наконец, печальный обряд был свершен, и граф де Руссильон навеки упокоился в склепе со своими славными предками. Приглашенные разъехались, Марианна с мужем, сыном и сестрами Доминик отправилась обратно в Монсежур, и Дом осталась одна в замке. Сестры, конечно, просили её поехать с ними; но она отказалась. Она жаждала их отъезда; её горе было гораздо глубже, чем их, а пустая болтовня Николь и Анжель надоела Дом.

И в первую свою ночь после похорон отца, проведенную без сна, она, наконец, позволила себе подумать над словами умирающего. «Был ли то предсмертный бред? Нет-нет. Отец говорил нечетко, но, я уверена, он меня узнал. Он же назвал меня по имени! К нему приезжал барон де Моленкур, из Парижа... Это именно барон сообщил отцу, что Черная Роза жив!»

Как могли они-отец и она сама – так быстро поверить в смерть герцога? Разве мало ходило о Черной Розе самых невероятных слухов? Говорили же, что он вездесущ и, даже, что он может находиться сразу в нескольких местах; утверждали же, что он неуязвим и что его невозможно ни ранить, ни, тем более, убить! А они поверили, что он погиб! Конечно, это была лишь очередная легенда, красивая сказка, придуманная в народе!

«Итак, – рассуждала дальше Доминик, – папа знал его настоящее имя; и, когда он услышал от Моленкура, что герцог жив и находится в Париже, он сразу же решил забрать меня из монастыря. Отец хотел отвезти меня в столицу, к мужу, раз уж Черная Роза сам так и не приехал за мной. А почему же он не приехал?...»

Да, это был мучительный вопрос. Нарисованный её воображением благородный рыцарь не мог забыть данное им обещание; да еще данное собственной жене!

«Он сказал: „Мадам, я вернусь, клянусь вам!“ – думала Дом. – Однако прошло уже полгода с тех пор, как мы считаем его погибшим под Тулузой... а он и не думает приехать! Почему? Возможно, он был все-таки ранен в том бою. И ранен тяжело! Может быть, он не едет, потому что его, действительно, изувечили. О, Господи, вдруг ему отрубили и руки, и ноги? – она быстро перекрестилась. – Нет, нет, Боже Всемогущий, сжался...»

Через некоторое время новое соображение пришло ей в голову.

«Папа послал ему с де Брие кольцо и записку, в которой объяснялось, что я, Мари-Доминик, стала его женой. А кто была та Мари-Доминик, которую он видел из окна спальни Николь и Анжель? Растрепанная, грязная, конопатая, чумазая девчонка, с мальчишечьими повадками, плюнувшая чуть ли не ему в лицо. Девчонка, которую он потом назвал „рыжей бестией“. Хочется ли ему приезжать теперь за этой бестией, вдруг, вопреки его желанию, ставшей его супругой? Уж конечно, нет! Мари-Флоранс ему понравилась; он тогда говорил о ней с де Брие с такой нежностью. А я... Он, наверное, стыдится меня, моих манер. А уж представить меня при дворе как герцогиню и свою жену ему, наверное, как острый нож! Поэтому он и не едет; он не знает, что я изменилась, что я стала красивой, что у меня такие изящные манеры...»

Эта версия была тоже вполне реальна; и Дом она даже понравилась; в конце концов, она сама приедет к нему в Париж, и он увидит её, и поразится безмерно.

Но следующая мысль, пришедшая на ум девушке, была так болезненна, что она чуть не вскрикнула.

«Бланш! Как я могла забыть о ней! Возможно, он не едет за мной... потому что он с Бланш! – Она заметалась по постели. – Он сказал де Брие, что Бланш истерзала его. Что она как огонь, оставивший после себя пепелище. Так можно сказать только о женщине, которую страстно любишь! Которая разбила твое сердце... Да, еще он говорил, что её любовь превратилась в ненависть. Но мне ли не знать, как бывает наоборот, как ненависть превращается в любовь? Может быть, это же случилось и с этой таинственной Бланш. Может быть, когда герцог по окончании войны вернулся в Париж, эта женщина, ненавидевшая его, вновь бросилась в его объятия... и он не устоял?» – Глухой стон вдруг вырвался у Дом. Боже, неужели так можно страдать из-за мужчины, лица которого ты никогда не видела, имени которого ты не знаешь?..

Нет, нет! Лучше уж пусть Черная Роза станет калекой... чем изменит ей!

К утру Доминик была совсем измучена и разбита – и физически, и нравственно. Но встала она, уже без колебаний утвердившись в двух вещах: герцог должен остаться для неё тем честным и благородным человеком, каким она считала его в монастыре; и – она не должна сомневаться в нем!

3. В Париж!

На утро Доминик попыталась все же выяснить, о чем – вернее, о ком – разговаривали несколько дней назад её отец и барон де Моленкур. Возможно, кто-то из слуг что-то слышал...

Её мучило, что она так и не узнала до сих пор имени своего супруга. «Конечно, – рассуждала Дом, – у короля Людовика, ныне покойного, должно быть не так много кузенов. А тем более герцогов, с инициалами «Н» и «Р». Но все же ей хотелось знать настоящее имя Черной Розы.

«Если все же герцог был тяжело ранен при Тулузе... Возможно, отец расспрашивал об этом своего гостя. Не могли же наши слуги совсем ничего не слышать! Покойный Бастьен был глуховат; но у остальных-то с ушами всё в порядке!»

Оказалось, что за столом прислуживали двое – Флориан и Жозеф. Но они сообщили Дом, что просто расставили кушанья и удалились ещё до начала разговора.

– Филиппа спросите, госпожа, – сказал ей Флориан. – Он был у вашего батюшки, после смерти Бастьена, вроде за управляющего.

Это была новость. Доминик вызвала к себе Филиппа и объяснила, что хотела бы знать. Юноша задумался.

– Имен называлось много, госпожа...

– Филипп! Пожалуйста! Мне нужны только имена на «Н» или «Р».

Он взъерошил густые волосы.

– Какого-то Николая они вспоминали... А фамилию, ей-богу, не припомню. Впрочем, – оживился он, – господин граф послал меня за вином. И вот, когда я из погреба вернулся, – сразу понял, что что-то произошло. Когда я входил, ваш отец как раз спросил: «Значит, герцог жив?» Барон ответил: да, конечно. И ваш батюшка как-то сразу глубоко задумался и даже ответил Моленкуру несколько раз невпопад. Видно, новость эта сильно его поразила.

– А имя, имя этого герцога? – спросила нетерпеливо Дом. Разгадка была так близка!

– Нет, госпожа, имени я не слышал, – покачал головой юноша. – Но, стоило барону откланяться, господин граф тут же мне приказал: «Филипп, завтра утром приготовьте двух лошадей и Снежинку! Я еду с Пьером за Мари-Доминик!» Но, госпожа! Неужели Черная Роза не погиб?..

– Филипп, прошу тебя, не говори никому ничего! Пока это тайна, известная только мне, тебе и отцу Игнасио.

Потом Дом отправилась в капеллу к священнику. Отца Игнасио тоже сильно потрясла весть о том, что муж Доминик жив.

– Дочь моя, – сказал он, – это воистину Божий промысел. Кто бы мог подумать, что тот, кого мы все считали Дьяволом Лангедака, окажется настоящим героем! И его гибель будет оплакиваться всей Окситанией... Я очень рад, что он остался в живых!

– Да, святой отец. Но почему, если он не погиб, он не вернулся за мною?

Капеллан покачал головой.

– Не знаю, дочь моя. Но, вероятно, у него были на то веские причины. И будем уповать на то, что он все же приедет.

«Веские причины!..» Доминик простила бы и поняла любые причины, – кроме Бланш или какой-нибудь другой женщины!

– И как же долго мне ждать? Нет-нет, раз уж он не едет, я сама поеду к нему в Париж! Но... падре, мне нужен ваш совет.

– Говори, Мари-Доминик!

– Падре, если я приеду ко двору вдовствующей королевы и короля, малолетнего Людовика Девятого... Под каким именем мне представиться им? Кто я? Жена Черной Розы?..

Священник потер чисто выбритый подбородок.

– Мари-Доминик! Ты права, дочь моя... Непростая ситуация!

– Более чем, не правда ли? Если я скажу, что мой муж – герцог Черная Роза, которого все считают погибшим – не засмеют ли меня? Или подумают, что я просто сумасшедшая. Кто при дворе знает, кто скрывался под именем Черная Роза? Король Людовик Восьмой? Да, он, конечно, знал. Но он умер...

– Быть может, знает и королева? – предположил отец Игнасио.

– А, может, и нет. Вдруг эту тайну знали только король... и сам герцог?

– В таком случае, дочь моя, если ты прямо объявишь, что ты жена Черной Розы, герцог, конечно, как честный и благородный дворянин, сразу же признает ваш с ним брак, – уверенно произнес священник.

«А вдруг... а вдруг не признает? – посетила Дом совсем новая мысль. – Ведь этот союз был чисто политическим расчетом, бесчувственной сделкой, в которой никто не спрашивал нашего согласия! Мы оба были принесены в жертву королевской прихоти. Герцог, конечно, свободолюбив и горд; для него подобный брак был страшным унижением. Узнав от де Брие, что он женился не на Фло, а на мне, которая, как он прекрасно видел, его ненавидит, – не решил ли он нарочно оставить меня, – чтобы я могла быть счастлива с любимым человеком... чтобы оба мы освободились? Быть может, он нарочно и свою гибель подстроил, чтобы мой отец и я подумали, что он мертв, – и я тогда, как вдова, могла бы выйти замуж вторично. Да, герцог мог так поступить... и даже решить, что это наиболее правильно и достойно. В конце концов, наша свадьба была законной лишь наполовину. Я знала, за кого выхожу, – если это можно так

назвать, – а он не знал, на ком женится. И брачный контракт он подписал с именем Флоранс, а не с моим. Он мог посчитать себя свободным от брачных обязательств по отношению ко мне! А... а вдруг он тоже женился... по любви... на своей Бланш... – она вся похолодела, подумав об этом. – Святители небесные, только не это!»

Она в ужасе представила, как приедет в Париж, и узнает его имя, и узнает, что герцог женат. Что тогда ей делать? Прочь, прочь эти мысли! Он обещал – и должен был хотя бы приехать – и объясниться с ней!

– Падре, я думаю, что должна поехать ко двору под именем Мари-Доминик де Руссильон, – наконец, сказала она. – Надеюсь, мое появление без приглашения их величества не сочтут слишком большой дерзостью. Только в Париже я смогу выяснить все о своем супруге – кто он, и что заставляет его находиться там. («Или кто,» – добавила Дом про себя). – Я узнаю его имя, узнаю, что он за человек. И тогда смогу открыться ему. У меня есть его кольцо... и брачный контракт. А у него должен быть перстень, который отвез ему тогда граф де Брие.

– Да, пожалуй, это будет правильно, – медленно сказал отец Игнасио. – Терпение и мужество, дочь моя! Ты не должна слишком торопиться с объявлением своего теперешнего имени и титула. Я дам тебе с собой оба контракта: тот, что герцог подписал, с именем Мари-Флоранс, – он может тебе пригодиться, – и новый, который я составил после его отъезда в Каркасон – с твоим именем.

И капеллан достал из резного бюро оба документа. На подписанном герцогом контракте стояла уже знакомая Доминик монограмма – сплетенные в изящном росчерке пера буквы «N» и «R».

Доминик начала собираться в путь. Она старательно гнала от себя все дурные мысли; впрочем, в суете сборов было особенно не до размышлений.

Неожиданно пришедшее в замок письмо оказалось как нельзя кстати. Его привез в Руссильон гонец с двумя сопровождающими. На синем его плаще красовались золотые королевские лилии.

Преклонив перед Доминик колени и протягивая ей свиток пергамента, украшенный большой красной печатью, курьер произнес:

– Госпожа Мари-Доминик де Руссильон! Наш король Людовик и его мать, королева-регентша Бланш де Кастиль приглашают вас ко двору!

Дом не верила своим ушам. Но нет; в бумаге было ясно сказано: «Приглашается... Мари-Доминик де Руссильон... В качестве придворной дамы вдовствующей королевы».

Неожиданная удача! Теперь она имела полное право явиться ко двору! Правда, как придворная дама. Конечно, это звание весьма почетно. Но все равно – быть зависимой от кого бы то ни было, пусть и от самой королевы...

И все-таки это было лучше, чем появиться в Париже без всякого приглашения. «И ведь это ненадолго, – утешила себя девушка. – Как только я найду своего мужа и мы объяснимся, мне не нужно будет никому прислуживать! Я буду герцогиней. Почти принцессой! Выше многих придворных дам!»

Странно только, что король с королевой вдруг вспомнили о ней, живущей в такой дали от столицы, ничем не напоминающей их величествам о своем существовании. Именно о ней, а не о Флоранс, или Николь. Она еще раз пробежала глазами по бумаге. Нет, в грамоте стояло только её, Мари-Доминик, имя. Впрочем, об этом задумываться было некогда. Она едет – и как можно быстрее!

Дом решила взять с собой Пьера и Филиппа, а также кого-нибудь из замковых девушек в качестве камеристки.

Но тут ей в ноги бросилась Элиза и стала умолять не оставлять ее в Руссильоне.

– Госпожа! – плакала старая кормилица, – разрешите мне поехать с вами и с моим сыночком Пьером! А этой, как его... камелисткой... возьмите мою младшенькую, Адель!

У Элизы было четверо детей, причем двое младших – Адель и Леон – от покойного Роже Ришара. Старший ее сын, погибший при Безье, был ровесником Мари-Флоранс, а Пьер – ровесником Дом; так получилось, что Элиза была кормилицей и Фло, и Доминик.

Доминик не смогла отказать своей кормилице; Адель была пятнадцатилетняя приятная и расторопная девушка, и юная графиня велела собираться в дорогу и ей, и Элизе.

Замок оставался на попечение отца Игнасио. Впрочем, Дом была уверена, что в её отсутствие все здесь будет в порядке. Капеллан был строг, но справедлив, и вся челядь слушалась его беспрекословно.

И вот паланкин графини де Руссильон, украшенный на дверцах красными гербами, ждал у ворот замка. Элиза, Адель и Доминик сели в него. По бокам носилок гарцевали нарядно одетые Филипп и Пьер; к задку паланкина были привязаны вьючная лошадь и кобыла Снежинка. Четверо сменных носильщиков верхом замыкали отряд.

В Париж, в Париж! – стучало сердце Дом. – К герцогу Черная Роза!

4. Сдержанное обещание

В то время, как паланкин графини де Руссильон, покачиваясь, преодолевал первые лье на север по дороге в столицу, навстречу ему по той же парижской дороге, но на юг, скакали два закованных в латы рыцаря.

Один из них, повыше ростом и стройнее, в богатых доспехах с черненными серебряными вставками и темно-синем плаще, ехал на прекрасном гнедом берберийском жеребце. Его спутник был невысок, очень широк в плечах и довольно грузен; его латы были не такие дорогие, а конь под ним был тоже массивный и коротконогий, немецкой породы.

Однако, встретиться рыцарям и носилкам было пока не суждено. В трех лье от Руссильонского замка от основной дороги шло ответвление влево. Тут-то двое всадников и остановили коней.

– По-моему, это здесь, Этьен, – сказал дворянин в синем плаще; а рыцарь явно был дворянином, и не простым, – так как его спутник ответил:

– Похоже, монсеньор.

– Этьен, у меня сжимается сердце! Когда я узнал, что она сделала... Как она могла? Зачем? Ведь я послал два письма графу Руссильону, сообщая, что я жив! Одно – из Тулузы, второе – из Парижа.

– Гонца могли убить. Время беспокойное.

– Нет; письма отвозил Франсуа и, по его словам, передавал лично в руки графу.

– Не доверяю я этому вашему Франсуа, вы уж простите за мою нормандскую грубую откровенность! У него такая физиономия...

– Я сужу о людях по делам, а не по лицам, барон де Парди! – довольно резко прервал его дворянин в синем плаще. – Франсуа мне верен; он спас мне жизнь.

– Я слышал об этом, – ответил барон. – Только что-то эта история кажется мне немного подозрительной... С чего бы у вас заклинило меч в ножнах? Разве ваши оруженосцы плохо смотрели за ним? Ну нет, и мой племянник Жерар, и Жан-Жак – упокой, Господи, их души! – были весьма старательны. А тут – самая сеча, а вы оказываетесь безоружны. И Франсуа дает вам свой клинок...

– Этьен! Давай не будем об этом. К чему эти нелепые подозрения? Я думаю вот о чем – не скрыл ли, по какой-то причине, сам граф эти письма от Мари-Флоранс?

– К чему ему это было нужно? Вы женаты на его дочери... он сам, как вы рассказывали мне, выбрал её вам в жены.

– Не понимаю! Что же произошло? Когда я лежал тяжело раненный в Тулузе и послал первое письмо – я так надеялся, что жена приедет ко мне! Мне стало бы легче, намного легче, Этьен; и я бы быстрее поправился. Если б даже она просто сидела рядом... Держала меня за руку... Какое это было бы счастье для меня!

– Вы, кажется, почти влюблены, – осторожно заметил де Парди.

– Влюблен? Да, ты прав, я был на пути к этому. Я редко, увы, вспоминал о ней... Но, когда это случалось, в затишье перед битвой, или на привале, – я сразу видел перед собою ее стройную фигурку, гордую осанку, темно-рыжие волосы, ее васильковые глаза. Таких синих глаз я никогда не встречал! – Он тяжело вздохнул и продолжал: – А потом пришло сообщение о болезни короля Людовика в Оверни, и я помчался туда, и застал его уже при смерти. Пока мы перевезли тело усопшего в Париж, потом – похороны в аббатстве Сен-Дени... Второе письмо в Руссильон я послал как раз во время подготовки к похоронам короля. Я был уверен – и граф, и Мари-Флоранс знают, что я жив, и она ждет меня; ведь я обещал ей вернуться! И вот, наконец, – мы едем с тобой в Руссильон, к моей жене; и встречаем в пути на парижской дороге барона де Моленкура. И он сообщает, что виделся с графом де Руссильон; и что его старшая дочь Мари-Флоранс ушла в картезианский монастырь... Правый Боже! Как это могло случиться?

– Монсеньор! Не терзайтесь так! Быть может, это неправда, или барон что-то перепутал. Ведь ему уже хорошо за шестьдесят, и память у него уже не та. Сейчас мы все узнаем... Ведь это дорога к монастырю, не так ли?

Навстречу рыцарям двигалась двухколесная повозка, запряженная осликом; крестьянин, идущий рядом, увидев господ, издали скинул берет и низко поклонился.

– Эй, ты, – крикнул ему нормандец, – эта ли дорога ведет в монастырь?

Крестьянин покачал головой.

– Он тебя не понимает, – сказал рыцарь в синем плаще, и спросил о том же, но по-окситански. Виллан кивнул головой и что-то ответил.

– Что он говорит? – спросил де Парди.

– Что это та дорога; но что нам, наверное, нужен мужской монастырь, а здесь находится женский, – недобро усмехнулся его спутник. Они пришпорили коней, и вскоре на вершине холма увидели высокие стены обители.

Всадники подъехали к низкой окованной железом дверце в толстой стене. На уровне груди в дверце было зарешеченное окошечко, прикрытое изнутри ставнем. Слева от дверцы был приколот ящик для подаваний; справа на медной цепочке висел медный же молоточек. Рыцари спешили, и тот, кого барон называл монсеньором, постучал в дверцу молоточком.

Прошло несколько минут; и рыцарь уже хотел постучать снова, но тут ставень открылся, и в зарешеченном окошечке появилось маленькое сморщенное личико в белом капюшоне. Выцветшие старческие глаза матери-привратницы равнодушно смотрели на двоих мужчин.

– Что вам угодно, дети мои? – прошелестела старуха.

– Матушка, мы бы хотели видеть Мари-Флоранс де Руссильон, – произнес дворянин в синем плаще.

– В нашей святой обители нет сестер с таким именем, – все тем же шепотом отвечала привратница.

– Мари-Флоранс, вероятно, приняла другое имя, когда постриглась в ваш монастырь.

– Мне об этом ничего не известно; только наша мать-аббатиса знает мирские имена послушниц и монахинь.

– В таком случае, матушка, попросите вашу настоятельницу прийти сюда, или пропустите нас к ней. Нам необходимо поговорить с нею!

– Поговорить? – старуха едва заметно усмехнулась, словно рыцарь сказал нечто необычайно смешное. – Мать-аббатиса не может с вами поговорить, дети мои. У неё сейчас «tempo silencio», время молчания.

– И сколько же оно продлится? – спросил рыцарь, и в его голосе послышалось еле сдерживаемое нетерпение.

– Кажется, месяц, дети мои. Приезжайте через тридцать дней и, возможно, мать-аббатиса и выйдет к вам сюда. Но вы к ней войти не сможете-наш строжайший устав запрещает мужчинам вход в обитель.

– Черт... извините, матушка... Но, даже если настоятельница не может говорить – слушать же она может? Сходите к ней, прошу вас, и передайте, что здесь находится муж Мари-Флоранс, и что он хочет видеть свою жену.

Лицо старухи исчезло из вида. Прошло не менее часа, и рыцарь уже изгрыз ручку своего хлыста, прежде чем в окошке опять появился тот же белый капюшон.

– Мать-аббатиса выслушала меня, дети мои. Она написала записку, хоть это и противоречит уставу, и показала мне жестом, что я должна прочесть её вам.

– Читайте же, Бога ради! – вскричал дворянин в синем плаще.

Старуха не спеша развернула листок и прочитала:

«Мари-Флоранс де Руссильон отныне – сестра божья Транкиллия. Она приняла обет вечного молчания и попросила замуровать себя, босую и в одной власянице, в келье, дабы наедине с собой, в тиши и темноте, найти вечное успокоение. Её столь строгое затворничество объясняется гибелью горячо любимого супруга, почившего шесть месяцев назад. Кто бы вы ни были, и с какими бы целями не явились в эту тишайшую из всех божьих обителей, – покиньте это место и не смейте насмехаться над горем злосчастной сестры Транкиллии».

– Насмехаться? – воскликнул рыцарь. – Матушка, это не насмешка! Я – супруг Мари-Флоранс, и я жив! Я могу это доказать! Разрешите мне только войти и поговорить с нею!

Привратница отрицательно покачала головой в белом капюшоне.

– Вы не смеете разлучать меня с моей женой! Это противоречит всем законам – и божеским, и человеческим! Она думала, что я умер... Но я жив! Умоляю, матушка, сжальтесь надо мной! Сходите к... сестре Транкиллии и передайте ей, что я, её муж, герцог Черная Роза, приехал за ней! Что я сдержал свое слово – и вернулся!

Когда привратница услышала имя говорившего с ней рыцаря, выцветшие глазки её вдруг сверкнули, и она пристально посмотрела на него.

– Герцог Черная Роза? – спросила она. – Что ж, если вы не лжете, – а я так не думаю, – то я помогу вам и поговорю с сестрой Транкиллией. Вы спасли много невинных душ, и это зачтется вам на небесах!

И она вновь исчезла из-за решетки. На этот раз рыцарям пришлось ждать гораздо меньше. Старуха вернулась и сказала:

– Я передала сестре ваши слова. Сначала я не услышала в ответ ничего. Но затем, мне показалось, что я слышу глухие рыдания... и...

Тот, кто назвал себя Черной Розой, проткнул решетку:

– И... что?

– Она три раза стукнула мне в стену. Это один из принятых здесь условных знаков. Это значит, что сестра Транкиллия просит меня удалиться и не беспокоить её. Так что, дети мои, вам здесь делать больше нечего. Прощайте; и да хранит вас Господь.– Привратница уже протянула иссохшую руку к ставню, но рыцарь достал из-за пояса расшитый золотом кошель и протянул ей.

– Умоляю вас! – воскликнул он. – Здесь две тысячи золотых ливров! На эти деньги можно построить еще один монастырь! Дайте мне увидеться с моей женой!

– Опустите свой кошелек в ящик для подаяний, – прошелестела старуха, – мне от вас ничего не нужно; Бог видит, у меня есть все. – И белый капюшон исчез; ставень закрыл решетчатое окошко.

– Черт побери! – зарычал Черная Роза и изо всех сил начал колотить в дверцу руками и ногами. Но окованная железом дубовая дверь даже не шелохнулась. Тогда он выхватил свой меч и стал вонзать его в дерево; однако, дверь была очень толста, а дуб крепок, и клинок входил в него не более чем на два дюйма.

Наконец, Этьен, с грустью и даже тревогой следивший за действиями своего взбешенного друга и господина, не выдержал и чуть не силой оттащил его от двери монастыря.

– Монсеньор! – сказал нормандец, – полно! Успокойтесь. Это бесполезно. Эта дверь выдержит даже удар тарана!

– Этьен! – в отчаянии вскричал рыцарь, – ты же все слышал? Нет, я не могу уйти отсюда! Она здесь, возможно, в нескольких туазах от меня... и я не могу ни увидеть её, ни поговорить с нею? Как это может быть? Как Бог допустил такое? Моя жена... босая... почти раздетая... она рыдает там, в замурованной келье! И ты предлагаешь мне успокоиться? Нет, я не уйду! Вросту в землю на этом месте, пока мне не дадут поговорить с нею!

Нормандец печально покачал головой:

– Ваша жена уже приняла постриг. И сама попросила замуровать её. Данный ею вам брачный обет она променяла на обет вечного молчания. Вы ничего здесь не добьетесь.

– Нет, я найду способ проникнуть к ней! Нет двери, которую нельзя бы было открыть; нет стены, через которую нельзя бы было перелезть!

– Проникнуть в картезианский монастырь?.. Монсеньор! Вы и так на подозрении у инквизиции; а Черная Роза чуть не был отлучен от церкви за помощь, оказанную им еретикам-катарам; и только его мнимая смерть спасла его от этого тягчайшего из наказаний! Ну, допустим, вы перелезете через стену и проникните внутрь. Но ведь надо же ещё найти келью вашей жены, а потом – каким-то образом разрушить кладку. Нет, тут нужно много человек. А найдется ли столько смельчаков, которые решатся на такой страшный грех, как войти в обитель картезианок? И – главное – захочет ли ваша супруга пойти с вами?

– Но что же делать?..

– Обратиться к Его Святейшеству. Пусть он или освободит Мари-Флоранс от её обета, или даст вам развод с нею!

– К Папе?.. – горько усмехнулся герцог. – Ты шутишь, Этьен! Ты сам только что сказал, что Черную Розу едва не отлучили от церкви. Папа ненавидит его... а, значит, он ненавидит меня!

– Но кто знает, что вы – Черная Роза? Кто может сообщить об этом Его Святейшеству?

– Таких людей мало; но они есть... (И герцог подумал про себя: «И, прежде всего, это королева. А она уж шепнет пару слов отцам-инквизиторам, лишь бы я остался связан вечными узами с женой-монахиней! Бланш снова выигрывает!»)

Его ярость, однако, утихла. Этьен был прав – здесь больше нечего было делать, разве только биться головой о дверь обителя и посылать проклятия к небесам, которые вновь так злобно подшутили над ним.

– Я слишком поздно сдержал свое обещание, де Парди, – сказал герцог, и рыцари вскочили на коней. – Мари-Флоранс потеряна для меня... потеряна навсегда!

5. Снежинка

– Монсеньор, – промолвил барон, – а что, если нам отправиться в Руссильонский замок? Пусть граф нам объяснит, как произошло, что ваша супруга ушла в монастырь... а, может быть, он сумеет дать вам какой-нибудь совет? Возможно, ещё не все потеряно?

– Ты прав, Этьен. Едем в Руссильон!

Рыцари вновь выехали на дорогу, ведущую к Парижу, и повернули лошадей на юг. А паланкин Мари-Доминик час назад пронесли по той же дороге на север...

Они ехали шагом; герцог был погружен в свои мысли, и барон не решался прервать молчание первый. Через два лье навстречу им показалось трое всадников, один из которых, одетый довольно богато и едущий на сивом мерине, выглядел как купец; чуть позади же ехали двое его приказчиков на мулах. Это был, действительно, скотопродавец; накануне он пригнал в Руссильонский замок несколько коров на убой; теперь же возвращался в свое село с выреченными деньгами.

– Похоже, эти люди едут из замка, – сказал, увидев эту троицу, герцог. – Надо бы расспросить их.

– Эй, любезный, – обратился он по-французски к купцу, – вы едете не из Руссильона?

– Да, господи, – отвечал на плохом французском, кланяясь, тот; и, окинув быстрым взглядом богатый наряд и прекрасного коня Черной Розы, спросил в свою очередь: – А вы не на похороны ли едете, мессеры? Так вы опоздали.

– На похороны? Разве в замке кто-то умер?

– Да, к несчастью; старый граф де Руссильон скончался четыре дня назад. Такой добрый и щедрый сеньор! Его похоронили позавчера. Мир праху его! – И он набожно перекрестился.

Рыцари, сняв шлемы и склонив головы, последовали его примеру. Потом герцог спросил:

– В замке кто-нибудь остался из дочерей графа?

– Почитай, никого, господ. Старшая дочь, Марианна, с младшенькими сестрицами уехали в Монсегюр. А средняя только сегодня утром отправилась, в носилках, говорят, в самую столицу.

– Средняя... Мари-Доминик, не так ли?

– Она самая, мессеры. Я видел, как она садилась в паланкин. Такой раскрасавицы свет не видывал! Мои приказчики потом аж целый час с открытыми ртами ходили. Просто картинка!

– Похоже, мы и здесь опоздали, – тихо промолвил герцог барону.

– Да; нам опять не повезло.

– В замке нам делать больше нечего... Едем в Париж!

И они повернули лошадей обратно на север.

– Монсеньор, – вдруг сказал де Парди. – А как же послезавтрашний турнир в Провене? Разве вас не будет там?

– Ты думаешь, мне сейчас до турниров? – грустно усмехнулся Черная Роза. – Хотя – почему бы нет? И мы как раз поспеем туда. Ты прав. Едем!

– Вы слышали, что сказал этот купчишка о Мари-Доминик? – через несколько минут, послав лошадь в галоп, спросил барон герцога. – Я помню, как вы рассказывали мне о ней. Как она ранила Жан-Жака, и топтала ваш штандарт, и плюнула в вас. И плащ ваш порвала. Вы сказали, что она рыжая, веснушчатая, смешная, с повадками мальчишки-хулигана... А купец просто слюной исходил, когда говорил о ней и её красоте.

– Чего ты хочешь, Этьен? – чуть улыбнувшись, спросил герцог. – Он же простой селянин, а тут – графская дочь! Конечно, она показалась ему Венерой, выходящей из морской пены! Нет... самая прекрасная из дочерей Руссильона – это Мари-Флоранс. Как, как мог Бог допустить такое – чтобы она, такая юная и прелестная, постриглась в монахини? Я уверен: мы бы были счастливы нею... у нас были бы дети, такие же красивые, как она. А теперь – как мне жить дальше, Этьен? Я мечтал о жене... о наследнике... И все эти мечты теперь рухнули. За что, Господи, ты послал мне это новое испытание?

– Монсеньор! Есть еще надежда – быть может, ваша жена не проживет долго; босая, в темноте, одетая только во власяницу. Вам надо посылать своего человека в монастырь... раз в полгода, например, чтобы узнавать о ее самочувствии, – осторожно предложил де Парди.

Герцог метнул на барона полный боли и ярости взгляд.

– Чтобы я ЖДАЛ ее смерти, Этьен? Чтобы я мечтал об этом? Чтобы молился о том, чтобы Мари-Флоранс умерла, и я стал вдовцом? О, неужели я когда-нибудь дойду до такой низости?..

Они ехали около часа по живописной, окруженной с двух сторон вековыми тенистыми деревьями дороге; в одном месте, над обрывом, она круто поворачивала вправо; внизу протекала мелкая речушка, весело журча по каменистому руслу.

Герцог опять был сумрачен и молчалив; он не замечал ничего вокруг себя; но его спутник, поворачивая коня, взглянул вниз – и увидел стоявшую прямо на середине речки и жадно пьющую воду белую кобылицу.

– Какая прекрасная лошадь! И породистая. Взгляните, монсеньор, – не арабка ли?

Черная Роза посмотрел тоже вниз – и изменился в лице. Он сразу узнал эту кобылу.

– Это же Снежинка! – удивленно воскликнул он. – Мой подарок Мари-Флоранс на свадьбу! Что она здесь делает?

Мужчины соскочили с коней и подошли к самому краю обрыва.

– Похоже, она убежала от кого-то, – сказал де Парди. – Видите: длинный повод волочится прямо по воде? Смотрите, как она возбуждена, как прядает ушами и бьет хвостом, как у нее ходят бока! За ней, наверное, гнались.

– Снежинку трудно догнать; это чистокровный иноходец! Но её нельзя здесь оставить; надо поймать её, Этьен!

Герцог взглянул с крутого берега вниз.

– Я не вижу удобного спуска к реке. Пока мы будем искать его, она может снова ускакать, и мы вряд ли догоним её, даже я на своем гнедом. Придется спуститься прямо здесь.

– С обрыва? Монсеньор, не лучшая мысль! Вы можете упасть и разбиться!

– Это мой подарок, – упрямо сказал рыцарь. – Я должен поймать Снежинку! Но лезть с такой кручи в латах неудобно; и их лязг может испугать кобылу. Надо все с себя снять!

И Черная Роза, не раздумывая ни минуты, сбросил свой синий плащ и начал расстегивать доспехи. Он снял и шлем, и высокие сапоги с золотыми шпорами, в которых было бы неудобно слезать с обрыва; и вскоре, сложив всю одежду и пояс с мечом в траву у дороги, остался босой, в одной белоснежной рубашке-камизе и узких облегающих штанах.

Этьен с неодобрением и даже тревогой наблюдал за действиями герцога. Но он прекрасно знал, что переубедить Черную Розу, когда он что-то задумал, крайне нелегко.

– Не беспокойся за меня, Этьен, – сказал ему герцог. – С мечом я не полезу, но возьму с собой кинжал.

– Будьте осторожны, монсеньор, – только и ответил де Парди.

Черная Роза подошел к краю обрыва и начал спускаться, хватаясь за нависшие над краем кручи ветки ивы и втыкая в глинистую землю кинжал, используя его как дополнительное средство страховки.

Снежинка продолжала пить, изредка вскидывая голову и оглядываясь назад.

Герцог был уже на полпути вниз; но тут глинистый склон вдруг пополз под его босыми ногами, и смельчак кубарем покатился вниз, прямо к берегу речушки.

Барон испуганно вскрикнул; но Черная Роза тут же встал на ноги и махнул другу рукой, показывая, что он цел и невредим. Правда, кинжал остался воткнутым в склоне берега; но лезть за ним обратно герцог не стал. К тому же Черная Роза весь испарался и испачкался в глине с ног до головы; его белая рубашка и штаны стали темно-коричневыми; один рукав камизы разорвался.

К счастью, кобыла не испугалась; она перестала пить и стояла теперь неподвижно, разглядывая незнакомого человека. Герцог медленно и осторожно стал приближаться к Снежинке, нашептывая её имя и какие-то успокаивающие ласковые слова.

Когда он подошел уже почти вплотную, она всхрапнула и вскинула голову; но было поздно, – Черная Роза уже схватил её за длинный повод, волочащийся по воде. Он поймал её! Снежинка попяtilась, мотая головой; но герцог натянул узду и легко вскочил на неё, хоть она и была неоседлана.

Кобыла фыркнула и взбрыкнула задними ногами, пытаясь сбросить дерзкого чужака; а, возможно, ей, аристократке, было неприятно, что на неё сел какой-то грязный незнакомец в рваной одежде. Но Черная Роза наклонился к её морде, погладил по холке и прошептал:

– Милая Снежинка, неужели ты не помнишь меня?

И арабка, словно действительно вспомнила, покорно замерла.

Герцог довольно улыбнулся. Он был, как ни странно, очень горд своей маленькой победой, и даже забыл на какое-то время о Мари-Флоранс. Он махнул ещё раз рукой барону наверху, показывая, что все хорошо, и что он скоро присоединится к другу.

Теперь надо было найти удобный подъем к дороге. Черная Роза повернул Снежинку туда, откуда она прискакала, и поехал на ней вдоль речки.

Речушка петляла меж крутых берегов; он проехал около пятидесяти туазов, и вдруг навстречу ему, из-за поворота, вылетел всадник на взмыленном коне. Он несся прямо по воде; радужные брызги так и летели вокруг него и его лошади.

Завидев Снежинку и какого-то грязного оборванца на ней, всадник – это был Пьер – закричал по-окситански:

– Эй, ты! Ну-ка, слезай с лошади!

– Это ты мне? – высокомерно произнес герцог, отвечая на том же языке.
– Тебе, тебе, кому же еще! Это не твоя лошадь, негодяй! Слезай и убирайся к черту!
И Пьер, подъехав к Снежинке, схватился за повод.

– Но и не твоя, – отвечал Черная Роза; он решил, что перед ним – вор, вздумавший украсть кобылу, и не собирался уступать. Точно так же подумал о герцоге и Пьер, – и вид этого нищего оборванца на лошади его госпожи привел его в ярость.

– Ах ты, скотина! – взревел юноша и выхватил свой меч. – Ты еще вздумал спорить со мной! Слезай сейчас же, а не то... – Естественно, он полагал, что вид обнаженного клинка заставит этого грязного виллана тут же втянуть голову в плечи и покорно слезть со Снежинки. Но не тут то было!

Герцог только улыбнулся на угрозу Пьера. Хотя он и был безоружен, он был уверен, что справится с дерзким юнцом.

Белозубая улыбка Черной Розы окончательно истощила терпение молочного брата Доминик. Он размахнулся и хотел ударить воришку мечом, правда, плашмя;

но герцог, ждавший этого, легко уклонился в сторону и, перехватив правую руку Пьера своей левой, так сжал её ниже локтя железными пальцами, что тот вскрикнул от боли и уронил клинок на землю. Но повод Снежинки юноша не выпустил. И тут из-за поворота выскочил еще один всадник.

– Филипп! – закричал ему Пьер, – этот негодяй вздумал украсть нашу кобылу!

Филипп обнажил меч и ринулся на герцога. То, что двое этих молокососов хотят справиться с ним, не разозлило, а только позабавило Черную Розу. «А это будет гораздо веселее, чем турнир в Аржантее», – подумал он про себя, вступая в схватку со вторым противником. Герцог с такой же легкостью ушел из-под удара Филиппа, на этот раз хотевшего разрубить ему голову; а затем, резко повернув Снежинку, схватил оказавшегося к нему спиной юношу за шиворот и, буквально выдернув его из стремян, отшвырнул, как котенка, на несколько туазов от себя. Филипп упал прямо в реку, потеряв свой меч.

Тут сзади на Черную Розу навалился, рыча, Пьер. Филипп через минуту присоединился к нему; поскольку герцог сидел на лошади без седла и стремян, молочному брату Дом вдвоем с товарищем удалось, хоть и не без труда, стащить Черную Розу с кобылы, и они все вместе упали на землю. Забыв о Снежинке, они катались по земле, нанося друг другу беспорядочные удары.

Какое-то время казалось, что юноши победили; но вскоре Черная Роза подмял их обоих под себя, впрочем, не причинив им особого вреда. Глядя на барахтавшихся под ним, подобно двум щенкам, Пьера и Филиппа, он подумал, что уже явно видел где-то эти физиономии. Но где и когда?

«Что же с ними делать? Оглушить парой ударов? Не убивать же этих глупых юнцов!»

Но снова послышался стук копыт, и появился третий всадник – на этот раз с луком в руках; герцог краем глаза увидел это и успел вовремя пригнуться, когда стрела, пущенная меткой рукой, пропела прямо над его головой. «О, черт! Третий, да еще с луком...» – подумал Черная Роза.

– Дом! Наконец-то... – прохрипел Пьер, придавленный к земле коленом герцога.

– А ну-ка, ты, вставай и отойди от моих пажей! Быстро, а не то я выстрелю тебе в спину! – услышал Черная Роза резкий и повелительный окрик. Всадник наложил следующую стрелу и натягивал тетиву, целясь в него с коня.

Деваться было некуда; герцог медленно поднялся и повернулся лицом к лучнику. Черная Роза поднял глаза на этого третьего своего противника – и остолбенел от изумления. Сначала, на какой-то короткий миг, ему показалось, что перед ним – Мари-Флоранс. Но девушка, сидящая по-мужски в седле, в разрезанном по бокам платье, была не его жена, хотя сходство, несомненно, было. Но эта девушка была красивее, гораздо красивее Флоранс!

У неё была белоснежная кожа и мелко вьющиеся темно-рыжие волосы, которые от бешеной скачки рассыпались по плечам, груди и спине, сверкая на солнце, как старое золото. И глаза у неё были похожи на глаза Мари-Флоранс; такого же синего цвета, в обрамлении длинных ресниц, огромные и прекрасные. Но сейчас они были прищурены, потемнев почти до черноты, и сверкали гневом и решимостью; и герцог поймал себя на мысли, довольно неуместной в данной весьма серьезной для него ситуации, – что Мари-Доминик гораздо красивее его жены именно потому, что в ней столько жизни, что она пышет яростью, что щеки её пылают и глаза метают стрелы, даже более опасные, чем те, что посылает её лук.

«Диана-охотница!» – вот кого она напонила ему в этот миг.

А Дом, действительно, была в ярости. Остановившись на постоялом дворе выпить сидра и слегка перекусить, она вышла из носилок... и обнаружила, что Снежинка, привязанная сзади к паланкину, исчезла! Доминик набросилась на своих носильщиков, а затем «телохранителей», Пьера и Филиппа, – как они могли не углядеть за её кобылицей! Эти юнцы гарцевали, красовались перед ней, Адель и Элизой в своих новеньких нарядах, на горячих скакунах, с мечами на поясе и луками за плечами – и упустили Снежинку!

Бедные юноши, оставив луки Элизе, тотчас помчались на поиски. Но тут Дом пришло в голову, что, пожалуй, они могут испугать, когда найдут, нервную кобылу, и она ускачет ещё дальше. Недолго думая, дочь графа взяла одну из лошадей, на которых ехали сменные носильщики, схватила, на всякий случай, лук, колчан и стрелы и, разрезав маленьким кинжальчиком узкое платье по бокам, чтобы можно было сесть по-мужски, прыгнула в седло и поскакала за Пьером и Филиппом. Ей было глубоко безразлично в тот момент, что подумают о ней люди на постоялом дворе; гораздо важнее было найти любимую Снежинку – подарок Черной Розы!

Лошадь, на которой Дом пустилась вдогонку за своими пажами, оказалась не слишком резвая; как ни понукала её девушка, она еле плелась. К счастью, белая кобыла была слишком заметна, и вскоре Доминик напала на её след, – несколько крестьян рассказали, что Снежинку пытались поймать двое юношей, но она ускакала от них, и показали нужное направление.

...И вот она, наконец, догоняет Пьера и Филиппа – и что же видит? Что её верные пажи, такие сильные, ловкие и смелые, вооруженные мечами, лежат, обезоруженные и поверженные на землю каким-то грязным, босым, измазанным глиной оборванцем!

Когда герцог увидел Доминик, ему сразу стало все понятно. Он и юнцов сразу вспомнил, – оба четыре года назад присутствовали при его венчании с Мари-Флоранс в капелле Русильонского замка. А кобылицу, конечно, подарила сестре его жена, перед тем, как уйти в монастырь... Значит, он ошибся, приняв юношей за воров! И, похоже, эта ошибка могла дорого ему сейчас обойтись. Ведь Доминик отнюдь не шутила, и её стрела по-прежнему была направлена прямо ему в грудь. Помня, как она владеет мечом, он не сомневался, что девушка и стреляет так же хорошо. Вот уж воистину ирония судьбы – быть убитым из-за собственного подарка своей жене, да еще сестрой этой жены!

Герцог мгновенно просчитал сложившуюся ситуацию. Конечно, он мог представиться Мари-Доминик, назвать свое имя – и даже сказать ей, что он – Черная Роза. Но поверят ли ему? Он стоит перед ней босой, полураздетый, в рваной рубашке, исцарапанный и вымазанный глиной и травой с головы до ног. И что же? Начинать кланяться, расшаркиваться... нет, не годится! Придется остаться простым вилланом, тем более что он говорил с Пьером только по-окситански.

«Даже интересно, как она поступит со мной. Забавно! Опять маскарад! Так... прежде всего – не смотреть ей прямо в лицо. Говорить тихо и почтительно...»

И герцог опустил глаза, склонил голову и постарался принять самый смиренный вид, подобающий простому забитому крестьянину.

Между тем, Пьер и Филипп поднялись с земли, отряхиваясь и кряхтя, потому что герцог наставил им немало синяков.

Дом с интересом рассматривала этого человека. Когда он встал и взглянул на неё, – она увидела, что лицо его все испачкано глиной, а из рассеченной брови течет вниз по лицу кровь. У него были светлые глаза и темные, слипшиеся от грязи волосы. Большинство местных вилланов были бородаты; но у этого человека был гладко выбритый подбородок. Он был высок, строен и широкоплеч; но, стоило ей начать всматриваться пристальней, как он опустил голову и ссутулился, являя своей позой полное смирение и покорность. Филипп и Пьер схватили его за руки; но он не стал сопротивляться.

– Ах, подлый вор! – торжествующе воскликнул молочный брат Доминик, – теперь ты попался!

– Мы тебе покажем, как воровать чужих лошадей! – вторил ему разгневанный Филипп. Оба юноши были немало смущены своим столь позорным поражением и стремились теперь всеми силами загладить перед госпожой свою вину.

Но Дом опустила лук и сказала:

– Подождите. Может, он и не так виноват. Надо разобраться.

– Чего тут разбираться, госпожа! Он сидел на Снежинке и хотел, наверняка, ускакать на ней! Грязный воришка!

«Если они осмелятся поднять на меня руку... я не выдержу!» – сказал себе, стискивая зубы, Черная Роза.

– Эй, ты, – что ты скажешь в свое оправдание? – спросила его Доминик.

– Госпожа, – тихо и почтительно начал герцог, искусно подражая певучему говору местных вилланов, – я вовсе не хотел красть лошадь. Я хотел отвести её в замок графа де Руссильон, вашего отца...

– Ты меня знаешь? – Вслушиваясь в звуки низкого красивого голоса, девушка вдруг ощутила странное волнение. Как будто когда-то она уже слышала его! Но где?..

– Да, госпожа; вы – Мари-Доминик де Руссильон, дочь нашего покойного сеньора.

Он её знает... Но она его не узнает; хотя, конечно, лицо его в крови и глине, да и всех местных крестьян запомнить она не могла, тем более что последние четыре года провела в обители.

– Как тебя зовут?

– Мишель, госпожа, – сказал герцог. Это имя было распространенным в Лангедоке. – Умоляю вас, поверьте мне. Отпустите меня; у меня жена и трое детишек.

«Возможно, он и не лжет», – подумала Доминик. В конце концов, что мог он сделать с её Снежинкой? Белая чистокровная кобылица слишком приметна, чтобы можно было её безнаказанно украсть, а потом продать, – риск был слишком велик. Всё сказанное этим вилланом выглядело вполне правдоподобно. За исключением одного – того, что он без труда справился с двумя крепкими здоровыми юношами, неплохо обращавшимися с мечом.

Но тут уж она спросит не с него, а с них!

– Ты свободен, – сказала она вслух.

– Доминик! – воскликнули вместе явно разочарованные Пьер и Филипп. Видно было, что им очень хочется выместить свою обиду и злость на этом дерзком виллане.

– Отпустите его, – повторила она, уже по-французски, тоном, не признающим пререканий.

– Он чуть нас не убил! – тоже перешли на французский её пажи; но руки виллана они все же отпустили.

– Сами виноваты, – отрезала Дом. – Я взяла вас в Париж, чтобы вы защищали и охраняли меня; а, получается, что первый попавшийся крестьянин обезоруживает вас двоих и кладет на обе лопатки! Хороши, голубчики!

Виллан, низко кланяясь, подошел к ее лошади. Дом показалось, что, когда она отчитывала Пьера и Филиппа, он слегка улыбнулся. Впрочем, этого, конечно, не могло быть. Местные крестьяне не знают французского.

– Чего тебе еще? – спросила она. Он опять низко опустил голову и пробормотал:

– Благодарю вас, госпожа, за вашу великую доброту...

– Ну, хватит! Ты свободен. Ступай к своим детям и жене!

– Может, когда-нибудь и Мишель вам поможет, – продолжал он нараспев. – Вы так добры, благородны и прекрасны...

И, неожиданно для Доминик, он опустился на одно колено и, поднеся к губам край её разрезанного платья, поцеловал его. Но этот жест совсем не походил на жест неуклюжего лангедокского крестьянина; неожиданно он напомнил девушке ту минуту, когда в капелле, после венчания с Черной Розой, Анри де Брие так же поцеловал край её платья и назвал «мадам герцогиня»...

Когда крестьянин скрылся из виду, она вновь как следует отругала своих пажей. К счастью, Снежинка не убежала во время их драки с Мишелем; возможно, кобыла узнала лошадей Филиппа и Пьера, и осталась у реки, мирно пощипывая траву.

Молодые люди подняли свои мечи, отряхнулись как могли, вскочили на коней и поехали с Домом обратно, на постоянный двор, где их уже заждались Элиза и Адель.

6. Разоблачение

Когда Черная Роза вернулся к де Парди, верный друг герцога пришел в ужас.

– О Боже, монсеньор, что с вами? – воскликнул он. – И где Снежинка?

Герцог являл собой весьма плачевное зрелище. Он, конечно, попытался умыться в речушке, но она была слишком мелкая, и ему это плохо удалось. Кровь все еще сочилась из рассеченной кулаком Пьера брови.

– Вы ранены? – тревожно спросил барон, – говорите же! Кто осмелился поднять на вас руку?

Черная Роза, сняв грязную порванную камизу, принялся натягивать сапоги.

– Ранен?.. Да, я ранен, Этьен! Меня ранили – и, похоже, насмерть!

– Кто это сделал?

– Рыжеволосая красавица. Она ранила меня в самое сердце, барон!

– Красавица?.. – недоумевающе, но с видимым облегчением, произнес де Парди. – Где вы её встретили?

– Там, внизу, у реки. Видел бы ты её, Этьен! Как у нее сверкали глаза... А волосы! Они извивались, как змеи, по её высокой груди. Я бы хотел зарыться в них лицом...

– И кто же она? Как её зовут?

– Мари-Доминик де Руссильон, дорогой барон!

– Доминик?.. Та самая дочь графа, о которой говорил купец? Сестра вашей жены Мари-Флоранс?

– Да, – подтвердил герцог, надевая кольчугу прямо на голое тело. – Сестра моей жены.

– Как же она оказалась там, внизу?

Черная Роза рассказал другу, как он поймал Снежинку, как подрался с пажами Доминик, и как дочь графа появилась перед ним, угрожая ему луком.

– Вот так приключение! Но вы все же были очень неосторожны, монсеньор... Она могла вас убить!

– Нет, дорогой Этьен, – покачал головой Черная Роза. Взгляд его светлых глаз задумчиво устремился вдаль. – Она благородна, добра и великодушна. И, Боже милосердный, так хороша! Я так прекрасно помню её в замке четыре года назад. Мальчишка-сорванец; рыжие всклокоченные волосы, веснушки по всему лицу... А теперь – теперь она просто богиня; белоснежная кожа, стройные длинные ноги, глаза глубокого василькового цвета. Я сражен, сражен наповал!

Герцог застегнул латы, опоясался мечом и взял в руки серебристый шлем. Лицо его стало мрачно. «Я думал, что худшего со мной уже не может произойти; я потерял свою жену и надежду обрести тихое семейное счастье с нею и своими детьми... но нет, к краю пропасти я подошел только теперь, встретив Доминик. Вот он, пик мучений! Взглянув на меня своими бездонными синими очами, она, кажется, мгновенно свела меня с ума... Я никогда ещё не переживал подобного! Но я женат... и Доминик – сестра моей жены. И она никогда, никогда не сможет быть моею!»

Он вскочил на своего жеребца.

– Вперед, Этьен! Возможно, мы еще увидим дочь графа. Ведь она едет, скорее всего, впереди нас, и по этой же дороге.

Они тронулись в путь. Герцог начал размышлять вслух.

– Почему, сразу после смерти отца, она отправилась в столицу?

– Быть может, у неё там есть родные, которые пригласили её погостить?

– Но самые близкие родственники Доминик – её сестры, которые уехали в Монсежюр.

Было бы логичнее, если бы она поехала с ними...

Черная Роза быстро перебрал в уме родословную Руссильона и его покойной жены, ища родных дочери графа, которые могли жить в Париже. Как все аристократы, он прекрасно разбирался в сложном переплетении ветвей генеалогических древ знатных семейств Франции.

– Похоже, в столице у Мари-Доминик нет близких родственников; если только какие-то троюродные тети и дяди, – сделал, наконец, вывод он.

– Возможно, монсеньор, её пригласила какая-нибудь подруга?

– Да, не исключено. Но вдруг она решила поехать ко двору короля Людовика и его матери? Вот это меня тревожит, Этьен! Что ей, прекрасной, юной и невинной, делать при дворе Бланки Кастильской, где царят лицемерие, интриги, подлости, разврат?

– Да, вы правы, дорогой герцог, такой молодой чистой девушке там совсем не место. Но, может быть, Мари-Доминик едет в Париж к жениху?

Герцог вздрогнул. К жениху! Как он об этом не подумал! Что он знал о Доминик, о том, как складывалась её жизнь?

Четыре года назад, когда он женился на Флоранс, Доминик было тринадцать, – значит, сейчас уже семнадцать. В этом возрасте девушки, в большинстве, или уже замужем, или помолвлены. К жениху!.. Черная Роза вдруг испытал такой острый приступ ревности, что даже сам изумился. Но он тут же усилием воли подавил в себе это низменное чувство.

«Разве она не имеет право на счастье? Я должен радоваться за неё, если она найдет достойного честного человека, которого будет любить, и который полюбит её. Доминик – почти моя сестра...»

И все же... все же мысль о том, что она любит кого-то, была невыносима. «Неужели я влюблен? Вот так, вдруг, почти с первого взгляда? Боже правый! Пошли мне самые страшные пытки – но только не эту! Она – моя сестра, сестра, сестра...»

Он повторял это, как заклинание. Но вдруг де Парди вскрикнул – и показал ему рукой вперед. В ста тузагах от них по дороге несли паланкин, к задку которого были привязаны несколько лошадей. Одна из них была Снежинка.

– Это носилки Мари-Доминик, Этьен, – сказал герцог, и сердце его быстро забилося — сейчас он снова увидит её!

– Мы подъедем, монсеньор?

– Да. Но меня могут узнать – если не она, то её пажи... Послушай! Давай поменяемся лошадьми; я дам тебе свой плащ, а ты мне дашь твой. Моя лошадь и плащ слишком богаты; пусть она подумает, что я не так знатен, как ты. Жаль, что мои латы на тебя не налезут. Придется прикрыть их плащом.

– Мне представиться своим именем?

– Конечно; а меня представь как... как Мишеля де Круа, например. Я не буду снимать шлем; скажешь, что я дал обет в Святой Земле не поднимать забрала. Мы поедем мимо; на дверце носилок наверняка есть герб, и ты сделаешь вид, что узнал его. Попробуй выяснить все-таки, к кому она едет, Этьен, и зачем?

Они поменялись плащами и лошадьми. Высокий стройный герцог довольно смешно смотрелся на приземистом коротконогом коне барона, также как и грузный де Парди – на поджаром тонконогом жеребце Черной Розы.

– Не раздави его, – насмешливо промолвил герцог, когда его друг, кряхтя, влез на высокого скакуна.

Они поскакали вперед, и вскоре поравнялись с носилками. Пьер и Филипп, оглянувшись и увидев двоих закованных в латы рыцарей, на всякий случай положили руки на рукояти своих мечей.

Дом сидела слева и рассеянно смотрела в открытое нараспашку окно. Элиза и Адель, приморившись, спали напротив. У девушки никак не выходила из головы сцена у реки с крестьянином, назвавшимся Мишелем. По дороге к постоялому двору Филипп и Пьер ещё раз, более обстоятельно, рассказали ей обо всем, что случилось до её появления. Молочный брат Доминик утверждал, что странный виллан вел себя надменно и вызывающе.

«Можно подумать, госпожа, что на нем не грязная рубашка, а герцогская мантия!» - воскликнул даже он. Оба юноши говорили также, что он чуть ли не сам полез с ними в драку. «Это с голыми-то руками, против вас, вооруженных мечами?» – недоверчиво спросила она их. «Да, Доминик; и надо было видеть, как легко он ускользнул от наших ударов! Он улыбался, как будто мы с ним просто играли игрушечными мечами!»

Все это было очень странно и непонятно... Но тут её размышления прервал возглас Пьера:

– Госпожа! Нас догоняют двое рыцарей!

Она высунула голову и посмотрела назад. Всадники были уже совсем близко. Они скакали очень быстро, и уже почти обогнали паланкин, как вдруг тот, что ехал впереди, невысокий и плотный, в синем бархатном плаще, на прекрасном гнедом жеребце, натянул поводья; его спутник последовал его примеру.

Рыцарь снял свой шлем и, подъехав к носилкам, поклонился Дом, видимо, сразу признав в ней знатную даму. Голова его была увенчана большой сверкающей на солнце лысиной. У него было широкое добродушное лицо со слегка приплюснутым носом и маленькими голубыми глазами. Странно, но лицо это показалось Доминик знакомым. Улыбнувшись девушке, он произнес:

– Я не ошибся, ведь это – герб Руссильонов? – и он показал на красный герб на дверце.

– Да, мессир, вы не ошиблись, – отвечала Дом.

– А вы, госпожа, не одна ли из дочерей покойного графа?

– Совершенно верно, я – графиня Мари-Доминик де Руссильон.

– Я очень рад встрече, госпожа. Разрешите представиться – барон Этьен де Парди, нормандский дворянин. Я знавал вашего почтенного батюшку при дворе короля Людовика Восьмого... Скорблю о вашей утрате!

– Барон де Парди? – спросила Дом. – Не приходится ли вам родственником Жерар де Парди?

– Да, госпожа, я – его дядя... Бедный Жерар! Он погиб несколько лет назад...

– Я не знала об этом. Сочувствую вам, барон, – теперь Дом видела, что он, действительно, очень похож на оруженосца Черной Розы.

– Да, погиб, – грустно повторил барон. – Вернее, мы полагаем, что он погиб... – И он оглянулся на своего спутника, который ехал по-прежнему немного позади, молча и не снимая своего шлема.

– Простите, прекрасная графиня, я не представил вам своего друга. Мишель де Круа, рыцарь, недавно вернувшийся из Святой Земли. Вы должны извинить его за непочтительность к вам, – он не может обнажить голову, ибо дал обет носить шлем, не снимая его ни перед кем, пока не увидит свою даму сердца.

Доминик кивнула. Она хорошо знала, какие, порой самые нелепые, обеты давали рыцари, отправляясь воевать за Гроб Господень. Она вежливо улыбнулась Мишелю де Круа, поглядев в узкую прорезь забрала его шлема. На секунду глаза их встретились. Хотя солнце светило рыцарю в спину, и голова его была в тени, она успела увидеть светлые глаза, цвет которых она не успела рассмотреть, но которые сразу заставили ее насторожиться. Она уже смотрела в такие глаза! И совсем недавно! Но он тут же отвел взгляд.

– Вы направляетесь в Париж, графиня? – спрашивал, между тем, де Парди.

– Да, господин барон, я еду в столицу.

– К родственникам, вероятно?

– Нет; я приглашена ко двору королевой.

– Королева пригласила вас в Париж? Лично?

– Да; ко мне прибыл её гонец; я буду придворной дамой её величества.

Девушка заметила, что спутник барона, хоть и едет полуотвернувшись, но, тем не менее, внимательно прислушивается к каждому её слову. Когда Дом сказала, что приглашена в столицу лично королевой, то бросила в этот момент взгляд на руку рыцаря де Круа, и увидела, как судорожно сжались его пальцы в стальной перчатке на рукояти меча.

«Что могло так его взволновать в этой болтовне? – удивленно подумала Дом. – Он явно чем-то встревожен!»

Продолжая отвечать на вопросы барона, она украдкой приглядывалась к его другу. Вот он опять посмотрел на неё... Светлые глаза! Где, где она их видела? Мишель де Круа... Мишель!

Её вдруг озарило. Конечно! Точно такие же глаза были у того крестьянина там, у реки! И он тоже назвался Мишелем! И у него была такая же фигура! Высокий рост... широкие плечи...

Как странно! Что это все могло значить? Она теперь уже откровенно разглядывала рыцаря. Плащ на нем не богатый, как на бароне. И лошадь – совсем для него неподходящая! Не то что высокий гнедой жеребец, – вот на нем этот человек смотрелся бы совсем по-другому... А шпоры золотые! И латы. Хоть Мишель де Круа и запахнул плащ, но Доминик все же разглядела серебряные насечки. Такие доспехи не по карману простому рыцарю!

Плащ... конь... латы... Если этих двоих мужчин поменять местами, – и она мысленно это проделала, – то все встанет на свои места. «Они поменялись лошадьми... и плащами. Но для чего? для чего весь этот маскарад? Неужели... для меня?»

Она вспомнила того Мишеля, у реки. Босой, измазанный в грязи, в рваной камизе. Неужели это он едет сейчас рядом с де Парди? А, может, и барон – вовсе не барон?.. Как она могла так легко поверить незнакомцам! Но нет. Слишком большое сходство между дядей де Парди и его племянником Жераром. И все же... что за игру ведут эти два рыцаря?

Вдруг Дом придумала, как ей проверить, тот ли это Мишель. Уж голос-то его она узнает!

Она неожиданно повернулась к нему и спросила, перейдя на окситанский:

– Неужели вы, господин де Круа, дали ещё и обет молчания, и не промолвите ни слова?

Он слегка вздрогнул, но ответил по-французски, хоть и с запинкой:

– Я не понимаю, что вы сказали, графиня.

«Нет, ты понял!» – злорадно подумала Доминик. Она торжествовала – это был голос ТОГО Мишеля! Правда, из-под забрала голос звучал глуховато... но это был его низкий, хорошо запомнившийся ей голос!

Мысли девушки понеслись вскачь. Рассеянно она отвечала на учтивые расспросы де Парди о самочувствии ее сестер. Да, там, на реке, был он, этот Мишель де Круа! Теперь

понятно, почему он не поднимает забрала. Бойтся, что его узнают! Не она – так Пьер или Филипп!

Но тут ей пришла на ум новая мысль. Перед ней явно был богатый и знатный сеньор. К чему было ему раздеваться и пачкаться в грязи... и садиться на её Снежинку?

Что он там делал, там, на берегу? Купался – и вдруг увидел её кобылу? И решил прокатиться на ней? Может, она его сначала сбросила... и поэтому он был такой грязный?

«Чушь! – подумала Дом. – Купаться в такой мелкой речке!»

Нет. Что-то не сходится. Ну, допустим, он увидел породистую лошадь и решил поймать её, потому что рядом не было хозяев. Спустился, наверное, с обрыва и упал, поэтому так и измазался. Чтобы знатный рыцарь разделся чуть не догола и, босой, полез с обрыва за какой-то, пусть и чистокровной, лошастью? Станный поступок! И почему тогда Мишель де Круа не отдал Снежинку Пьеру и Филиппу? Сказал ее пажам, что это – не их лошадь. И дрался за нее! И чуть не погиб!..

«Ведь мальчики могли убить его. И я могла застрелить его из лука. Можно было подумать, что Снежинка ему очень дорога!»

Разгадка была близка, и девушка почувствовала возбуждение. «Эта кобылица – подарок Черной Розы, мне, к свадьбе. Я очень люблю её и, конечно, дорожу ею. Кому еще она могла быть так же дорога, чтобы рисковать из-за нее жизнью, – как не самому герцогу, сделавшему своей невесте этот подарок?»

И тут у Доминик перехватило дыхание. Она судорожно сглотнула.

«Черная Роза! Неужели... Неужели это он? Он едет рядом со мной... в двух шагах!»

7. В Провене

Глаза девушки широко распахнулись, сердце забилось часто-часто. Он – совсем рядом!

Она может дотронуться до него рукой!.. Герой Альбигойских войн, таинственный герцог Черная Роза, легендарный рыцарь без страха и упрека! «И мой муж! – гордо добавила она про себя. – Он приехал за мной! Он сдержал свое обещание!» Ибо – что он мог делать ещё здесь, в Лангедоке, как не приехать за ней, за Доминик?

«Теперь я уже не стану придворной дамой королевы. Мне не надо будет никому угождать и прислуживать! Мой муж привезет меня в Париж, и представит их величествам. Я буду одной из самых знатных дам Франции. Ведь я – герцогиня, а он – кузен покойного короля и, значит, двоюродный дядя Людовика Девятого!»

Боже, какое счастье!.. Она взглянула на мнимого Мишеля де Круа с любовью и нежностью. Её взгляд говорил: «Да, хоть ты и не поднимаешь забрало, но я знаю, кто ты! И я – твоя, твоя навсегда!»

Девушка приложила руку к бурно вздымающейся груди. Там, на цепочке, под нижней рубашкой, висело его кольцо с печаткой. А он... носит ли он кольцо, которое послал ему с графом де Брие отец? Но руки мнимого Мишеля де Круа были в перчатках; увидеть на пальце знакомый перстень она не могла.

А рыцарь по-прежнему ехал молча, почти не глядя на неё. Что все это значило?..

Доминик охватило смутное беспокойство. Судя по словам де Парди, рыцари уже знали о смерти ее отца, – следовательно, скорее всего, они ехали из Руссильона.

«Мы разминулись утром. Они приехали в замок, и, услышав о том, что папа умер, а я уехала, поскакали за мной. Потом он увидел Снежинку – и полез за ней; потом дрался с Пьером и Филиппом, и тут появилась я. Он узнал меня – ведь он назвал там, у реки, мое имя; но не решился признаться, кто он. Наверное, ему стало неловко; ведь вид у него был, прямо сказать, довольно смешной! – Теперь Доминик чуть не рассмеялась, вспомнив всю давешнюю сцену. – Да уж... Вот была бы потеха, если б он вдруг сказал тогда: «Мадам, я ваш муж, гер-

цог Черная Роза!» А уж мальчики бы повеселились! И – какой актер! Ведь я ему почти поверила! Как ловко он изображал крестьянина! А эти слова про жену и детишек... Ему бы на подмостках выступать!.. – Дом улыбнулась; но улыбка её быстро угасла. – Ну хорошо; ТОГДА он не решился признаться мне. Но почему он не делает этого СЕЙЧАС? Да еще и поменялся с бароном лошадей и плащом, чтобы не быть узнанным?

Что, ему по-прежнему неудобно, что я встретила его у реки в нижнем белье? Ерунда! Мы бы вместе посмеялись надо всем этим. В конце концов, он мой муж... и скоро я увижу его совсем без одежды». От этой мысли ей неожиданно стало жарко.

Дом не успела рассмотреть его лицо там, у реки; к тому же, оно было в грязи и крови. Но уж фигуру-то она хорошо разглядела!

«Он самый красивый мужчина на свете! Высокий... стройный... мускулистый! Как, наверное, чудесно будет оказаться в его объятиях! И с лицом у него все в порядке. Уж какое-нибудь уродство или безобразный шрам мы бы заметили, – или Пьер, или Филипп, или я, даже под слоем грязи!»

А как легко он справился с ее пажами! Кто, кроме Черной Розы, мог бы, безоружный, улыбаться, когда ему угрожают мечом? «А ведь Пьер-то попал в точку, когда сказал про герцогскую мантию!»

Но почему, почему он едет молча и не говорит, кто он? «Может... может, я ему не понравилась? Уж не нашел ли он меня отталкивающей... или безобразной? Нет-нет, этого не может быть! – Она была уверена в своей красоте. – И к тому же, благородный и честный рыцарь – а он именно такой! – если уж он женился, обязан уважать и любить свою жену, даже будь она беззубой и лысой уродкой! В конце концов, под венец его не насильно тащили!.. Ну, почти не насильно, – всё же поправилась Дом.

Его молчание начинало раздражать её. «Можно подумать, что я ему чужая! Едет, как истукан! Да что же это все значит?»

Ей захотелось крикнуть ему, что она все знает... и даже швырнуть в него чем-нибудь, что только попадет под руку. Как она мечтала о той минуте, когда они встретятся, – об этой первой, заветной, минуте! О том, как он обнимет её и прижмет к своему сердцу. О поцелуе, которым он запечатлеет на ее губах свое право на нее... И что же, где все это? Рот ее искривился. Она готова была разрыдаться от бессильной злости, как ребенок, напрасно выклянчивающий у родителей красивую, но дорогую игрушку.

«И он, и де Парди... Оба, оба хотят свести меня с ума! Барон – своими улыбками и слащавыми речами, обильно усыпанными комплиментами... (она все еще старалась поддерживать разговор с бароном; впрочем, нормандец, увлекшись красивой девушкой, болтал уже чуть не сам с собой, и она могла ограничиваться кривыми улыбками и односложными фразами, почти не следя за ходом разговора и думая только о Черной Розе.) А он, этот мнимый Мишель – своим молчанием и безразличием.»

Но тут Доминик вновь осенило. Она вспомнила то мгновение, когда разговор зашел о том, что она едет ко двору, – и о королеве... Именно тогда мнимый Мишель явно напрягся, и рука его сжалась на рукояти меча. Вот она, разгадка! Значит, Бланш, та таинственная Бланш, о которой герцог упоминал ещё в замке, четыре года назад, – эта Бланш, всё-таки – сама королева!

«Как я могла сразу не подумать об этом! Его взволновало, что я еду к королеве... которую он любит! И которая, возможно, любит его. Говорят, она очень хороша собой... А тут – жена, которую он и видел-то один раз в жизни; и тоже едет в Париж! А я ему там совсем не нужна... или им, им обоим. Ведь королева не так давно овдовела, и теперь им гораздо удобнее продолжать свою связь! – Лицо Дом потемнело; в груди вдруг что-то больно сжалось. – Боже, конечно, все так и есть! Поэтому он и молчит... и, возможно, так ничего и не скажет! И, если, явившись ко двору, я все же заявлю, что я – жена Черной Розы, то меня просто высмеют... и он будет

первый! Он хочет, чтобы я по-прежнему думала, что он умер! Он и приезжал-то в Лангедок, чтобы убедиться в этом! А, может, надеялся, что я, „овдовев“, уже вновь вышла замуж? Да, так и есть! Негодяй!..»

Ноздри её раздувались, рот искажился. Она метнула на рыцаря в шлеме яростный и полный боли взгляд. «А на девизе-то: „Честь... будь спутница моя. И после смерти – постоянство...“ Где же она, твоя честь, если ты так поступаешь со мной, твоей законной супругой перед Богом?»

Она готова была крикнуть, чтобы носильщики поворачивали обратно в Руссильон. Что теперь ей делать в Париже? Прислуживать королеве – любовнице собственного мужа? Никогда, никогда! Лучше смерть!

Однако, вдруг она все же ошибается? Вдруг это – совсем не Черная Роза?.. Это было бы теперь облегчением – знать, что это не он. Что настоящий герцог – не клятвопреступник и прелюбодей. Доминик захотелось как-то разговорить рыцаря де Круа, раскрыть его тайну окончательно. В конце концов, невежливо ехать рядом с дамой и не сказать ей хотя бы несколько слов! Вон его друг – просто соловьем разливается!

«Сейчас проверим, действительно ли это герцог!»

И она с самым невинным видом обратилась к нему:

– Монсеньор!

Он тут же повернул к ней голову... Опять попался! Впрочем, он сразу ответил:

– Вы ошиблись, графиня; я – всего лишь простой рыцарь.

– Вот как? Извините. Мне хотелось бы спросить – если это, конечно, не тайна, – а что вы с бароном де Парди делали в наших краях? Вы приезжали по делам... или в гости?

– Мы приезжали... мы приезжали к моей даме, – он произнес это с видимым усилием; и низкий голос его как-то странно дрогнул.

«Вот как? – подумала Дом. – Он мог бы придумать что-нибудь попроще.»

– К той даме, единственной, перед которой вы можете открыть свое лицо, не так ли, рыцарь де Круа? – продолжила она допрос.

– Да, – глухо подтвердил он.

– И... вы с ней виделись?

– Нет, графиня. Простите, мне тяжело говорить об этом.

«Опять ложь! Да сколько можно! Однако... как дрогнул его голос!»

– Извините моего друга, госпожа, – став очень грустным, сказал ей барон. – У него большое несчастье.

– Неужели с его возлюбленной что-то случилось?

– Увы!

– Она... она не умерла, я надеюсь?

– Возможно, было бы лучше, если бы она умерла, – вздохнул де Парди.

Его сочувствие к другу явно было искренним. И опять Дом недоумевала. «Или оба они прекрасные актеры, или я чего-то не понимаю. Но все же – это он?.. Или не он?.. Что это за дама? Еще одна? В Париже – королева, а в Лангедоке – тоже женщина? О, это было бы уже слишком!» – Она снова злобно взглянула на рыцаря с опущенным забралом.

Ему же явно не хотелось продолжать этот тягостный разговор. Он произнес:

– Боюсь, дорогой де Парди, что мы утомили своими разговорами графиню де Руссильон. Нам пора.

– Ах, господа, вы меня совсем не утомили, напротив! – с принужденной улыбкой сказала Дом. – Дорогой барон, как все же хорошо, что я вас встретила!.. Вы, конечно, свой человек при дворе, и можете помочь мне.

– О, графиня, я весь к вашим услугам! – галантно воскликнул де Парди.

– Я никогда не бывала в столице. И у меня нет там ни близких, ни друзей. Скажите мне, барон, какова наша королева? Я много слышала о ее красоте, но хотелось бы знать и о ее характере; ведь я буду ее придворной дамой.

– Да, Бланш де Кастиль – настоящая красавица... – промямлил, сразу скиснув, барон, сильно покраснев и бросив быстрый взгляд на своего спутника. – А... а что касается ее характера... ах, прекрасная графиня, вы ставите меня в затруднительное положение! – Он явно был растерян.

«Почему он ничего не хочет сказать? Или не может... Из-за Мишеля де Круа! Ну что ж, придется спросить его друга!»

– Ну, а вы что скажете, господин де Круа? Я, право, не понимаю, почему барон не может мне ответить. – Она не ожидала, что рыцарь заговорит о королеве. Но он произнес:

– Я долго был в Святой Земле, графиня. И давно не был при французском дворе. Но я хорошо знаю Бланш де Кастиль. Да, она прекрасна; но она еще жестока, коварна и безжалостна. И, если вы хотите доброго совета, – возвращайтесь в Руссильон и не принимайте этого приглашения.

«Вот как! Вернуться назад? Спасибо вам, дорогой супруг! Но какими черными красками вы расписали мне свою возлюбленную!»

– Вернуться в Руссильон?... Ах, вы, наверное, шутите, мессир! – жеманно промолвила Дом. – В Лангедоке совсем не осталось мужчин. Эта ужасная война! Где еще, как не в столице, я смогу найти себе достойного жениха, с титулом и богатством?

«А что вы на ЭТО скажете, мой драгоценный супруг, герцог Черная Роза?»

Он смотрел теперь прямо ей в глаза, не отводя взгляда. Кажется, он даже слегка усмехнулся. Её слова позабавили его?..

– С вашей красотой и достоинствами, графиня, у вас нигде не будет недостатка в женихах. К чему вам ехать в Париж? В этот мрачный холодный город! Край, где вы родились и выросли, так прекрасен! Да, ещё выжжена земля, растоптаны сапогами наемников сады и виноградники, ещё пропитаны кровью ваших несчастных земляков берега рек и плодородная земля Лангедока. Но он возродится, и очень быстро! Здесь ваше место, здесь, где дышится легко и где такой простор, а не при дворе, где царят интриги, злоба, зависть и развращенность. Оставайтесь здесь, Мари-Доминик де Руссильон и, я уверен, вы найдете и здесь достойного мужа! Я даю вам этот совет, как дал бы его любящий БРАТ своей любимой СЕСТРЕ.

«Значит, я была права! Он отказывается от меня! Советует не уезжать – и выйти замуж! Пожалуйста, дорогая супруга – вы свободны! Благословляю вас на новый союз! И ведь говорит это как ни в чем ни бывало!» Злоба душила Дом. Низкий, низкий негодяй!..

– Извините нас, графиня, но нам всё же пора. Едем, барон?

– Да, конечно, – согласился нормандец. – Простите, прекрасная графиня. Надеюсь, что мы еще увидимся в столице.

– Вы едете сейчас туда, господа?

– Нет, мы едем в Провен. Там послезавтра будет большой турнир. Весь двор будет там!

– И королева?

– И королева, и юный король!

– А вы примете участие в турнире?

– Возможно, госпожа!

«Конечно, примете! Уж Черная Роза так обязательно!»

Рыцари поклонились и тронули лошадей. Через несколько минут они были уже далеко.

Они оставили Доминик в абсолютно растерзанных чувствах. Она ничего не понимала. Что ей делать? Ехать вперед – или вернуться назад? Кто был перед ней только что – её супруг, герцог Черная Роза... или неизвестный рыцарь Мишель де Круа?

Кто, кто мог подсказать ей, была ли она права или ошиблась?

«Нет, я не поверну! – вдруг твердо подумала она. – Я не смогу жить в этой неизвестности! Пусть я узнаю самое страшное... Что он окажется подлецом, негодяем, любовником королевы. Что он изменил всем клятвам, которые мне дал четыре года назад. Пусть он отвернется от меня, пусть мне в лицо скажет, что я не его жена! Но я хочу увидеть его с открытым лицом... а не в маске и не в шлеме с опущенным забралом! Долой весь этот маскарад! Но я смогу узнать, наконец, всё, только оказавшись в Париже! Я еду!»

...А герцог со своим верным другом скакали в Провен. Не только Доминик была в расстроенных чувствах; Черная Роза также пребывал в тревоге и недоумении. Он припоминал все подробности этой встречи на дороге.

Он, конечно, тоже наблюдал за девушкой. Её лицо выражало почти все её чувства; она ещё не научилась прятать их, и ее непосредственность и естественность покорили герцога. Он, конечно, сразу понял, что она, например, раскрыла его инкогнито, – как она внимательно разглядывала его с ног до головы, отмечая каждую деталь его одежды, его коротконогую приземистую лошадку... А потом посмотрела на де Парди и коня под ним. И потом – эта торжествующая улыбка! «Да, она узнала бы меня, даже если бы я назвался не Мишелем, а другим именем!»

Потом, видел Черная Роза, лицо ее опять стало напряженным, хоть она и отвечала что-то барону. Она пыталась понять, что такой дворянин, явно богатый и знатный, мог делать у реки. «Она опять улыбнулась – вспомнила, как я ужасно выглядел в тот миг, когда она в меня целилась. А потом... Потом её лицо вдруг озарилось такой радостью! И она ТАК посмотрела на меня... Что, если бы вокруг нас никого не было, я бы не смог, наверное, сдержаться и прильнул к ее устам. Это был призыв – откровенный призыв! И счастье в ее синих очах... Почему? Что она тогда подумала?»

Могла ли она догадаться, что я – Черная Роза? Могла; ведь я боролся за Снежинку чуть ли не насмерть. Но почему ЭТО могло ее так обрадовать? Я – муж ее сестры. Какое ей до меня дело? А она смотрела на меня влюбленными глазами... да, это был взгляд влюбленной женщины, черт возьми! Ничего не понимаю! А через несколько минут она опять изменилась, помрачнела, сдвинула брови. И так смотрела, как будто ожидала, что я должен ей что-то сказать, что-то очень важное, жизненно важное! Доминик! Чего ты ждала от меня?.. А затем она разозлилась, и глаза ее стали метать молнии... И она взглянула на меня уже с ненавистью.»

Нет, герцог не понимал ее! Вся эта мучительная гамма чувств на лице Дом оставалась для него загадкой. И всю дорогу до Провена он вспоминал не Мари-Флоранс, свою несчастную заточенную в обители жену, а Доминик.

Думал он и о Бланш де Кастиль. «Эта женщина ничего не делает просто так. Она расчетлива, холодна и безжалостна.» Его рука невольно легла на грудь. Там, под кольчугой, были отметины, оставленные рукой этой женщины.

«Почему Бланш пригласила в Париж именно Доминик? Если бы Мари-Флоранс – это было бы понятно, ведь она – моя супруга. Хотя я и не позволил бы своей жене стать дамой королевы. Но – Доминик? Что королеве эта девушка, которую она никогда не видела, о которой она ничего не может знать? Какая-то непонятная, но зловещая интрига! Нет, я не позволю Бланш причинить зло этой невинной девушке... своей сестре! Я буду защищать ее! Никто, никто не посмеет обидеть Доминик!»

Тем же вечером, остановившись на постоялом дворе переночевать, Дом вдруг вспомнила, что сказал де Парди. Весь двор будет в Провене! И королева... И этот загадочный Мишель де Круа... Ах, как ей захотелось увидеть этот турнир! Как давно она не видела подобных зрелищ – более четырех лет! В последний раз они были с отцом на рыцарском турнире в Каркассоне. Там всех победил первый меч Лангедока – муж ее сестры Марианны, граф де Монсегюр.

...Но ей не успеть в Провен. Турнир будет послезавтра, а они только добрались до границы Лангедока. Хотя... если поехать на Снежинке... можно попробовать успеть! Почему-то Доминик решила, что именно в Провене ей удастся распутать тот клубок сомнений, подозре-

ний, ревности, в котором она запуталась. «Может быть, разгадка не в столице, а ближе, в Провене!»

На рассвете она растолкала Элизу и Адель и сообщила им, что уезжает. Они хлопали глазами, ничего не понимая – их госпожа была одета, причем в мужскую одежду, с кинжалом у пояса.

– Я еду в Провен, – говорила им Дом. – С Филиппом. А вы с Пьером и носилками доберетесь до Парижа. Улица Амбуаз. Найдете дом отца и будете ждать меня там.

Через десять минут они с Филиппом уже скакали по дороге, направляясь к городку Провену, находящемуся к югу от столицы.

...Но они все же опоздали. Когда они въехали в городок, уже вечерело. Все дома и стены старой провенской крепости были увешаны знаменами и штандартами, и на большинстве их сияли золотые королевские лилии на лазоревом поле. Турнир проходил на ровной площадке около этой крепости. Тысячи зевак собрались посмотреть на редкостное зрелище, – ведь весь королевский двор съехался сюда из Парижа. Это был первый большой турнир после смерти короля Людовика Восьмого.

Доминик никогда не видала ещё столько людей, самого разного звания, в носилках, портшезах, верхом и пешком; они теснились на узких улочках городка, создавая невообразимую толкотню и давку. Это был какой-то муравейник; двигавшиеся в одном направлении люди казались медленно текущей рекой; и, попав в это течение, Дом и Филиппу ничего не оставалось, как следовать туда, куда тащила их за собой эта разноголосая, кричащая, плачущая и смеющаяся масса народа. Неожиданно улочка, по которой их влекла толпа, раздвинулась, и молодые люди оказались на довольно широкой городской площади.

В центре этой площади был установлен украшенный цветами и флагами высокий помост, – на флагах были изображены те же французские лилии, а также герб Кастильского Дома – трехбашенный замок на красном поле. На помосте были воздвигнуты два трона: один – повыше – для малолетнего короля, второй – для королевы-регентши. Их величества сидели на тронах, но вполоборота к тому месту, где находились Дом и Филипп, и девушка почти не смогла их разглядеть.

Как раз, когда Доминик и ее паж въехали на площадь, шесть королевских герольдов в синих одеждах протрубили в серебряные трубы, призывая к тишине. На помост поднялся главный распорядитель турнира – герольдмейстер, очень высокий худой мужчина, пышно одетый и увешанный золотыми цепями, – и, низко поклонившись королю и королеве, повернулся к толпе внизу и провозгласил:

– Победителем турнира в Провене объявляется герцог де Ноайль!

Толпа ответила топотом ног и ликующими криками.

– Пусть победитель поднимется на помост и примет заслуженную награду из рук нашей государыни!

К помосту, приветствуемый криками народа, подъехал на гнедом жеребце рыцарь в красных доспехах и коричневом шлеме. Соскочив с коня и обнажив голову, он поднялся по ступеням помоста и преклонил колено перед королем и королевой. Королева, вся в белом, встала и возложила на его склоненную голову серебряный венок, украшенный сапфирами и рубинами, громко произнеся: «Победителю турнира в нашем славном городе Провене!»

Народ рукоплескал; рыцарь повернулся лицом к Доминик и торжествующе взмахнул рукой. ... И девушка увидела, что он высокого роста, широкоплеч и строен; у него были темные густые кудри и очень светлые голубые глаза. Сердце Дом остановилось... Это был он, герцог Черная Роза!

В остановившемся рядом с Доминик и Филиппом портшезе сидели две дамы, одна постарше, другая помладше. Вторая, когда победитель повернулся в их сторону, громко сказала:

– Боже, какой он все-таки красавец, этот Рауль де Ноайль!
Сомнений быть не могло! Две заветные буквы, «Р» и «Н» – как на вензеле!

Первая дама восхищенно вздохнула:

– Да... он красив, как Адонис! И, говорят, очень богат!

– И к тому же, милая Атенаис, кузен покойного короля!

– Дорогая, самое главное, что он еще и не женат! – лукаво усмехнулась та, что постарше.

Да, все таки Доминик не зря приехала в Провен! Теперь она знала имя своего мужа – Рауль де Ноайль!

8. Заговорщики

Как Доминик жалела, что опоздала на этот турнир! С огромным трудом ей и Филиппу удалось выбраться из Провена. Дорога на Париж была запружена всадниками и носилками, возвращавшимися в столицу. Было уже темно, накрапывал мелкий дождь. Как Дом любила теплые душистые ночи Лангедока, с рассыпанными по черному бархату неба яркими созвездьями, напоенные ароматом трав и цветов, стрекотаньем цикад!.. А эта холодная морось и низкие тучи без единого просвета навевали тоску и какое-то смутное чувство приближающейся опасности. Девушка не была склонна к мистике, но сейчас не могла избавиться от ощущения, что она, направляясь в Париж, как будто шагает в приготовленную для нее чьей-то неведомой, но коварной рукой ловушку. Как сказал тогда на дороге рыцарь де Круа? «Возвращайтесь в Лангедок. Там легко дышится, там простор и свобода...»

Но нет! Она не позволит себе впасть в уныние! Тем более теперь, когда она наконец нашла и увидела Его!

«Рауль де Ноайль! Рауль!.. Какое красивое имя! И как оно ему идет!» Дом даже не ожидала, что он окажется так хорош собой. Те дамы на площади называли его Адонисом. Но этот изнеженный любовник Афродиты, которому богиня даровала вечное бессмертие, совсем не нравился Доминик. «Нет; он больше похож на Ахиллеса, героя Троянской войны! Широкоплечий, мужественный, бесстрашный, ради славы готовый пожертвовать жизнью!»

Она слышала, как в толпе называли имена поверженных им рыцарей – достойные, знаменитые, гордые имена! Но Он был самым лучшим. Он создан, чтобы быть только победителем! Второе место не для Черной Розы – моего Рауля! – гордо сказала она себе. Да, он уже был для Дом ЕЕ Раулем. И, увидев его в Провене, девушка поняла – она ни с кем не поделится им!

В конце концов, он не так уж виноват в связи с королевой, – если, конечно, эта связь действительно существует. Ведь ЭТО началось еще до его свадьбы с Доминик; он был свободен – и так прекрасен, что было неудивительно, что Бланш де Кастиль не устояла.

«Эта связь длится более четырех лет. Но теперь она закончится. Я не допущу этого! Я отниму Рауля у королевы! Да, я буду бороться за него!.. И я одержу победу!»

Дом была уверена в этом. Хоть Мишель де Круа (если все-таки это был Рауль) и отводил от нее взгляд там, на дороге, и делал вид, что она ему безразлична, но Доминик чувствовала своим женским чутьем, что его равнодушие наиграно.

«Разве я не прекраснее Бланш? Ей, наверное, уже около тридцати. А мне всего семнадцать! На моей стороне – юность, красота... и моя беззаветная любовь к нему! Ради него, ради своего герцога Черная Роза я стерплю все, все, что ждет меня при дворе! Все, о чем мнимый Мишель предупреждал меня, я снесу – зависть, интриги, злобу... Лишь бы Он был моим!»

Ей страстно захотелось поделиться с кем-то своими мыслями и чувствами. Почему не с Филиппом? Ведь он знал о ней почти все!

– Филипп, – сказала она, поворачиваясь к скачущему рядом юноше. – Ты знаешь... Ведь победитель турнира в Провене – мой муж, герцог Черная Роза!

– Госпожа, откуда вы это узнали? – изумился Филипп.

– Я знала, и уже давно, его инициалы – «Н» и «Р». И что он – кузен короля. А Рауль де Ноайль – герцог и кузен покойного Людовика Восьмого!

– Неужели?

– Да. И я узнала его волосы... и глаза. У кого еще могут быть такие красивые светлые глаза? Ах, Филипп, я так счастлива!

В это мгновение впереди показался богатый паланкин, сопровождаемый не менее чем дюжиной верховых на прекрасных лошадях, с факелами в руках.

– Дорогу! Дорогу! – кричали они, заставляя едущих впереди всадников и носилки уступать им путь.

Доминик и Филипп не без труда объехали роскошный паланкин. Дом и ее верный паж продолжали свой путь; но, знай девушка, что в этих носилках говорят о ней, и ЧТО говорят, – она бы отдала полжизни, чтобы услышать этот разговор.

В паланкине сидели двое: мужчина и женщина. На женщине было белое платье, но сверху она накинула темный плащ. Мужчина был в черном. Женщина произнесла, продолжая начатый разговор:

– ...Так, значит, он уверен, что его жена – монашка? И он вернулся из Лангедока все с тем же убеждением?

– Кажется, да. Вы ведь видели его в Провене: он был мрачнее тучи. Как удачно получилось, что мы узнали о поездке герцога заранее и послали в Лангедок этого барона Моленкура! Хоть он и старик, но неглуп, и сделал почти всё так, как ему было велено. На обратной дороге он уже поджидал герцога и де Парди и, как будто невзначай, сообщил им, что Флоранс де Руссильон ушла в картезианский монастырь. Позже я сообщу вам о поездке герцога, – думаю, нашему человеку, служащему у него, удастся выяснить все подробности.

– Да, все сложилось удачно, – с усмешкой протянула женщина. – Мы собирались устранить его жену, – а она возьми и уйди в монастырь! Да еще к картезианкам, которые дают обет молчания. Он не смог, наверняка, повидаться с ней. А наши руки остались чисты!.. Бедный герцог Черная Роза! Его жена – и в монастыре! Я буду молиться ежедневно о ее здоровье. Пусть живет там долго! Как можно дольше!

– Как вы думаете, мадам, он не обратится к Папе с просьбой освободить его от брачных уз?

– Не волнуйтесь. Он этого не сделает! А если и попробует – я сумею помешать ему! – зло процедила женщина.

– Что ж, прекрасно; но не забывайте, мадам, что настоящая жена герцога – совсем не монашка, а Доминик де Руссильон!

– Но он-то этого так и не знает! И кольцо, и письмо графа де Руссильон к Черной Розе – в ваших руках... Кстати, а что со старым графом? Он знает чересчур много, и это может помешать нам.

– Вы же помните: у нас был свой подкупленный человек в Руссильонском замке. И в придачу старался как мог и мой Франсуа, – ну, а он-то мастер на все руки! Письма герцога – их было два – не дошли, благодаря Франсуа, до старого графа, и Руссильон долгое время оставался в неведении о том, что его зять жив. А среднюю дочь – настоящую жену герцога – старик отправил в монастырь к доминиканкам. К сожалению, сказав, что барон де Моленкур сделал как нужно почти всё, я имел в виду, что этот старый болван, вместо того, чтобы осторожно выпросить у графа, что тому известно о Черной Розе, и что тот собирается делать, – взял и сам разболтался, как базарная торговка! И проговорился, что зять Руссильона жив. Правда, выпили барон с графом в тот вечер немало... Конечно, Руссильон собрался ехать за дочерью к доминиканкам, – и пришлось его убраться.

– Графа Руссильона убили? – удивленно, но без особого испуга спросила женщина. – Не кажется ли вам, что это было... чересчур?

– О, мадам, старик и так дышал на ладан. А наш человек проделал все очень ловко. Никто ничего не заподозрил... Зато Мари-Доминик, жена Черной Розы, так и не узнала имени мужа.

– Вы в этом уверены?

– Да; вы же знаете, мои курьеры все время ждут с конями наготове недалеко от Руссильона. У меня всегда самые свежие новости оттуда! Наш человек из замка сообщил, что дочь графа вернулась из монастыря и застала отца при смерти; но он успел только сказать ей, что Черная Роза жив; а имени назвать не успел. Шпион подслушивал под дверью, и уверен, что Доминик ничего не известно об имени ее мужа.

– Значит, все висело на волоске? Как же вы это допустили!.. – вскричала женщина, и темные глаза ее сверкнули яростью.

– Старый граф не допил бокал, в который ему подсыпали яд... и прожил немного дольше, чем можно было ожидать, – объяснил мужчина.

– Что ж... Мир праху его, – довольно безразлично протянула женщина, но все же перекрестилась. – Продолжим; итак, вы послали в замок де Моленкура... А через несколько дней попросили меня написать приглашение Мари-Доминик де Руссильон приехать в Париж ко двору.

– Да. Мы же решили, что пора действовать, мадам! Я не думал, что старый граф узнает о том, что Черная Роза жив. А ваше приглашение было бы воспринято скорее как повеление, и Руссильон бы не посмел отклонить эту честь. Он забрал бы дочь из монастыря и послал бы ее сюда. А уж тут бы мы придумали, как с ней поступить!

– Жена Черной Розы... Интересно, какая она из себя? – спросила женщина, и в хрипловатом голосе ее невольно промелькнули ревнивые нотки.

– Наш шпион из Руссильонского замка, когда рассказывал о ней Франсуа несколько месяцев назад, говорил, что она вся рыжая, конопатая, нечесаная, смуглая, как тамошние крестьянки. И ругается, как сапожник! Ему можно верить, – этот человек знает дочь графа с детства.

– Как мило! – хищно улыбнулась женщина. – Может, ее и трогать не надо?... Пусть герцог узнает, что она – его жена. Славная будет парочка! Он, такой утонченный, ценитель искусств и женской красоты, – рядом с этой неотесанной грубой рыжей провинциалкой!

– Мадам, вы забыли, – он не должен иметь детей! Иначе мое право на майорат... -осторожно напомнил мужчина. – Как бы она ни была уродлива и невоспитанна, она – жена герцога, и ему волей-неволей придется лечь с нею в постель, если он хочет наследника.

– Я помню об этом, querido*. Но, Боже мой, неужели вам мало того, что у вас есть?

– Разве может быть мало? – сухо усмехнулся мужчина. – А Черная Роза гораздо богаче меня! А его имя? Гордое имя! Сколько лет я мечтаю заполнить его! Если б под Руссильоном мы не упустили его...

– Вы виноваты в этом! Тогда все было бы гораздо проще! Герцог бы погиб... – В низком хрипловатом голосе женщины звучал упрек, но в то же время у очень внимательного слушателя могло бы возникнуть подозрение, что она не совсем искренна с собеседником. – Да, он бы погиб! А его жена не могла бы претендовать на майорат. И, главное, – у Черной Розы не было тогда в руках БУМАГИ... Той ужасной бумаги, из-за которой мы теперь не можем покончить с ним! Тогда она была еще в руках моего мужа. А он бы не стал обвинять меня в смерти кузена, – герцог был бы убит разбойниками, на большой дороге, – обычная вещь в краю, охваченном войной! – Она с силой, так что хрустнули суставы, сжала руки. – О, где, где герцог прячет ее?

– Вы же знаете, что Франсуа обыскал весь дом герцога. Но ничего не нашел!

– Возможно, документ он хранит у какого-нибудь друга? У того же де Парди, например.

– К сожалению, мадам, мы этого не знаем наверняка! Но бумага найдется... Я прекрасно понимаю, как она важна для вас! И, когда она отыщется, – руки у нас будут развязаны, и мы расправимся с ненавистным герцогом!

– Если мой сын узнает о том, что в этом документе... – прошептала, содрогнувшись, женщина.

– Людовик еще слишком юн. Быть может, вы напрасно так боитесь этой бумаги?

– О нет, моему сыну одиннадцать лет, – но он прекрасно все понимает! И это мое признание... Он меня возненавидит, если прочтет это! И вас, кстати, тоже, ведь ваше имя тоже фигурирует в этой бумаге! О, я этого не вынесу! Зачем, зачем я тогда поддалась и подписала этот страшный документ! – чуть не со слезами воскликнула она.

– Вас заставил ваш покойный муж, – напомнил мужчина.

– Да... он меня заставил! И проклятый герцог вместе с ним! И теперь я не могу пошевелить и пальцем против этого негодяя! А во всем виноваты ваши люди, там, у Руссильонского замка, когда они убили вместо Черной Розы графа де Брие!

– Мои люди совершили страшную промашку, – подтвердил мужчина. – О, я тогда исполосовал Франсуа хлыстом, как собаку!

– Бедный де Брие! – вздохнув, сказала женщина и снова перекрестилась. – Вы были очень к нему привязаны.

– Конечно, мадам. Я не хотел его смерти! Но кто мог подумать, что он отдаст Черной Розе свой плащ?

– Но зато вы получили кольцо и письмо, из которого узнали так много интересного...

– Это верно. И мы все еще опережаем герцога! Для него Доминик – всего лишь сестра его жены, ушедшей в монастырь. Она тоже не знает настоящего имени своего мужа. Для нее он – по-прежнему только герцог Черная Роза... И скоро, совсем скоро она будет здесь! Мы сможем сделать с этой глупенькой провинциалочкой все, что только нам заблагорассудится! У нее в Париже нет никого из родственников и друзей, и некому будет вступить за нее.

– Да, птичка летит прямо в силок, – усмехнулась, вновь обретая хорошее расположение духа, женщина.

– А потом – представьте, мадам! – когда она будет опозорена, обесчещена, – герцог узнает, что это ОНА его жена! И уж тогда-то он вззоет, как пес, посаженный на цепь! С его щепетильностью в вопросах чести, при его безмерной гордыне, – быть связанным браком с падшей женщиной, над которой смеются, которую презирают, от которой отвернулся весь свет... Что может больше ранить нашего дорогого герцога?

– Когда же она приедет? – живо спросила женщина. Глаза ее блеснули в полутьме носилок.

– Наш человек послал последнего курьера из Руссильона три дня назад. Доминик де Руссильон как раз выезжала в Париж! Курьер прибыл в Провен сегодня вечером; он мчался, как вихрь, и сразу вручил мне послание.

– А ваш человек... он остался там, в замке?

– Его пришлось убрать; к чему лишние свидетели, не правда ли? Теперь мы ждем приезда жены Черной Розы. Совсем скоро она предстанет перед вами, мадам!

– О, дорогой, тогда готовьтесь к встрече! Мы должны придумать что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы ударить побольнее! Чтобы Черная Роза корчился и извивался, как уж на сковороде! Мы не можем убить его из-за проклятого документа, который связывает нам руки, – но можем заставить мучиться и страдать!

– Вы, кажется, хотели, чтобы я соблазнил эту провинциалочку?

– Это было бы неплохо.

– Но, поверьте, если я и сделаю это, – то только подчиняясь вашей воле, – покорно, но с видимым отвращением произнес мужчина. – Вы же знаете, после вас мне все женщины кажутся уродками... – И, наклонившись к женщине, он припал к ее руке.

– О, querido! Не волнуйтесь, – если она окажется таким страшилищем, я не заставлю вас соблазнять её. Мы придумаем, как поступить с ней. Мы все решим, когда увидим ее, – прошептала женщина. – Но, в любом случае, ОН должен страдать... Я была бы на седьмом небе, если бы он страдал бесконечно! Черная Роза – счастлив?.. Я этого бы не вынесла!

– Я позабочусь о том, чтобы вы смогли насладиться мстью, мадам! Чтобы мы оба насладились ею... сполна! – И он, стянув с ее плеч плащ, начал покрывать их жадными поцелуями.

– О Боже... Неужели вы еще не устали? – простонала она, изгибаясь под его руками.

– Нет, мадам. Вы – как богиня Гея, дающая неиссякаемые силы Антею! С вами я неутомим!

*querido (дорогой, исп.)

9. Знакомство с Очо

...Доминик и Филипп подъехали к особняку графа Руссильона на улице Амбуаз далеко за полночь. Дождь, сначала моросивший, уже давно лил как из ведра, и всадники вымокли до нитки. К счастью, Элиза, Адель и Пьер уже приехали; Элиза хлопотала на кухне, а Пьер разжег камин в нижней зале и комнате, предназначенной графине де Руссильон. Филипп остался в конюшне расседлывать лошадей.

Адель, завидев свою госпожу, мокрую насквозь, бросилась готовить ей ванну. Стуча зубами, Дом стянула с себя мужскую одежду в своей комнате и с наслаждением погрузилась в горячую воду, потихоньку начиная чувствовать, как заломило все тело – с непривычки; ведь она уже давно не ездила верхом, а тут два дня провела в седле!

Затем они, все впятером, хоть это и противоречило всем правилам – есть с прислугой! – сели ужинать в нижней зале. Особняк Руссильона очень давно стоял запертый, – граф не был здесь лет семь, – и большинство комнат, как сообщил Пьер, были крайне запущены; везде были мрак, плесень и паутина. Столы, сундуки, кресла и лавки были покрыты белыми чехлами, зеркала задрапированы.

– Ничего, – бодро сказала Доминик, – несмотря на боль в каждой клеточке тела и непрерывный шум дождя за окном, она пребывала в прекрасном расположении духа, – возможно, нам не придется здесь жить долго! Мой муж не погиб, и скоро мы все будем жить в его доме! Нет, – поправила она, – не в доме – во дворце! Ведь он – герцог, и должен жить во дворце! Ну, или в замке.

Элиза, Адель и Пьер смотрели на свою госпожу, выпучив глаза. Они втроем до сих пор не знали, что заставило юную графиню, сразу после смерти отца, выехать в Париж. Об этом было известно пока только отцу Игнасио и Филиппу.

– Ваш муж, госпожа? – воскликнула Элиза. – Герцог Черная Роза?.. Он жив?

– Да, – гордо сказала Дом. – И я уже знаю, как его зовут! Его имя – Рауль де Ноайль! Пока об этом известно только вам, но скоро весь Париж узнает, что мы с ним – супруги!

На следующее утро Доминик проснулась довольно поздно. «Удобно ли будет в такое время представляться ко двору?» – подумала она. Но ей так захотелось увидеть вновь Рауля!

«Он наверняка будет сегодня во дворце... Я должна поехать туда!»

Выбор платья не затруднил девушку; так как отец ее скончался, она надела черное бархатное платье, и ограничилась, вместо дорогих драгоценностей матери, которые тоже привезла в столицу, одним лишь золотым распятием на груди. «Я бы могла надеть на палец ЕГО

кольцо... Но нет! Сначала я посмотрю на ЕГО руку!» Почему-то Дом была уверена, что перстень, который передал ее отец графу де Брие, обязательно будет на пальце Рауля.

«Вчера после турнира, когда его наградила королева, его руки были в перчатках... Но сегодня он наверняка будет без них!»

Она взяла с собою также верительные грамоты, доказывавшие ее происхождение, и приглашение королевы, которое вручил ей в замке отца гонец несколько дней назад. Под платье, на нижнюю рубашку, Доминик надела кожаный пояс, к которому был прицеплен крошечный кинжальчик. Она всегда теперь носила его с собой. «Тетя Агнесс говорила, что при дворе возможно всякое. И Мишель де Круа тоже предупреждал меня о дворцовых интригах и кознях. Вдруг он мне понадобится?..»

Носильщики бодро шагали с портшезом графини де Руссильон к острову Ситэ, где в то время располагалась резиденция французских королей. Погода разгулялась, выглянуло солнце, и на душе Дом было легко и спокойно. Скоро, совсем скоро она увидит Рауля... и, может быть, уже через несколько часов он назовет ее своей законной женой и герцогиней!

Носилки проехали по улице Сен-Дени, и вот их уже внесли на мост Менял, застроенный домиками и лавочками так, что Сены внизу даже не было видно. Сразу за мостом располагалась королевская кордегардия. Трое караульных в кирасах и шлемах попросили ее предъявить пропуск; но, как только Доминик протянула им приглашение, они тотчас низко поклонились ей и открыли ворота перед ее портшезом и Пьером и Филиппом, сопровождавшими свою госпожу верхом.

Итак, Дом оказалась на территории королевского дворца. Конечно, это не был Лувр, пышный и богатый, со множеством залов и комнат, который построили намного позже. Дворец королей Франции в тринадцатом веке был похож скорее на крепость. Но он не выглядел мрачным и неприступным; сложенные из светлого камня стены, синие и красные заостренные башенки, украшенные флагами Франции и Кастилии, придавали ему вид почти праздничный и веселый. К тому же дворец утопал в зелени разбитых вокруг него стройными рядами фруктовых садов.

Как только Доминик вышла из носилок и сделала несколько шагов к парадному подъезду, к ней поспешил невысокий пухленький человек, назвавшийся распорядителем двора. Взяв у Дом ее бумаги и мельком просмотрев их, он знаком велел Пьеру и Филиппу остаться во дворе и пригласил девушку следовать за ним. Он привел Доминик в довольно большую залу, где уже находилось несколько кавалеров и рыцарей, вероятно, также ждущих аудиенции у их величеств. Толстяк указал ей на табурет с бархатной обивкой и, поклонившись, промолвил:

– Прошу вас, подождите здесь, графиня. Я передам ваши бумаги монсеньору сенешалю. За вами придут.

Доминик опустилась на табурет. Она взглянула на мужчин, стоявших недалеко от нее, у окна; но Рауля де Ноайля среди них не было. Доминик задумалась. Множество вопросов роились у нее в голове. Как ее встретит королева? Увидит ли она своего мужа сегодня? Что вообще ее ждет в Париже?

Но вдруг перед ней оказался человек, каких Доминик ещё не приходилось встречать в своей жизни. Это был маленький кособокий уродец-карлик, горбатый и кривоногий, с большими черными глазами, неожиданно умно смотрящими с маленького не по-детски серьезного личика. Одет карлик был очень роскошно – на нем было одеяние фиолетового цвета, расшитое золотом; на шее, которой почти не было, висела толстая золотая цепь, а к поясу был прицеплен маленький и похожий на игрушечный меч, но тоже с золотой рукоятью. Низко, но с достоинством, поклонившись Доминик, человек произнес с каким-то еле уловимым акцентом:

– Мадемуазель! Пять молодых людей желают познакомиться с вами, но боятся подойти к вам. Вы ослепили их своей красотой, и все они горят желанием стать вашими верными рыцарями. Не угодно ли будет вам назвать мне свое имя, чтобы я мог передать его им?

Девушка посмотрела на кавалеров. Все они были довольно молоды, одеты весьма пышно и даже крикливо, в разноцветных штанах и котарди, в туфлях с непомерно длинными носами; даже свои мечи они подвязали лентами, что особенно насмешило ее. Похоже, оружие служило кавалерам лишь для украшения, и Дом усомнилась, знают ли они вообще, как с ним обращаться. Мужчины подошли поближе, чтобы услышать ее ответ.

– Передайте этим господам, мессир, что я прибыла сюда, чтобы стать придворной дамой ее величества Бланш де Кастиль. Я не уверена, что в обязанности дамы вдовствующей королевы входит подобное заведение знакомств. Но я при первой же возможности поинтересуюсь об этом у нашей государыни.

Карлик снова поклонился и отошел к молодым людям, которые, услышав ответ прекрасной девушки, сразу ретировались к окну. «Вот так их! – подумала по-окситански Дом. – А, если бы я сказала, что я – жена Рауля де Ноайля, – их бы уже и след простыл! Улепетывали бы так, что только пятки бы засверкали!»

Она представила себе, как отвисли бы челюсти у этих расфуфыренных молодых хлыщей, знай они, кто является ее мужем, и усмехнулась. Герой вчерашнего турнира, самый сильный и смелый из всех рыцарей французского двора, – кто мог сравниться здесь с ним?

Но тут маленький человечек опять подошел к Доминик.

– Прекрасная госпожа, – промолвил он, снова кланяясь. – Ваш ответ мне понравился. Надеюсь, однако, что вы не откажетесь познакомиться со мной? Ведь я отнюдь, как вы, наверное, догадываетесь, не претендую на звание вашего верного рыцаря.

– О, конечно, – улыбнувшись, сказала девушка. Этот забавный человечек ей почему-то нравился. – Меня зовут Мари-Доминик де Руссильон. А вас, мессир?

– Меня зовут Очоаньос, прекрасная госпожа!

– Очо... аньос? – недоумевающе произнесла Дом. Но почти сразу же поняла: это же по-испански! И акцент у него испанский!

– Очоаньос – восемь лет, не так ли, мессир?

Карлик даже подпрыгнул.

– Вы знаете испанский, сеньорита?

– Да, я говорю по-испански.

– Верно, мое имя переводится как «восемь лет», или «восемилетний». Ведь по росту я как ребенок! Это, конечно, не настоящее мое имя. Настоящее я давно забыл... Впрочем, меня можно называть просто Очо. Это короче и легче! Я – любимый карлик королевы Бланки Кастильской! В свое время, выходя замуж за французского принца Людовика – ныне покойного короля Людовика Восьмого, – она привезла меня с собой из столицы Кастилии – Бургоса.

– Я очень рада знакомству с вами, сеньор Очо, – приветливо сказала Доминик, делая изящный реверанс.

– Я тоже! Но, дорогая сеньорита, позвольте дать вам один совет... и не считите это за дерзость.

– Говорите, сеньор Очо.

– Видите ли, – чуть понижая голос, промолвил маленький горбун. – При французском дворе не говорят по-испански. Вернее – этот язык здесь почти никто не знает.

– Да, конечно. Но ведь наша королева, Бланш де Кастиль – испанка? Разве ей будет не приятно, если во дворце появится придворная дама, говорящая на ее родном языке?

– В этом все и дело, прекрасная сеньорита! Королева говорит по-испански... И у нее есть доверенное лицо – ее первая дама, донья Инес де Луна. А, как вам, наверное, известно, – где у двух женщин свои секреты – третьей не место.

– Кажется, я поняла вас, сеньор Очо. И очень благодарна за ваш совет.

«Возможно, он и прав, – решила Доминик. – Я буду пока молчать, что знаю испанский!»

Но тут дверь в соседнюю залу распахнулась, и из этой комнаты вышел высокий тощий человек с изможденным лицом и седыми волосами – тот самый, который в Аржантее объявлял победителя турнира. Он был одет в парадный котарди коричневого цвета, обильно расшитый жемчугом и драгоценными камнями; в руке мужчина этот держал знак своего высокого ранга: золотой жезл сенешаля – главного распорядителя королевского двора.

Подойдя к Доминик, он поклонился и сказал:

– Графиня де Руссильон! Я – герцог Матье де Монморанси, сенешаль Французского королевства! Их величества сейчас примут вас. Извольте следовать за мною.

10. Представление ко двору

Доминик прошла за сенешалем несколько пустых зал; наконец, они остановились перед высокими позолоченными двустворчатыми дверями; вместо ручек у них были львиные головы, держащие в зубах золотые кольца. Герцог де Монморанси потянул за эти кольца, и тяжелые двери медленно растворились. Он первым вступил в залу и, пристукнув своим жезлом об пол три раза, громко провозгласил:

– Графиня Мари-Доминик де Руссильон!

Дом вошла. Девушка не ожидала, что зала окажется так велика: она тянулась шагов на сто, не меньше. В самом ее конце находилось возвышение, на котором, как и в Аржантее, стояли два трона. На одном, повыше, сидел король, Франции, юный Людовик Девятый, на другом – королева-регентша, его мать. От самых дверей тянулась длинная парчовая алая дорожка, кончавшаяся у подножия тронов. С двух сторон этой дорожки стояли дамы и кавалеры, ярко и богато одетые, многие просто сияющие драгоценностями и золотом.

Доминик, невольно затаив дыхание, шагнула на эту дорожку. Она старалась идти плавно и медленно, как учила ее тетя Агнесс, расправив плечи и подняв голову. Но смотреть по сторонам, где стояли все эти знатные вельможи, или вперед, где сидели их величества, девушка все же не смогла, и шла, опустив глаза на красную парчу.

Дамы делали ей реверансы, а кавалеры кланялись, когда она проходила мимо них.

Сердце ее стучало так громко, что, казалось, все вокруг слышат его биение. Но не от страха, нет! Просто, возможно, где-то здесь, совсем рядом, находился ее муж, Рауль де Ноайль. Если бы Дом набралась только смелости и посмотрела вокруг себя!.. Но это было выше ее сил.

Когда Доминик была уже шагах в двадцати от трона, она вдруг услышала впереди негромкий хрипловатый женский голос:

– А нам сказали, что она вся в веснушках и смуглая, как крестьянка.

Эти слова были произнесены тихо, – но у Дом был прекрасный слух, а в зале стояла полная тишина, – и на испанском; и произнесла их, несомненно, королева, потому что второй женский голос, на том же языке, ответил:

– Ваше величество, посмотрим еще на ее манеры.

Лицо Дом вспыхнуло. Ведь говорили о ней!

Она не выдержала и подняла глаза. Королева сидела с абсолютно неподвижным лицом; рядом с ней, справа, немного позади трона, стояла очень худая женщина в темно-бардовом платье. Лицо этой женщины тоже ничего не выражало.

Дом чуть не задохнулась от гнева. «Вот лицемерки!.. И так спокойны!» Ей страшно захотелось ответить им на чистейшем испанском, что она все поняла. Но тут она увидела Очо, – он уже пробрался к трону и сидел в ногах королевы с книгой в руках. Он смотрел в книгу, – но прикладывал палец к губам, и этот жест явно предназначался ей, Доминик...

Она поняла карлика. Как сказал тогда загадочный Мишель де Круа: «Королева коварна, жестока и безжалостна.» Похоже, он не солгал!

Доминик подошла к подножью трона. Лицо ее пылало; но это легко было принять за волнение юной провинциальной дебютантки. Когда она начала свой путь от дверей залы, то хотела сделать королеве изящный реверанс, которому ее столько раз учила тетя Агнесс. Но теперь намерения Дом изменились. «Они хотят посмотреть на мои манеры – ну так вот же им!»

И она нарочно неуклюже поклонилась их величествам, подражая крестьянкам из Лангедока. Королева слегка улыбнулась, а женщина за ее спиной даже фыркнула.

Но, когда Бланш де Кастиль заговорила с девушкой, голос ее прозвучал очень мягко и ласково, как мурлыканье большой сытой кошки:

– Мы счастливы приветствовать вас при дворе, юная графиня де Руссильон... Но мы видим, что вы в трауре?

– Ваше величество, мой отец скончался несколько дней назад.

– Какое несчастье! – промурлыкала королева. – Примите наши искренние соболезнования, графиня. Ваш батюшка был достойным дворянином, и наш покойный супруг, король Людовик, весьма ценил его.

Дом опять присела.

– Но, право, вы могли тогда так не торопиться с приездом, любезная графиня. Ваше горе нам понятно и близко, – ведь и мы совсем недавно лишились нашего венценосного супруга.

– Ваше величество, ваше милостивое приглашение совпало с моим собственным горячим желанием приехать ко двору.

– Вот как? Что же так влекло вас сюда... мое милое дитя?

– Желание увидеть нашу великую и добрую повелительницу и ее несравненного сына – короля Людовика. – Дом постаралась влить в этот ответ некую толику яда. Очо быстро поднял глаза на Дом и, скорчив рожицу, укоризненно покачал головой; но Бланш легко проглотила наживку: похоже, лесть была приятна королеве, и она ответила, благосклонно улыбнувшись девушке:

– Что ж, дорогая графиня, добро пожаловать ко двору! Уверена, вам понравится в Париже... Лангедок скучен и провинциален, а здесь, в столице, так весело, здесь столько развлечений для молодой незамужней девицы и, мы надеемся, горечь вашей утраты скоро забудется! Мы принимаем вас на должность нашей придворной дамы. Герцогиня де Луна, прошу вас, позаботьтесь о нашей юной гостье, познакомьте ее с другими нашими девушками. И пусть кто-нибудь из них разъяснит графине ее обязанности.

Находившаяся за тронем королевы женщина лет сорока, высокая и очень тощая, с увядшим лицом и маленькими злыми черными глазками, сошла с возвышения и, подведя Доминик к стоявшим справа от тронов четырем девицам, представила их новой даме королевы.

Девушка была так возбуждена всем происшедшим, что запомнила только одно имя – баронесса Мадлен де Гризи; это была маленькая шупленькая довольно хорошенькая блондинка, но с таким испуганным и забитым выражением лица, что, увидь ее Дом где-нибудь на улице – непременно приняла бы баронессу за служанку в доме деспотичного и жестокого хозяина. Три другие девицы были гораздо веселей; они тихо перешептывались и хихикали между собой. Но обсуждали они явно не новую даму ее величества, и Доминик скоро перестала обращать на них внимание. Теперь, когда она была представлена ко двору и самое мучительное – пройти через эту залу под взглядами сотен глаз – было позади, она могла осмотреться... и поискать своего мужа. Где же он?

...Но Рауля де Ноайля не было в зале. Тогда взор Доминик устремился на троны и королеву с королем. Их величества принимали по очереди тех кавалеров и рыцарей, которые ждали до этого в приемной вместе с Доминик.

Естественно, сначала Дом как следует рассмотрела свою предполагаемую соперницу – Бланш де Кастиль. В описываемое нами время ее величеству королеве-регентше было немного за тридцать. Современники называли ее одной из прекраснейших женщин той эпохи; и они не лгали. Королева была жгучая брюнетка; пышные черные волосы ее были убраны под белую кружевную мантилью, ниспадающую красивыми складками с высокого золотого гребня, вколотого в прическу. У Бланш были огромные темно-карие чуть приподнятые к вискам глаза, обрамленные длинными ресницами, немного хищный нос с глубоко вырезанными ноздрями, чувственно-яркие алые губы и чистая нежно-оливкового цвета кожа.

Несмотря на множество родов (у королевы было тринадцать детей, из которых остались в живых семеро), она сохранила прекрасную фигуру; правда, подбородок начал слегка оплывать, и талия раздалась; но все же Бланш де Кастиль по-прежнему могла называться очень красивой женщиной. По обычаям французского двора, королева носила «белый» траур. На ней было снежно-белое атласное платье; на груди сверкал на длинной золотой цепи крест, усыпанный бриллиантами. Белый цвет очень шел к ее лицу, волосам и глазам; и она, конечно, знала это.

Его величество король Людовик Девятый был мальчик лет одиннадцати, с узким длинным лицом, карими глазами и вьющимися длинными волосами. Несмотря на свой юный возраст, держался он очень важно, сидел прямо и неподвижно, и только живые темные глаза выдавали его, – ему явно наскучила долгая аудиенция и, похоже, решила Дом, ему не терпелось вскочить с трона и начать бегать и скакать. Ей даже стало жаль бедного мальчугана... Про себя она решила, что Людовик ей нравится; зато Бланш де Кастиль сразу вызвала у нее резкую антипатию..

«Даже если бы она не была в связи с моим мужем, я бы все равно возненавидела ее, – подумала Доминик. – И откуда, откуда королева знает, что у меня были веснушки и смуглая кожа?.. Что все это значит?» – недоумевала она. Из этой задумчивости ее вдруг вывели голоса ее новых сослуживиц, стоящих рядом с ней. Она услышала столь дорогое для нее имя.

– Смотрите, ее величество как на иголках, – прошептала одна из девушек.

– Еще бы! Ей не до приема! Она ждет герцога де Ноайля, – тихо отвечала вторая. – Он же защищал ее цвета в Провене.

– Как он вчера дрался! – сказала третья. – Герои Троянской войны побледнели бы от зависти!

– Рауль де Ноайль – самый красивый и мужественный рыцарь при дворе.

– Если бы он обратил на меня внимание, – мне кажется, я бы умерла от счастья!

– Тише, дорогая. Королева может услышать... или герцогиня де Луна.

– Ах, девушки... Пусть слышат! Я мечтаю выйти замуж за него!

«Размечталась! Он мой, и только мой!» – подумала Дом. Но ей были все же приятны эти похвалы ее супругу.

Да, Доминик теперь тоже заметила: королева была в возбуждении. Она покусывала губы и барабанила пальчиками по подлокотнику трона, бросая нетерпеливые взгляды на дверь залы. И Дом тоже почувствовала, как по ее собственному телу побежали мурашки и ее даже начало слегка колотить. Где же он?.. Когда же, наконец, он появится?

И, когда сенешаль Матье де Монморанси вновь распахнул створки дверей и, стукнув жезлом об пол, сказал: – Герцог де Ноайль! – Доминик вынуждена была опереться о стену сзади себя, чтобы не упасть.

11. Рауль де Ноайль

Лицо королевы озарилось неприкрытой радостью; Дом увидела это, и ее окатила волна жгучей ревности. Девушка еще раз дала себе слово: «Я не уступлю его никому! Я отниму его

у Бланш!» Карлик Очо же зевнул, захлопнул книгу и улегся у ног королевы с самым невинным видом, и даже закрыл глаза, делая вид, что заснул.

Рауль де Ноайль вошел в залу и направился по алой дорожке к королю и королеве. По мере того, как он приближался, сердце Доминик колотилось все чаще и отчаяннее. Боже милосердный, как он был красив!

Раулю было не более тридцати. У него были длинные вьющиеся волосы цвета норкового меха, такие густые и блестящие, что хотелось запустить в них руку и почувствовать их шелковистую мягкость. На смуглом лице ярко сверкали очень светлые голубые глаза; длине черных ресниц герцога и его изящно очерченным, тоже черным, бровям позавидовала бы любая красавица. Нос у герцога был прямой, рот – неожиданно мягкий и нежный, как у девушки; он улыбался – уж эту белозубую улыбку она узнала бы, подумала восхищенная Дом, из тысяч других!

На герцоге был темно-желтый парадный костюм (желтый цвет был очень моден при дворе), весь расшитый золотом и белым и розовым жемчугом сказочной величины. На ногах его были сапоги с золотыми шпорами, гордо позвякивавшими при каждом шаге молодого человека. На бедрах Рауля, на золотой цепи, висели: слева – меч, справа – кинжал в усыпанных драгоценными камнями ножнах, с золотой рукоятью, в которую был вставлен огромный рубин.

Он шел, бросая по сторонам высокомерные взгляды; и все дамы и кавалеры низко кланялись ему.

«Мой муж! Таинственный герцог Черная Роза! Загадочный Мишель де Круа! Рауль де Ноайль!» Доминик не сводила с него влюбленных глаз. Ей не было дела до того, что кто-нибудь мог обратить на нее внимание. Король, королева, весь двор, – ничто, ничто не существовало для нее сейчас, кроме ее Рауля!

Наконец, он приблизился к возвышению и, поцеловав руку короля, подошел к трону королевы. Бланш улыбнулась ему ослепительной улыбкой и, протянув руку для поцелуя, воскликнула:

– Ах, наконец вы здесь, наш несравненный победитель! Мы уже вас ждали!

– Ваше величество, простите, что заставил вас ждать, – сказал Рауль, склоняясь над ее рукой. Доминик вслушивалась в каждое его слово. Его голос... да, низкий, он был похож, очень похож на голоса Черной Розы и Мишеля де Круа!

– Герой имеет право на опоздание... – с почти интимной улыбкой негромко сказала королева. – Вчера вы показали чудеса храбрости, дорогой герцог!

– Защищать цвета нашей королевы – какая честь может быть выше этой?

– Да, вы правы. Боже, как давно при дворе не было турнира! И как я соскучилась по этому зрелищу!

– Да, ваше величество, – ответил Рауль, – с тех пор, как началась война в Лангедоке и Провансе.

– Увы! Все наши славнейшие и сильнейшие рыцари были там, включая вас, герцог. А без них и вас турнир был бы совсем не тем! Сколько же лет прошло с тех пор, как мы смотрели последний раз на ристалища?... Очо! – и королева толкнула спящего карлика ногой и перешла на испанский, – у тебя хорошая память – когда в последний раз был рыцарский турнир?

– Пять с половиной назад, ваше величество. Турнир в Сен-Клу, – сказал Очо, открыв один глаз.

– Да, действительно... – прошептала королева, неожиданно помрачнев. И, повернувшись снова к Раулю, сказала, опять по-французски: – Он говорит, что не помнит, когда это было, дорогой герцог.

«Значит, Рауль не знает испанского», – подумала Дом.

Тут неожиданно юный король обратился к матери:

– Мадам, если аудиенция закончилась, вы разрешите привезти сюда моего рыцаря? Я хочу потренироваться!

– Конечно, Луи, – с ласковой улыбкой сказала Бланш. – Но пусть освободят вам место, чтобы вы никого случайно не ранили, как в прошлый раз.

– Я буду очень осторожен, мадам! – и мальчик, соскочив с трона, крикнул:

– Привезите моего рыцаря! Прошу вас, господа, отойдите все подальше!

Дамы и кавалеры задвигались, и скоро на середине залы образовалось широкое пространство, куда двое слуг в латах и шлемах вкатили чучело рыцаря в полном боевом вооружении и доспехах. Это чучело невольно напомнило Доминик ее рыцаря в Руссильонском замке. С двух сторон к чучелу были прикреплены длинные цепочки, позволявшие его раскачивать.

Слуги, опустившись на колени, принялись тянуть цепочки, а Людовик, вытащив из ножен у себя на поясе кинжал и отойдя шагов на десять, начал бросать его в рыцаря, стараясь попасть в ярко-красный круг на его груди. Это было довольно сложно, даже если бы чучело стояло неподвижно; но, когда оно раскачивалось из стороны в сторону, ловкость и меткость были нужны очень большие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.